

Н. А. Лаппо-Данилевская

ДОЛГЪ ЖИЗНИ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

== ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА „ПРЕССЕ“ ==

Всѣ права сохранены за авторомъ.

„On voudrait revenir à la page où
l'on aime,
et la page où l'on meurt est déjà
sous nos doigts“.

Lamartine.

I.

Серебряный чайникъ, выбрасывая струю горячаго пара, слегка покачивался отъ kloкотавшей въ немъ воды; синеватый огонь спиртовой конфорки горѣлъ ровнымъ вѣнчикомъ продолговатыхъ рожковъ и, казалось, блѣднѣлъ и таялъ въ косомъ солнечномъ лучѣ, прорѣзавшемъ всю комнату и падавшемъ на сложенные на колѣняхъ руки неподвижно-сидѣвшей въ креслѣ женщины. Въ склоненной головѣ, въ смутловатомъ профилѣ лица испанскаго типа, въ глазахъ, полуприкрытыхъ длинными темными рѣсницами, безсознательно устремленными въ одну точку — сказывалась усталость не то физическая, не то моральная. Вздрагивали вѣки, вздрагивали пальцы безсильно опущенныхъ рукъ. Въ комнатѣ было тихо. Въ косомъ лучѣ солнца дрожали и таяли мириарды пылинокъ. Зеленый попугай въ громадной клѣткѣ, нахохлившись и прижавшись головой къ золоченымъ прутьямъ, установился круглымъ глазомъ на яркій лучъ и тоже тихонько вздрагивалъ.

— Ты спишь, Ольга? Какая тутъ тишина!..

Она вздрогнула, подняла большіе темные глаза и, какъ будто съ трудомъ отрываясь отъ физической неподвижности, встала съ кресла и пошла навстрѣчу входившему старику. Она была довольно большого

роста, статная, среднихъ лѣтъ, хорошо сохранившаяся, красивая брюнетка.

— Здравствуй, дядя.

— Ты что же: вздремнула? Un petit somme?

— Нѣтъ. Просто такъ смирно сидѣла. Устала немного: визиты были... Хочешь чаю, дядя?

— Пожалуй. А я, долженъ тебѣ сознаться, усталъ сегодня, какъ гончая собака. Рано всталъ, отстоялъ обѣдню, затѣмъ поѣхалъ по обыкновенію на набережную, тамъ отзавтракалъ, причемъ Софья Михайловна угостила меня прелестнѣйшимъ Margot и такимъ балыкомъ, что я ей ручки расцѣловалъ. Оттуда направился на Милліонную. Мими очаровательная женщина, и ея музыкальныя утра съ прекраснымъ открытымъ буфетомъ внѣ конкуренціи, но надо же пожалѣть мои старыя ноги и починить лифтъ. Взявшись на четвертый этажъ, имѣя на плечахъ семь десятковъ лѣтъ — merci papa!... Оттуда я съ помощью «Ваньки» добрался на Каменноостровскій, гдѣ посѣтилъ балетную диву.

Ольга, наливъ старику чай, дѣлала видъ, что слушаетъ оживленную, давно знакомую ей свѣтскую болтовню, легко перебѣгающую съ одного предмета на другой.

Николай Алексѣвичъ Калугинъ, съ обрюзглыми, тщательно выбритыми щеками, съ выпуклыми, когда-то голубыми, глазами, въ слегка поношенномъ костюмѣ, который онъ, не смотря ни на что, умѣлъ носить съ щегольствомъ привыкшаго къ салонамъ человѣка, — былъ полонъ только личными интересами. Съ аппетитомъ уничтожая печенье и запивая ихъ чаемъ, онъ, повышая или, до выразительнаго шопота, понижая голосъ, повѣствовалъ племянницѣ о блистательно разыгранной наканунѣ партіи въ окшенъ-бриджъ, о томъ, что у новоявленнаго министра предстоитъ блестящій раутъ, о томъ, что сигары вздорозжали.

— Однако же я и хорошъ! — перебилъ онъ себя, хлопая ладонью по лбу. — Забылъ, самое главное забыть: что Танита? Вѣдь консилиумъ вчера состоялся? Какъ высказались врачи?

— Общее мнѣніе, что зрительный аппаратъ неповрежденъ и что вся болѣзнь на нервной почвѣ.

— Все это прекрасно, но выздоровленіе? Обѣщаютъ ли они выздоровленіе?

— Определеннаго ничего не говорятъ. По ихъ мнѣнію все въ зависимости отъ случайныхъ причинъ. Какъ неожиданно началась потеря зрѣнія, такъ же неожиданно можетъ наступить и полное выздоровленіе. Требуютъ смѣну впечатлѣній, солнце, югъ, разнообразіе. . . Ищутъ затаенныхъ причинъ дѣвичьей тоски, быть можетъ безнадёжной любви и въ связи съ этимъ постепенное ослабленіе нервной системы. . . Ахъ, Танита, моя бѣдная Танита!

Ольга сплела пальцы рукъ и крѣпко прижала ихъ у подбородка.

Вѣки закрытыхъ глазъ задрожали, и изъ-подъ рѣсницъ блеснула слеза.

— Что? Что такое? И ты можешь надъ этимъ задуматься? *C'est chercher midi à quatorze heures!* Чепуха, просто чепуха! Танита, наша маленькая Танита, совершенно нетронутое, чистое помыслами дитя, недавно бросившее играть въ куклы и читать сказки! Доктора не умѣютъ отыскать корня болѣзни и, не зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, хотятъ навязать какіе-то, свойственные современнымъ барышнямъ, чтобы не сказать *demi vierge*'амъ, мотивы неразгаданныхъ болѣзней.

Старикъ заволновался, отодвинулъ пустую чашку, задѣвъ локтемъ, чуть было не уронилъ ее, опять передвинулъ, налилъ свѣжаго чая и, приподнявъ брови и пожимая плечами, не находя достаточно вѣскихъ возраженій,

сердито принялся отпивать чай и уничтожать близъ стоявшіе сандвичи.

Ольга продолжала сидѣть въ той же позѣ напряженного, тоскливаго размышленія.

— И ты не расхохоталась имъ въ лицо, — этимъ эскулапамъ? Не сказала имъ, что Танита дитя, младенецъ?!

— Нѣтъ, я ничего не сказала, — чуть слышно произнесла Ольга.

— Жаль, что меня тамъ не было! Смѣшно сказать. Да кого же она видитъ, въ кого ей влюбиться? Въ своего учителя пѣнія — поджараго итальянца или въ свою облысѣвшую miss Jesob, или можетъ быть въ меня? Ахъ, когда я былъ Аркадскимъ принцемъ!.. — старикъ откинулся на спинку дивана, и его пожелтѣвшее обрюзглое лицо расплылось въ умильную, полную сладкихъ воспоминаній улыбку, — я былъ и статень, и красивъ, *je n'étais pas dédaigné par les femmes*, но это было такъ давно... — онъ развелъ руками и съ грустной и покорной улыбкой склонилъ еѣдую, не лысѣвшую голову. — Что теперь осталось отъ меня?! Умѣнье войти въ гостинную съ видомъ человѣка, шутя прожившаго милліоны, умѣнье оцѣнить тонкій обѣдъ съ хорошимъ виномъ и душистой сигарой *et puis rien*... однѣ воспоминанія... правда, самыя разнообразныя о, даже очень разнообразныя и пикантныя; все же это только тѣни прошедшаго...

На минуту въ комнатѣ настала тишина. Николай Алексѣевичъ, покачивая головой, въ сладкихъ воспоминаніяхъ ласкалъ убѣгающія тѣни отцвѣтшей жизни. Ольга, скрестивъ у подбородка руки, заглядывала въ какую-то жуткую пропасть, надъ которой сплетались волею судьбы концы нѣсколькихъ жизней, а зеленый попугай, по прежнему уставившись на яркій солнечный лучъ, грезилъ о тропическихъ рощахъ, съ широколиственными пальмами и ароматами знойной полуденной страны.

— А Танита гдѣ? — нарушилъ молчаніе старикъ.

— Она въ саду.

— Прекрасно у васъ здѣсь. Хорошо, что вы такъ рано перебрались изъ города. Далеко ли до него? Рукой подать, а какая разница! Ранней весной ничего нѣтъ живописнѣ этихъ острововъ. Сколько я въ свое время кутилъ здѣсь!.. Сколько пережилъ прелестнѣйшихъ моментовъ... Да, такъ ты мнѣ не сказала, какъ ты рѣшила относительно совѣта докторовъ ѣхать на югъ?

— Конечно, я повезу ее.

— Куда же?

— Еще не знаю. Надо обдумать, спросить, куда ей самой хочется.

— И скоро поѣдете?

— Да; откладывать не для чего.

— Разумѣется: пробудьте здѣсь весну и съ Богомъ, а я, если ничего не имѣешь противъ, переѣду изъ душеаго града въ сіи злачныя мѣста, буду вмѣстѣ съ попкой сторожить твои пенаты, къ закату солнца буду наводить красоту и, по примѣру юныхъ дней, выходить на *pointe*, чтобы обмѣняться привѣтствіемъ съ добрымъ пріятелемъ или хорошенькой женщиной.

— Очень буду рада, если ты переѣдешь сюда.

— *Admirable!* — То-то я сегодня проснулся въ какомъ то особенно пріятномъ настроеніи: это было предзнаменованіемъ удачнаго дня.

Нѣтъ, положительно я молодѣю. Вѣдь ты вообрази себѣ только, что мнѣ семь-десять шесть лѣтъ. Каково? Семьдесятъ шесть, а я какъ папильонъ летаю, а? Что ты на это скажешь?

— Да, дядя... — тихо вздохнула Ольга.

— *Vous êtes gréoccupée, ma chère?*

— Конечно...

— Ну, послушай, мой другъ, если тебя встревожили глупѣйшія догадки эскулаповъ, то это вадоръ, сущій вадоръ.

— Ахъ, дядя, развѣ можно поручиться.

— Ты, мой другъ, всегда страдала излишней мнительностью, всегда ты была... — Николай Алексѣвичъ повертѣлъ пальцемъ передъ своимъ лбомъ, — *trop fantasque*. Можно ли такъ предаваться унынію на основаніи какихъ то вадорныхъ догадокъ. Смѣшно, мой другъ... Закурить разрѣшается?

— Пожалуйста, дядя.

Николай Алексѣвичъ досталъ серебряный портсигаръ, испещренный золотыми инициалами, камнями и надписями, досталъ папиросу, любовно вставилъ ее въ янтарный мундштучекъ и, не торопясь, закурилъ.

— Владимиръ знаетъ результатъ консилиума?

— Да, по телефону спрашивалъ.

— Конечно, смѣется надъ догадками сихъ мудрыхъ мужей?

— Про это я ничего ему не говорила... — на минуту запнувшись, отвѣтила Ольга.

— Вѣроятно онъ поѣдетъ съ вами?

— Я хочу ѣхать одна съ Танитой.

— Вотъ это напрасно! Онъ, я знаю, имѣлъ въ виду дать себѣ отдыхъ на все лѣто и, конечно, поѣхалъ бы съ вами. *Quelle mouche vous a piquée, ma chère?*

— У меня, дядя, есть причины желать ѣхать безъ Владимира.

— Не могу отгадать, какія это могутъ быть причины! Кромѣ того, что такое рѣшеніе можетъ его серіозно обидѣть, но и для тебя самой его присутствіе въ чужихъ краяхъ, при данныхъ обстоятельствахъ, было бы прямо необходимо.

— Я думаю теперь только о Танитѣ.

— И для Таниты лучше, потому что онъ все же вносить не малую долю оживленія, когда бываетъ у тебя, и Танита...

— Онъ бываетъ у насъ рѣдко.

— Это я все прекрасно понимаю, мой другъ, но здѣсь — одно, а жизнь за границей, гдѣ-нибудь въ отелѣ, — совсѣмъ другое. Вы будете тамъ всегда вмѣстѣ, нисколько не нарушая самыхъ строгихъ правилъ щепетильнаго «*qu'en dira-t-on*». Мало ли что можетъ случиться, и возлѣ тебя будетъ другъ, преданный, лояльный другъ. Не мнѣ говорить тебѣ о его джентельменствѣ: ты убѣдилась за эти десять лѣтъ, что для него честь и имя любимой женщины дороже жизни. Владиміръ — это двѣ капли воды его отецъ: та же высокая чистота души, та же способность беззавѣтной любви, то же поклоненіе любимой женщинѣ. Знаешь ли ты, мой другъ, что не смотря на то, что Владиміръ любитъ меня очень горячо, какъ ближайшаго друга своего покойнаго отца, и очень во всемъ откровененъ со мною, однако никогда, понимаешь ли, никогда за всѣ эти десять лѣтъ между нами не было произнесено твое имя. И свои радости, и свои горести, которыя ты ему несешь, онъ переживаетъ одиноко.

— Развѣ я не знаю этого, дядя! Все знаю... — чуть слышно проговорила Ольга.

— Знаешь, а хочешь его отстранить въ такую минуту, когда ему надо быть съ тобой.

— Ахъ, дядя, да развѣ я-то сама не буду страдать? Но вѣдь Танита, пойми — Танита.

— Et bien, quoi?

— Ей семьнадцать лѣтъ, я должна удвоить осторожность; она такъ впечатлительна, такъ наблюдательна, я такъ боюсь за нее...

— И все-таки я не вижу причины, чтобы онъ не ѣхалъ съ вами.

— Дядя... — Ольга порывисто вздохнула, провела рукой по глазамъ, близко наклонилась къ Николаю Алексѣвичу и, положивъ ему руку на обшлагъ рукава, въ волненіи молчала, какъ бы ища словъ.

— Дядя, я хочу откровенно поговоpить съ тобой, это необходимо...

— Что случилось? Ты пугаешь меня. — Старикъ отложилъ въ сторону недокуренную папиросу, повернулся всѣмъ корпусомъ къ племянницѣ, и лицо его сразу приняло озабоченное выраженіе.

— Подожди минуту... — Ольга встала и, отдернувъ легкую шелковую драпировку, отдѣлявшую комнату отъ террасы, ведущей въ садъ, заглянула въ глубь нее и, удивляясь, что она пуста, вернулась на старое мѣсто. Комната наполнилась яркимъ свѣтомъ весенняго дня. Черезъ террасу виднѣлся садъ съ недавно распустившейся нѣжной листвою. Пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, ароматомъ пробивающейся травы и сырой набухшей земли.

— Дядя, съ нѣкоторыхъ поръ въ мою душу закралось странное подозрѣніе... — заговорила Ольга, и рука, которая лежала на ручкѣ кресла, опять задрожала, — я слѣжу за Танитой... мнѣ кажется, что ея сердце не свободно, что она... любитъ Владиміра.

Смуглое лицо Ольги поблѣднѣло.

— Что? Что за фантазія! — Николай Алексѣвичъ съ жестомъ изумленнаго негодованія ударилъ себя ладонью по колѣну. — *Quelle blague!* Какъ могло это прійти тебѣ въ голову?

— Если бы я ошибалась! Но какой ужасъ, если я права!..

— Данные? Какія у тебя данные? — негодующимъ шопотомъ перебилъ племянницу старикъ.

— Мнѣ трудно ихъ перечислить, и въ же время они бросаются въ глаза. Съ нѣкоторыхъ поръ Танита стала замкнута и скрытна; появилась какая то нервная порывистость, небывалые прежде быстрые переходы отъ грусти къ радости, странно совпадающіе съ именемъ Владиміра... Когда я подмѣчаю это, дядя, мнѣ кажется, что я стою на порогѣ какой-то кошмарной тьмы. Ты знаешь, какъ я ревниво, болѣзненно оберегала Таниту за всѣ эти десять лѣтъ, чтобы ея дѣтской души не коснулась тѣнь подозрѣнія нашей тайны. Ты знаешь, что Владиміръ бываетъ у меня рѣдко, рѣже, чѣмъ многіе изъ знакомыхъ; раньше Танита этого не замѣчала. Почему же съ нѣкоторыхъ поръ она ждетъ его визита и по нѣсколько разъ спрашиваетъ у меня о немъ и настаиваетъ, чтобы я звала его!

— Ну, это еще не доказательство. Владиміръ живой, интересный человѣкъ, извѣстный ораторъ — своего рода знаменитость, — слушаетъ ея щебетаніе, приносить ей ноты, конфеты... Ребенку въ семнадцать лѣтъ льстить ласковое вниманіе человѣка, о которомъ пишутъ въ газетахъ, говорятъ въ салонахъ... Ты всегда, *mon ange*, обладала мнительнымъ воображеніемъ.

Изъ сада донеслись голоса. Ольга вздрогнула и вся насторожилась. Черезъ открытую на террасу дверь была видна прямая, ведущая въ глубь сада аллея. Въ концѣ ея, на фонѣ блѣдной, нѣжной зелени и глубокаго весенняго неба вырисовывался легкій силуэтъ юной дѣвушки въ бѣломъ костюмѣ, съ газовымъ шарфомъ, брошеннымъ на золотистые, какъ спѣлая рожь, волоса. Рядомъ съ ней стоялъ большого роста человѣкъ въ пальто; въ одной рукѣ онъ держалъ котелокъ, другой — опирался о трость и, слегка сгибая спину, съ ласковой внимательностью слушалъ то, что ему съ оживленіемъ говорила дѣвушка.

— Вотъ они. Я вижу отсюда, какъ оживилось ея личико.

— Разговариваетъ, такъ и оживилась; что же тутъ особеннаго!

Николай Алексѣвичъ досталъ ринсе-пез изъ бокового кармана визитки, тщательно расправилъ его на носу, поднялся съ кресла и внимательно сталъ смотрѣть въ сторону сада.

— Они сюда идутъ, дядя, сядь пожалуйста.

— Ну вотъ, точно мнѣ стоять возбраняется? Ты лучше на себя погляди: развѣ можно имѣть такое разстроенное лицо! — съ ласковой ворчливостью произнесъ старикъ, снимая ринсе-пез и упрятывая его въ футляръ.

Между тѣмъ изъ сада по ступенькамъ террасы медленно поднимались Танита и Владиміръ Сергѣевичъ Карингъ. Ольга, усиліемъ воли измѣняя выраженіе лица, съ привѣтливой улыбкой встала на встрѣчу входившимъ:

— Я не думала, что вы такъ рано освободитесь, Владиміръ Сергѣевичъ?

— Сверхъ ожиданія общее собраніе окончилось раньше, такъ какъ выборы на вакансію члена суда прошли единогласно, и кромѣ того нѣсколько дѣлъ председатель суда снялъ съ очереди. Я поспѣшилъ сюда, чтобы узнать подробности вчерашняго консиліума. Татьяна Николаевна уже многое рассказала мнѣ.

— Зачѣмъ вы такъ называете меня, Владиміръ Сергѣевичъ? Вы знаете, что мнѣ это непріятно, — отозвалась Танита, усаживаясь близко подлѣ дяди и тихонько прижимаясь щекой къ его плечу.

— Простите... но изъ маленькой Таниты расцвѣла Татьяна Николаевна, и мой языкъ невольно...

— Для васъ я Танита.

— Если вамъ непріятно иначе — извольте... — Каринъ съ видомъ покорности склонилъ голову, и добрая улыбка сдѣлала еще болѣе привлекательнымъ его лицо съ коротко подстриженной бородкой, черными, слегка сдвѣвающими на вискахъ, волосами, съ необыкновенно густыми широкими бровями, изъ подъ которыхъ спокойнымъ, ласковымъ и ровнымъ свѣтомъ смотрѣли небольшие умные глаза. Въ его движеніяхъ, въ звукѣ голоса, во всей его внѣшности было что-то успокоительное и разумно привѣтливое.

Въ то время какъ Ольга наливала ему чай, онъ, присаживаясь къ столу, хотѣлъ опуститься на легкій золоченный стулъ, но, оглядѣвъ его, покачалъ головой и, отодвинувъ въ сторону, сѣлъ въ кресло.

— Мой ростъ опасенъ для такой хрупкой мебели, — добродушно улыбнулся онъ, посмотрѣвъ на Николая Алексѣвича, перевелъ взглядъ на Ольгу, на одно едва уловимое мгновеніе задержалъ его на ней, и улыбка исчезла съ его лица.

— Какъ вы себя чувствуете, Ольга Георгіевна? — спросилъ онъ черезъ минуту.

— Благодарствуйте, я здорова, — не подымая глазъ отвѣтила она и заговорила о близкомъ отъѣздѣ за границу.

— А ты куда собираешься на лѣто, Владиміръ? — обратился Николай Алексѣвичъ къ Карину.

— Да я, собственно говоря, могу ѣхать, когда и куда захочу.

— Вотъ какъ хорошо! — встрепенулась Танита и съ живостью отодвинулась отъ плеча дяди. — Помните, въ прошломъ году, когда мама приглашала васъ къ намъ въ деревню, вы сказали, что когда мы поѣдемъ за границу, вы возьмете отпускъ и поѣдете съ нами. Вотъ и поѣдѣте теперь, — вѣдь правда, мама?

Николай Алексѣевичъ, выжидала отгѣтъ племянницы, смотрѣлъ на нее; Каринъ былъ сосредоточенно занятъ въ-боромъ сандвичъ.

— Зачѣмъ же мы будемъ беспокоить и стѣснять Владимира Сергѣевича...

— Помилуйте, Ольга Георгиевна, я...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Тѣмъ болѣе, что мы съ Тани-той поѣдемъ безъ опредѣленнаго рѣшенія гдѣ-нибудь на долго остановиться; вѣроятно же всего, что будемъ пере-кожевывать съ мѣста, на мѣсто, а вамъ надо отдохнуть, смирно посидѣть.

Танита вся подалась впередъ, ожидая возраженій со стороны Карина, но тотъ молчалъ.

— Если рѣчь идетъ обо мнѣ, — сдержано заговорилъ онъ черезъ минуту, — то могу васъ увѣрить, что для моего отдыха одинаково благопріятны всякія условія.

— Да... но зачѣмъ же, — не находя словъ, перебила его Ольга.

Онъ внимательно еще разъ посмотрѣлъ на нее, ища ея взгляда, но она намѣренно его не поднимала. Каринъ, подавивъ въ себѣ чувство тревоги, заговорилъ о постороннихъ вещахъ. Старикъ Калугинъ поддерживалъ разговоръ, передавая слышанныя свѣтскія новости и сплетни. Танита притихла и, опустивъ голову, задумчиво переби-рала концы бѣлаго шарфа.

— Однако, я болтаю и могу опоздать, — спохватился Калугинъ, поглядывая на часы и торопливо вставая съ кресла.

— Я думала, ты пообѣдаешь съ нами, дядя.

— Нѣтъ, мой другъ, сегодня я обѣщалъ обѣдать на Фонтанкѣ. У насъ сейчасъ же послѣ обѣда составитъ партія въ окшень-бриджъ, ты понимаешь, что я не могу не поѣхать, рѣшительно не могу, — дѣловито-озабочен-

нымъ тономъ пояснилъ старикъ, отыскивая глазами свою шляпу.

— И какъ это вы всюду поспѣваете, Николай Алексѣвичъ? Право, вамъ можно позавидовать, — улыбнулся Каринъ, забавляясь суетливой и торжественной дѣловитостью, съ которой Калутинъ относился къ своимъ свѣтскимъ обязанностямъ.

— А вотъ видишь, мой другъ, и поспѣваю всюду, и не мечусь безъ толку, даромъ что старикъ. Ну, прощай, Ольга. Значить, я перебираюсь на лѣто сюда. Танита, поцѣлуй старика-дядю, ça me portera bonheur для бриджа.

— Я васъ провожу, дядя. — Танита взяла Калугина подъ руку.

— Демосфенъ — à bientôt. Кстати, о твоей послѣдней рѣчи въ судѣ много толковъ: говорятъ, ты былъ неподражаемъ.

— Полноте... надо же людямъ о чемъ нибудь толковать, — отмахнулся Каринъ съ виноватой улыбкой.

— А bientôt, друзья мои:.. а порт-сигаръ гдѣ? Да куда же я его дѣлать?.. Неужели потерялъ?!

— Посмотрите, дядя, въ карманѣ.

— Въ какомъ карманѣ? Ничего тамъ нѣтъ.

— А это что?.. — разсмѣялась Ольга, вытаскивая порт-сигаръ изъ бокового кармана визитки.

— Дѣйствительно тутъ. Ну, ничего, значить, не подѣлаешь: становлюсь рамоликомъ.

Старикъ еще разъ пересчиталъ карманы, удостовѣряясь на мѣстѣ ли рипое-пез, мундштукъ и кошелекъ и, сдѣлавъ общій шутливо-торжественный поклонъ, вышелъ черезъ террасу въ садъ. Танита, держась за его локоть и напряженно глядя себѣ подъ ноги, вышла вмѣстѣ съ нимъ.

Нѣсколько минутъ Каринъ и Ольга молчали. Каринъ стоялъ у раскрытой на террасу двери, задитый солнцемъ и, сощуривъ глаза, смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся, но онъ ихъ не видѣлъ, занятый своими мыслями. Вошедшій лакей убиралъ со стола чайную посуду, въ то время какъ Ольга вполголоса отдавала ему приказанія. Когда лакей вышелъ, Каринъ отошелъ отъ двери и сѣлъ противъ Ольги.

— Вы разсердились на меня? — спросила Ольга, сдѣлавъ едва уловимое движеніе рукой, какъ будто хотѣла протянуть ее Карину.

— Развѣ я могу сердиться на васъ, Ольга... Я только смущенъ немного; мнѣ не совсѣмъ ясны мотивы вашихъ возраженій... или, быть можетъ, я ошибаюсь, не такъ понялъ... — Каринъ съ ласковой надеждой смотрѣлъ на Ольгу.

— Нѣтъ, вы поняли меня... Я должна была такъ говорить... Въ душѣ у меня иныя желанія, но... я должна. — Ольга не находила словъ, ея голосъ дрожалъ и она закончила шопотомъ: — Я это дѣлаю ради Таниты.

— Почему? Я не понимаю васъ, милая Ольга.

— Потому что, дорогой другъ, мы съ вами не замѣтили, какъ пролетѣло десять лѣтъ, и изъ Таниты, какъ вы сейчасъ сами сказали, расцвѣла Татьяна Николаевна. Она впечатлительна, наблюдательна и попрежнему ревнива въ своей любви ко мнѣ. Тайна, которая скрыта для нея здѣсь, тамъ можетъ разоблачиться передъ ней, когда мы будемъ безпрестанно вмѣстѣ. Неосторожное слово, жестъ, взглядъ... мнѣ становится страшно отъ одной мысли, что это можетъ случиться! Ради нея, для которой я такъ многимъ пожертвовала въ личной жизни, ради нея я приношу еще и эту жертву: я разлучаюсь съ вами быть мо-

жетъ на цѣлыхъ полъ года... Что дѣлать! Такъ надо, мой дорогой другъ.

Ольга протянула руку и съ тихой лаской положила ее на руку Карина. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову.

— Вы опечалены, Владиміръ?

— Ольга, вы не правы. Если я сумѣлъ десять лѣтъ обереечь отъ всѣхъ нашу тайну, почему вы сомнѣваетесь, что, позволивъ себѣ быть тамъ, гдѣ вы будете, я не сумѣю быть по отношенію васъ въ роли добраго знакомаго, и только?.. Я такъ немногаго прошу у васъ, Ольга: только быть тамъ, гдѣ будете вы.

— Невозможно, невозможно, мой другъ! Повѣрьте мнѣ, что Танита начинаетъ ко всему внимательнѣе приглядываться. Ея душа — моя святыня. Я не могу, я боюсь поступить иначе.

— Вотъ видите, десять лѣтъ тому назадъ, какъ было просто и естественно уступить моимъ просьбамъ и, давъ согласіе на нашъ бракъ, избѣжать теперь этого сложнаго и тяжелаго для насъ положенія, — со сдержанной горечью произнесъ Каринъ.

— Владиміръ, вы помните, чего мнѣ стоило пойти наперекоръ вашимъ просьбамъ и велѣнію собственнаго сердца: я была проникнута сознаниемъ моего долга передъ дочерью и страхомъ обидѣть ея маленькое дѣтское сердце. Она такъ обожала память своего покойнаго отца и такъ ревниво, такъ болѣзненно была привязана ко мнѣ. Мнѣ казалось, что я совершу насиліе надъ ея чистымъ чувствомъ ко мнѣ. Сохранивъ его нетронутымъ, я еще болѣе страшусь выдать наши отношенія. Не осуждайте меня, поймите меня, мой другъ... У меня такъ тяжело на душѣ.

— Поступайте, какъ вамъ велитъ ваша совѣсть, моя дорогая. Всѣ мои желанія, вся моя жизнь сосредоточены

на вашемъ счастіи и спокойствіи, а потому, чего бы это мнѣ ни стоило, я, конечно, подчинюсь вашему желанію.

Ольга остановила на немъ взглядъ, полный глубокой благодарности.

— Я долженъ ѣхать, — сказалъ Каринъ, задерживая и осторожно цѣлуя протянутую ему руку, — меня ждетъ цѣлая кipa бумагъ.

— Конечно... поѣзжайте... — медленно, очевидно думая о другомъ, произнесла Ольга, не отрывая руки отъ тихихъ поцѣлуевъ Карина и глядя печальными и задумчивыми глазами въ открытую дверь, изъ которой весенній теплый день вливалъ первое тепло яркихъ лучей и первые ароматы распустившихся почекъ.

«... Труба пастушья поутру... еще не пѣла... звонко... и въ завиткахъ еще въ бору... быть папоротникъ тонкій...» — донеслись чистые звуки нѣжнаго дѣвичьяго голоса. Это пѣла Танита. Подъ тихіе аккорды легко перебираемыхъ клавишъ эта пѣснь весны разлилась въ волнахъ весенняго воздуха и всколыхнула волненіемъ и тихой грустью сердца Ольги и Карина.

— Да, весна... опять весна... а мы все еще съ вами врозь, все еще прячемся и живемъ клочками счастья... — чуть слышно произнесла Ольга и вздохнула.

— Все въ вашей власти, — еще тише отвѣтилъ Каринъ, пожалъ ея руку и вышелъ черезъ террасу.

Ольга остановилась на порогѣ и, пристоясь къ приоткѣ двери, провожала его взглядомъ, въ которомъ была и преданность и печаль.

«... О, жизнь... о, лѣсъ... о, солнца свѣтъ... о, свѣжій духъ березы...» прозвучалъ восторженный, радостный и вмѣстѣ грустный призывъ къ веснѣ.

Ольга закрыла глаза и долго стояла такъ, вся залитая солнцемъ, неподвижная, куда-то унесшаяся мыслью.

«О, жизнь, о, лѣсъ, о, солнца свѣтъ...» мысленно повторила она слова пѣсни. Неужели все это для нея кончено? Неужели ея жизнь должна вступить за черту свѣта, въ тѣнь безразличнаго отношенія къ величайшей радости земного существованія — любви? А можетъ быть дядя правъ, и всѣ ея наблюденія — плодъ ея же мнительной фантазій? Танита... Таниточка... быть можетъ и вправду ничего нѣтъ и все осталось, какъ было раньше!..

— Мама, — раздался голосъ дочери. Ольга открыла глаза. На порогѣ противоположной двери стояла Танита.

— Мама, я не хочу никуда ѣхать... останемся здѣсь, — произнесла Танита тихимъ, потухшимъ голосомъ. Руки ея были опущены вдоль тѣла, и во всей позѣ, въ фигурѣ сказывалась грусть.

Ольга подошла къ ней, взяла ее за подбородокъ, приподняла бѣлокурую маленькую голову, граціозно поставленную на гибкой шеѣ, и заглянула ей въ глаза — большіе, голубые, совсѣмъ ясные, опущенные, какъ и у матери, длинными, черными рѣсницами подъ дугой темныхъ, опредѣленно и размашисто-очерченныхъ бровей.

— Дѣтка моя, вѣдь ты же такъ довольна была, что мы ѣдемъ за границу. Что же случилось? Отчего ты такъ печальна? Вѣдь мы ѣдемъ, чтобы вернуть зрѣніе этимъ милымъ глазкамъ. Тебя тамъ ждетъ яркое, горячее солнце, потоки свѣта, синее небо, совсѣмъ непохожее на наше, дивныя красоты горъ, моря, чудныя краски цвѣтовъ... Развѣ тебѣ не хочется туда?

— Темно... вездѣ темно... Что мнѣ солнце, когда оно свѣтитъ не для меня... — глотая закипающія слезы, съ дрожжащими губами, отвѣтила Танита.

— Танита, ты пугаешь меня, дитя мое! — привлекая къ себѣ дочь, взволнованно произнесла Ольга. — Развѣ сегодня ты опять такъ плохо видишь?

— Лучше бы я совсѣмъ ослѣпла, чѣмъ эта мука!.. — всхлипнула Танига и, охвативъ шею матери, вся прильнула къ ней въ порывѣ горя.

III.

Выйдя изъ калитки сада Ольгиной дачи, Каринъ прошель небольшой, чистый, усыпанный желтымъ пескомъ, дворъ и вышелъ на аллею, гдѣ его ожидала небольшая двухмѣстная каретка.

— Что, заждался, Ефимъ? Ну, зато вези меня прямо домой; никуда заѣзжать не будемъ.

— Помилуйте-съ ваше превосходительство, нешто трудно въ этакой день пообождать маленько! Куда прикажете, довезу. Извольте садиться, — ласково оглядывая съ верха козелъ большую фигуру Карина, добродушно проговорилъ давно жившій у него въ домѣ кучеръ Ефимъ, еще не старый, черный, всегда веселый человѣкъ.

Въ то время, какъ Каринъ брался за ручку дверцы, къ нему подбѣжалъ громадный сенъ-бернаръ и, виляя хвостомъ и глядя въ упоръ чуть не говорящими глазами, сталъ ласкаться къ нему, приподымаясь на заднія лапы и тыкаясь объ его рукавъ влажной и мохнатой мордой.

— Здравствуй, здравствуй, Каро... хорошій песъ... ну вотъ такъ, такъ... знаю, что мы друзья съ тобой... — приговаривалъ Каринъ, лаская и трепля мохнатую, мягкую шерсть умной собаки, которую онъ крошечнымъ щенкомъ подарилъ Ольгѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Когда дверца захлопнулась, и карета, мягко покачиваясь, покажилась прочь, Каро побѣжалъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за ней, потомъ остановился, поднялъ морду, втянулъ въ себя воздухъ, постоялъ, что-то обдумывая, и, повернувшись, медленными шагами направился обратно.

Пройдя черезъ садъ на террасу, онъ легъ у порога, положивъ на протянутыя лавы морду, щурясь и поводя ухомъ.

Какъ только карета покатилаcь по зеленѣющей аллеѣ острововъ, Каринъ досталъ изъ оставленнаго въ каретѣ портфеля дѣловыя бумаги, и изрѣдка поглядывая въ открытое окно, принялся ихъ читать.

Каринъ никогда ни съ кѣмъ, кромѣ Ольги, не говорилъ о своей службѣ, о томъ, что онъ отдаетъ ей весь свой мозгъ, всю энергію, и что въ службѣ онъ видитъ не общепринятое отзваниваніе установленныхъ часовъ въ должностномъ учрежденіи, а разумное, честное и идейное служеніе человѣчеству. Каждая бумага была для него не мертвымъ документомъ, а живымъ осколкомъ человѣческой жизни. Какъ и въ первые годы его судебной дѣятельности, онъ свято охранялъ въ душѣ голосъ правды, состраданія и любви къ человѣку. Съ годами улетѣлиcь бурные порывы негодованія къ безправію, беззаконію и жестокости и замѣнились знаніемъ человѣческаго сердца съ бездной его паденія, молчаливымъ состраданіемъ, гуманностью и легкимъ налетомъ грустной усталости отъ бесконечно повторяющихся, однообразныхъ преступленій, караемыхъ закономъ съ большей или меньшей суровостью, не имѣющимъ силы остановить ихъ или предупредить. Какъ бы сурово ни было обвиненіе, произносимое Каринымъ надъ осужденнымъ, въ глазахъ его всегда теплилась сострадательная ласка.

Будучи прокуроромъ окружнаго суда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Каринъ такъ тѣсно слилъ свою жизнь съ кипучей судебной дѣятельностью, что съ трудомъ отрывался отъ дѣловыхъ мыслей въ тѣ немногіе часы, что проводилъ подлѣ Ольги.

Въ этотъ день, вставъ, по обыкновенію, рано, онъ почувствовалъ тотъ приливъ энергіи, который былъ предвѣстникомъ сверхъ нормы кипучаго дѣятельностью дня.

Во время одѣванія Каринъ, съ разсѣянной и добродушной улыбкой, выслушивалъ многорѣчивые и ворчливые доклады стараго слуги на всевозможныя темы. Онъ подавалъ ему реплики и въ то же время думалъ о томъ, что до суда ему надо успѣть ознакомиться съ предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу, въ которомъ онъ хотѣлъ недѣли черезъ двѣ выступить обвинителемъ.

— ... А я ему говорю, — монотонно-скрипучимъ голосомъ шамкалъ Герасимъ, — ты чаво же за скотиной-то плохо смотришь? У нея болячка натерта, а ты запрягаешь, да и барину докладывать не изволишь.

— Онъ вчера говорилъ мнѣ, я знаю.

— Вчерась! Нѣтъ не вчерась, а должонъ былъ завчарась доложить. Каждый должонъ свое дѣло соблюдать, а не то что...

— Да, да, конечно... — механически поддакивалъ Каринъ, перебирая въ умѣ всѣ тѣ факты недопустимой въ дѣлахъ нерадивости одного изъ судебныхъ слѣдователей, которые по совѣсти онъ не могъ дольше оставлять безъ вниманія.

— Что же дѣлать, такъ оставлять не имѣю права, по совѣсти — не имѣю права... — говорилъ себѣ Каринъ, просовывая руки въ форменный скюртукъ, который старый Герасимъ бережно подавалъ ему.

— ... Ты бы, говорю я ему, на гармошкѣ бы не трепькалъ, а перво-на-парво сбрую бы почистилъ...

— Ну нѣтъ, придется предложить суду о дисциплинарной отвѣтственности... — продолжалъ обдумывать Каринъ.

— ... сбруя денегъ стоитъ, а за твое треньканье и гроша не дадутъ, — изливалъ старикъ свою досаду на кучера Ефима, которому не прощалъ, съ его точки зрѣнія, излишней снисходительности барина, не замѣчая того,

что еще большей снисходительностью пользовался онъ самъ.

Оправивъ галстукъ и вытеревъ одеколономъ руки, Каринъ вышелъ изъ спальни. Онъ никогда не позволялъ себѣ ходить по комнатамъ неодѣтымъ и, тщательно одѣваясь съ утра, обрасывалъ платье, чтобы облечься въ халатъ, только идя ко сну.

Просматривая газеты и, на скорую руку, выпивъ стаканъ какао, Каринъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Средней величины, съ тремя зеркальными окнами на улицу, хорошо и уютно обставленный не слишкомъ громоздкой мебелью, крытой коричневой кожей, кабинетъ этотъ былъ любимой комнатой, въ которой Каринъ проводилъ все свое свободное отъ службы время.

На стѣнѣ противъ письменнаго стола висѣлъ большой масляной краски портретъ матери, которую Каринъ боготворилъ. Смерть ея была сильнѣйшимъ и глубочайшимъ горемъ въ его жизни. На противоположной стѣнѣ развѣшаны были портреты близкихъ родныхъ и друзей. Два длинныхъ шкапа вмѣщали: одинъ — беллетристику, журналы и европейскихъ классиковъ, другой — томы законовъ и книги научно-спеціальнаго характера. Аккуратно разставленные по номерамъ, пестрѣли тисненные золотомъ корешки съ надписями: Franz Liszt, Gargaud, Prins, Tarde. Въ старомъ ослиномъ переплетѣ, какъ рѣдкость, обращалъ на себя вниманіе специалистовъ томъ стараго и свирѣпаго криминалиста Карпцова.

Рядомъ съ письменнымъ столомъ на вертящейся этажеркѣ были сложены кассационныя рѣшенія; тутъ же на полкѣ, корешками наружу, въ строгомъ порядкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу были комментаріи Таганцева, Макалинскій, Волковъ, Ширковъ и Шрамченко. Письменный столъ не былъ заваленъ излишними вещами: стопка дѣловыхъ бумагъ, нѣсколько справочныхъ книгъ,

корреспонденція — все лежало аккуратно на своемъ мѣстѣ; тутъ же, на маленькомъ столикѣ — телефонъ. Мягкій, во всю комнату, коверъ, спускающаяся съ потолка матовая люстра, на диванѣ и креслахъ — большія шелковыя подушки, противъ входной двери громадное зеркало — вотъ комната, въ которой всегда находился Каринъ. Окно было открыто и, вмѣстѣ съ солнцемъ и первымъ весеннимъ тепломъ, въ комнату врывался грохотъ улицы.

— «... И въ комнату шумъ ворвался: и благовѣсть ближняго храма, и говоръ народа, и шумъ колеса...» — припомнились Карину стихи, заученные твердой дѣтской памятью и приходившіе ему на умъ каждую весну, когда, послѣ выставленныхъ зимнихъ рамъ, распахивались на улицу свѣже-вымытыя стекла.

Постоявъ минуту передъ окномъ и сѣлся припомнить что-то далекое, связанное съ такимъ же весеннимъ утреннимъ солнцемъ и такимъ же грохотомъ колесъ, когда онъ такъ же стоялъ у окна, Каринъ, такъ и не вспомнивъ, заперъ окно и сѣлъ къ письменному столу. Его мозгъ, привыкшій къ работѣ и дисциплинѣ мысли, сразу отбросилъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія и всецѣло углубился въ работу.

Чѣмъ глубже Каринъ вникалъ въ дѣло, предварительное слѣдствіе котораго онъ теперь изучалъ, тѣмъ сильнѣе оно его интересовало.

Перелистывая листъ за листомъ, онъ не замѣчалъ какъ летѣло время. На маленькомъ столикѣ подлѣ письменнаго стола затрещалъ звонокъ телефона; не отрываясь отъ чтенія, Каринъ снялъ трубку и приложилъ къ уху:

— Я слушаю.

Участковый приставъ докладывалъ ему о загадочномъ убійствѣ офицера ночью на улицѣ. Каринъ выслушалъ

и, ни на мгновение не прерывая течение мыслей по дѣлу предварительнаго слѣдствія, сдѣлавъ отмѣтку на блокнотѣ, продолжалъ чтеніе.

Опять затрещалъ звонокъ. Товарищъ прокурора общалъ, что немедленно выѣзжаетъ со слѣдователемъ на мѣсто происшествія. Каринъ, вызвавъ по телефону секретаря, негромкимъ, съ мягкими интонаціями, голосомъ велѣлъ ему приготовить записку объ этомъ убійствѣ для прокурора судебной палаты.

Когда Каринъ отложилъ бумаги предварительнаго слѣдствія, его воображеніе въ яркой послѣдовательности рисовало картину всего процесса со всѣми недоговоренными и еще невыясненными подробностями происшествія, сильно занимавшаго публику сложностью обстановки. Передъ нимъ отчетливо развѣртывались картины еще не отмѣченныхъ фактовъ, рождались сами собой звенья разорванной цѣпи, которыя въ хаотическомъ безпорядкѣ были какъ бы свалены въ кучу. Интуиціей онъ какъ бы предвосхищалъ то, что шагъ за шагомъ должно было выясниться путемъ допросовъ, очныхъ ставокъ, разслѣдованій и показаній.

На общемъ собраніи окружнаго суда Каринъ часто возвращался мыслью къ разбору предварительнаго слѣдствія. Обладая исключительной памятью, онъ, безъ помощи краткихъ замѣтокъ, въ строгой системѣ отмѣчалъ въ мозгу всѣ мельчайшіе пункты, на основаніи которыхъ вытекали тѣ или иные доводы.

Общее собраніе окончилось раньше, чѣмъ ожидалъ Каринъ, и, вернувшись домой, онъ велѣлъ Ефиму заложить каретку и поѣхалъ къ Ольгѣ. Спокойное настроеніе, которое онъ умѣлъ подчинять доводамъ логики, сразу нарушилось неожиданнымъ разговоромъ съ Ольгой. Ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ ожидать, что Ольга, любив-

шал его преданной, всегда ровной любовью, захочет отказать ему и себѣ въ радости побыть мѣсяца два за границей вблизи другъ отъ друга. Онъ почувствовалъ, что въ ихъ тѣсныхъ, свято охраняемыхъ отношеніяхъ ворвалось нѣчто неожиданное и неясное для него. Безусловно вѣрившій каждому слову Ольги, онъ въ то же время старался уяснить себѣ, какимъ путемъ она могла дойти до такого рѣшенія, если никогда онъ не давалъ ей повода хотя бы къ малѣйшему упреку въ неосторожности, въ излишней свободѣ слова, жеста или взгляда. Откуда же взялся этотъ внезапный страхъ передъ дочерью? Развѣ она чтонибудь замѣтила? Но почему же въ такомъ случаѣ Ольга ни слова объ этомъ не говорила ему раньше? Всѣ эти мысли осаждали голову Карина, пока онъ былъ у Ольги. Сѣвъ въ карету, онъ досталъ изъ портфеля непрочитанныя еще бумаги и, чтобъ не тратить времени, принялся за нихъ. Первая — было представление товарища прокурора изъ Луи, только что доставленное ему на домъ, о томъ, что убійство мальчика-«шпитомца» евреемъ-лавочникомъ, якобы съ ритуальной цѣлью — оказалось вымысломъ. Каринъ облегченно вздохнулъ.

Онъ хотѣлъ достать слѣдующую бумагу, но почувствовалъ, что на этотъ разъ мысли не слушаются его и навойливымъ роемъ врываются изъ области его личной, отъ всѣхъ скрытой, жизни въ область дѣловую. Онъ отложилъ портфель, спустилъ второе окно и приказалъ Ефиму сдѣлать кругъ по островамъ.

Начало сбываться то, — съ горечью думалъ Каринъ, — чего онъ втайнѣ давно опасался: во второй разъ между имъ и Ольгой вставала Танита. Въ первый разъ Ольга принесла въ жертву ихъ любовь ради материнской любви къ малюткѣ; теперь она начинаетъ приносить въ жертву то небольшое, чѣмъ онъ жилъ, изъ страха быть осужденной этимъ же ребенкомъ, сформировавшимся въ малень-

кую женщину. Права-ли Ольга? спрашивалъ себя Каринъ. Да, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, она и права, но все это онъ предвидѣлъ, когда, много лѣтъ тому назадъ, умолялъ ее быть его женой. . . Какъ тогда, такъ и теперь онъ долженъ покориться ради ея же спокойствія. . .

Каринъ тяжело вздохнулъ и въ глубокомъ раздумьи закрылъ глаза. День, такъ бодро и энергично начавшійся, потускнѣлъ, и когда Каринъ подъѣхалъ къ своему дому, онъ почувствовалъ себя усталымъ, той грустной моральной усталостью человѣка, который одиноко и безостановочно шагаетъ по жизненному пути, съ неизмѣнно освѣщающимъ этотъ путь фонаремъ, имя которому — долгъ. Сколько радостей, сколько невинныхъ соблазновъ растаяло въ его жизни подъ тихимъ, немигающимъ свѣтомъ этого фонаря, который вручила ему мать и который онъ всю жизнь держалъ стойкой рукой. Уже сѣдина слегка серебрить его волосы, въ сердцѣ вянутъ краски яркихъ цвѣтовъ лѣта, хочется тихаго покоя. . . пѣсни земли звучать не тѣми мелодіями, что звучали ему еще десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. А впереди? Много ли ему осталсѣ впереди? Все равно, надо идти все той дорогой и тускло освѣщать путь единымъ фонаремъ. . .

Дома Карина ждали текущія бумаги, не просмотренныя имъ въ судѣ, такъ какъ почти все время онъ провелъ въ общемъ собраніи. Наскоро отобѣдавъ, онъ опять сѣлъ къ письменному столу и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, весь погрузился въ работу. Трещалъ телефонный звонокъ, нарушая тишину одинокой квартиры. Каринъ прикладывалъ трубку къ уху и черезъ нее вливались съ разныхъ сторонъ обрывки текущей жизни, съ ея уродливыми и преступными сторонами. Прокуроръ сообщалъ, что напали на слѣдъ убійцы офицера, которыхъ оказывалось трое, и одинъ изъ нихъ отрокъ, котораго офицеръ пріютилъ въ своей квартирѣ. . . Каринъ съ грустью пока-

чалъ головою, и неожиданно въ его воображеніи воскресло лицо одного юннаго преступника, оправданнаго судомъ, круглаго сироты, котораго онъ нѣкоторое время послѣ его освобожденія держалъ у себя въ домѣ, поилъ, кормилъ и отпустилъ, снабдивъ деньгами, только тогда, когда тотъ нашелъ себѣ постоянный заработокъ.

Только что Каринъ, просмотрѣвъ нѣсколько обвинительныхъ актовъ съ заключеніями о прекращеніи ихъ, взялся за письменную работу, какъ опять затрещалъ телефонный звонокъ.

— Слушаю, — проговорилъ Каринъ, пробѣгая глазами только что написанныя строки, но, услышавъ голосъ Ольги, отложилъ перо и оторвалъ взглядъ отъ бумаги. Въ чертахъ его лица отразилось что-то мягкое и радостное.

— Да, я одинъ... какъ и всегда дѣла много, но я успѣю его докончить... конечно, моя дорогая, я буду счастливъ... Грустно ли мнѣ? — Каринъ подавилъ вздохъ и черезъ короткую паузу спокойно отвѣтилъ: — не будемъ говорить обо мнѣ... Ровно черезъ часъ? Отлично. Я счастливъ и жду тебя.

Повѣсивъ трубку, онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ задумчивости: волна личной жизни влилась со звукомъ голоса любимой женщины и сразу отодвинула на второй планъ всѣхъ тѣхъ чуждыхъ ему людей, въ прошедшую и настоящую жизнь которыхъ онъ проникалъ пытливымъ умомъ, чтобы взвѣсить степень ихъ паденія или найти ключъ къ разгадкѣ того, что было скрыто въ ихъ молчаніи или завѣдомой лжи.

Было десять часовъ, когда онъ, отложивъ бумаги и, пройдя въ переднюю, отперъ входную дверь. Въ столовой былъ накрытъ столъ. Каринъ позвонилъ Герасима и велѣлъ ему подавать самоваръ.

— Ты мнѣ больше не нуженъ, Герасимъ, — можешь ложиться спать, — не глядя на слугу, проговорилъ Каринъ.

Герасимъ отлично понималъ, что подъ этими словами значилось, что пріѣдетъ Ольга Георгіевна, которую онъ любилъ и уважалъ, и что ему входить въ комнаты не приказано. Втихомолку Герасимъ не разъ вздыхалъ и охалъ:

— Шли бы подъ вѣнецъ, чего бы лучше! Нешто легко эдакъ-то маяться. . .

Каринъ досталъ изъ буфета фрукты, конфекты и вино и разставилъ ихъ въ кабинетѣ на небольшомъ столикѣ подлѣ кресла, въ которомъ всегда сидѣла Ольга. Онъ зналъ, что она пріѣдетъ, сядетъ въ это кресло, и сразу весь его кабинетъ наполнится тѣмъ неувимымъ уютомъ и свѣтлымъ покоемъ души, который вноситъ съ собой ласковая и любящая женщина.

IV.

Только что Каринъ зажегъ боковую электрическую лампу у портрета матери и хотѣлъ опять приняться за работу, какъ привычнымъ ухомъ слышалъ шаги на лѣстницѣ и затѣмъ легкій стукъ двери. Въ передней была Ольга. Быстрой рукой она откинула съ лица вуаль и, слегка запыхавшаяся, протянула ему обѣ руки.

— Мнѣ удалось пріѣхать. Я такъ рада. У Таниты Лили Баратова сидитъ, и я сказала, что часа на два ѣду къ тетушкѣ.

— Благодарю, благодарю очень за эту радость, — цѣлуя одну за другой протянутыя ему руки, говорилъ Каринъ. Въ звукъ его голоса дрожали нотки радости и благодарности. Ольга была въ томъ же черномъ шелковомъ платѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее днемъ, но лицо у нея

было другое, потому что изъ глазъ излучались потоки несдерживаемой, нескрываемой ласки и любви, и все лицо, смуглое съ большими великолѣпными глазами, казалось помолодѣвшимъ, ожившимъ, обаятельнымъ.

— Какой дивный вечеръ, какой воздухъ!.. точно весь фіалками напоенъ. Весна, весна!.. Такъ хочется счастья въ такіе дни... — говорила Ольга низкимъ пѣвучимъ голосомъ, сбрасывая съ себя черное мантио, снимая у зеркала шляпу и поправляя прическу.

— Вотъ тебѣ первая улыбка весны, ты вѣдь любишь ихъ. — Ольга протянула Карину букетикъ фіалокъ, вынутый изъ за пояса.

— Да, я очень люблю эти цвѣты. Когда мы познакомились съ тобой, ты держала въ рукахъ такой же букетикъ; разговаривая со мной, подносила его къ лицу и, нюхая, слегка закрывала глаза.

— Ахъ, какъ это было давно! — вздохнула Ольга.

— Нѣтъ, милая, для меня это было вчера...

Она прошла въ столовую. Каринъ опустился на диванъ подлѣ кресла. Онъ слышалъ шуршаніе ея платья въ сосѣдней комнатѣ, ея легкія шаги, и на душѣ у него стало тепло и тихо.

— Зачѣмъ это не всегда такъ? — подумалъ онъ. — Пройдетъ два-три часа, и опять въ квартирѣ будетъ пусто и одиноко.

— О чемъ ты думаешь, Дима? — спросила Ольга, ставя двѣ чашки съ чаемъ на столикъ, гдѣ было вино и фрукты.

Каринъ, не отрывая опрокинутой на спинку дивана головы и не открывая глазъ, отвѣтить не сразу:

— Думаю о томъ, что вотъ ты уѣдешь, а я останусь опять одинъ.

— Когда уѣду?

— И сейчас, и... потомъ.

— Не думай объ этомъ, милый... Меня такъ погянуло сюда, въ эту нашу милую комнату, гдѣ столько, столько всего переговорено! Ты уѣхалъ отъ меня такой грустный... я не хочу, чтобы между нами было что нибудь недоговоренное, Дима. Ну, что же ты молчишь?

— Если бы ты не была Ольгой, той, которую я знаю, я могъ бы послѣ сегодняшняго разговора спросить тебя лишь одно: по прежнему ли ты любишь меня? Нуженъ ли я еще тебѣ?

— Дима, Дима! Что ты говоришь?! Какъ могутъ приходить тебѣ въ голову подобныя мысли?! Развѣ ты не чувствуешь?

— Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты отклоняешь то, чего я съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго ждалъ, что такъ въ душѣ летѣлъ: — возможность вдали отъ общества, гдѣ нибудь далеко побыть подъ одной крышей съ тобой, отдохнуть душой, обмануть себя хотя бы иллюзіей счастья.

— Дима, не искушай меня... я не могу, я не смѣю...

— Развѣ ты замѣтила что нибудь особенное? Ты имѣешь какіе нибудь тревожные признаки? Этого не можетъ быть. Танита не можетъ подозрѣвать, не имѣя даже тѣни на какія-нибудь данныя.

— Какъ ты не понимаешь, Дима, что если у нея явится хотя бы тѣнь подозрѣнія, тогда ужъ будетъ поздно. Не должна явиться эта тѣнь, ни въ коемъ случаѣ не должна. Ради нашей любви, ради того, чтобы не потерять тебя, я должна быть осторожна.

Каринъ молчалъ. Ольга пересѣла съ кресла на диванъ и ласково положила ладонь на его откинутый лобъ.

— Я вижу, что ты страдаешь, Дима... прости меня. Только васъ двоихъ я и люблю во всемъ свѣтѣ... но съ

тѣхъ поръ, какъ Танита изъ дѣвочки стала дѣвушкой, — я живу какъ между двухъ огней... я сама не знаю, кого изъ васъ я люблю больше.

— Не обманывай себя, милая, — мысленно сказалъ себѣ Каринъ, — конечно, ее ты любишь больше и для нея принесешь въ жертву и себя и меня.

— Знаешь ли, Дима, что я придумала, — продолжала Ольга, не отрывая руки со лба Карина, — ты вѣдь все таки намѣренъ взять отпускъ лѣтомъ?

— Не знаю, право; теперь меня это мало интересуешь, — отвѣтилъ Каринъ, и въ его голосѣ послышалась Ольгѣ нотка усталости. Она внимательно и пристально посмотрѣла въ его лицо, и оно показалось ей грустнымъ и покорно-усталымъ. У Ольги сжалось сердце: она поняла, что усталость эта была не столько физическая, сколько моральная; она знала, что только она одна могла создать атмосферу тихаго, радостнаго покоя въ трудовой жизни Карина, забывающаго собственные интересы, а между тѣмъ все складывалось такъ, что и тѣ немногіе часы покоя и счастія, что онъ имѣлъ, она принуждена была на долгій срокъ отнять у него... Она подавила вздохъ и послѣ нѣсколькихъ минутъ грустнаго размышленія, заговорила опять:

— Да, такъ вотъ что я придумала: мы все-таки увидимся съ тобой хоть на двѣ, на три недѣли. Это можно будетъ устроить, — мы сплшемся съ тобой. Танита останется на это время съ miss Jesob... ты слушаешь меня, Дима?

— Да, конечно. — Каринъ, не мѣняя позы, положилъ руку на руку Ольги и пожалъ ея пальцы.

— Что жъ ты скажешь на это? Тебѣ нравится мой планъ?

— Я сталъ мало довѣрять планамъ, которые сулятъ мнѣ радости, — потухшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ. —

Лучше ничего не ждать, ни на что не надѣяться... итти своей дорогой и ничего больше.

— Дима, въ твоихъ словахъ мнѣ слышится нѣмой упрекъ, — складывая руки на колѣняхъ, тихо произнесла Ольга.

— Не упрекъ, Оля, нѣтъ, — а горечь сожалѣнія... «счастье было такъ близко, такъ возможно!»

— Можно подумать, что что-нибудь случилось. Вѣдь все же по старому, Дима, — наперекоръ своимъ мыслямъ говорила Ольга. — Зачѣмъ у тебя всѣ эти горькія мысли и такое несчастное лицо?! Если бы ты только могъ заглянуть въ мое сердце!

— Знаю, знаю, Оля. Твое сердце и чистое, и честное. Я ни въ чемъ тебя не упрекаю. — Каринъ отодвинулся отъ спинки дивана, взявъ въ обѣ руки опущенную голову Ольги и нѣсколько разъ прижалъ губы къ ея изсинячрнымъ волосамъ, запахъ которыхъ онъ такъ любилъ.

— Поговоримъ теперь о другомъ: какъ скоро ты рѣшила ѣхать? Куда? Имѣй въ виду, что надо поскорѣе запасть билетамъ. Скажи мнѣ на когда, и я пошлю Ефима заказать купэ въ спальномъ вагонѣ, а то съ острововъ тебѣ далеко гонять человѣка... Эта поѣздка будетъ полезна и для тебя: сегодня днемъ ты мнѣ показалась и похудѣвшей, и поблѣднѣвшей...

Каринъ, отодвигая на второй планъ свою тоску, входилъ во всѣ мельчайшіе интересы ея жизни и, забывая себя, былъ полонъ заботы о ней и о ея дочери. Ольга, сама того не замѣчая, подчиняла свою жизнь его разумному контролю и руководству и, живя съ нимъ врозь, все же опиралась на его руку.

Вечерняя заря давно потухла. Петербургская весенняя ночь соткала бѣлый, матовый покровъ въ догорающихъ оглесахъ за рѣкой и мало-по-малу окутала прозрач-

ными, неуловимо-легкими полутонами, полутѣнями замолкшій городъ съ его роскошью и нищетой, блескомъ, порокомъ, весельемъ и скорбью... Опаловой дымкой подернулись небо и воздухъ; въ безмолвно-прозрачную ночь невидимыми струями вливался затаенный вздохъ протекшаго дня...

Незрѣчими очами заглянула бѣлая ночь въ большія окна комнаты, гдѣ Ольга, обвивъ руками шею Карина, тихо шептала ему о томъ, что для ихъ любви нѣтъ разстоянiя, что, гдѣ бы она ни была, ея мысли съ нимъ, что она, какъ и онъ, живетъ надеждой того дня, когда судьба подведетъ ихъ къ порогу пути, на которомъ ихъ жизни, наконецъ, сольются въ одну.

— Сознаюсь тебѣ, Оля, — грустно вздыхалъ Каринъ, глядя ея шелковистыя волосы, — что иной разъ мнѣ кажется, что моя доля — не знать полного счастья, и что я не дождусь этого свѣтлаго дня... Смотри, прошлой весной еще не было этихъ сѣдыхъ висковъ, не было и рѣчи о разлукѣ. Что будетъ дальше? Я начинаю уставать въ безплодной погонѣ за тѣмъ, что мнѣ всего дороже и всего нужнѣе въ жизни. Оля, милая, развѣ ты не видишь, что я начинаю старѣть?..

Свѣтлыя полутѣни незамѣтно влились въ комнату, и въ ихъ матово-блѣдныхъ струяхъ испуганной душѣ Ольги почудилось что-то предостерегающее, роковое. Она соскользнула съ дивана на полъ и, стоя на колѣняхъ, съ распущенной косой и измѣнившимся блѣднымъ лицомъ, обвела комнату испуганными глазами:

— Дима, мнѣ страшно!... не говори такъ... Кто-то невидимый вошелъ, влился съ этими тѣнями ночи и ослепляетъ насъ... какъ будто подстерегаетъ...

Тоска, въ продолженiи нѣсколькихъ дней, давившая душу Ольги, въ эти минуты налегла всей тяжестью.

— Нѣтъ, Оля, мы одни. Тоска близкой разлуки влилась съ тѣнями ночи. Надо встряхнуть себя, дружокъ. Встань. Тебѣ пора ѣхать домой — уже поздно. Я сейчас велю Ефиму заложить карету и, если хочешь, провожу тебя, — говоритъ Каринь, какъ ребенка успокаивая Ольгу, нѣжно проводя рукой по ея волосамъ, по лицу, цѣлуя ея глаза и руки.

Когда кучеръ подалъ карету, Ольга убѣдила Карина не провожать ее, такъ какъ было очень поздно. Легкой, черной тѣнью она неслышно спустилась по ступенямъ лѣстницы и быстро скользнула въ открытую дверцу кареты. Предразсвѣтный холодокъ охватилъ ея плечи, и, вздрагивая, она прижалась къ углу экипажа.

Надъ торжественно-строгимъ силуэтомъ Исаакіевскаго собора, въ прозрачной синевѣ ночного неба, ярко и низко сіяла Венера, трепеща лучами. Въ отдаленіи матово-зеленоватымъ свѣтомъ блестѣлъ рогъ луны. Въ мягкой, прозрачной полутѣни на площади Маріинскаго дворца четко вырисовывался бронзовый всадникъ. Экипажъ завернулъ на набережную. Широкой, пустынной лентой она огибала свѣтлѣющую даль рѣки, надъ которой уже начиналъ розовѣть бѣлый пологъ ночи. Воздушныя, словно плавающія въ атмосферѣ, очертанія дворцовъ, садовъ, Петропавловскаго шпица, гранитной набережной и мечети съ голубымъ куполомъ и двумя стройными башенками, казались художественными набросками пастелью. Мягкій ударъ копытъ и неслышно катящаяся по торцовой мостовой, какъ по паркету, карета, полусонные татары-дворники подлѣ дворца, одинокій пѣшеходъ, четко постукивающій въ тактъ шаговъ тросточкой по граниту парапета, сонное движеніе сѣрой баржи по соннымъ водамъ голубѣющей рѣки, строгіе, молчаливые ряды дворцовъ, прозрачность и тишина воздуха — все вмѣстѣ сливалось въ тончайшую гармонію красокъ и давало настроеніе не

то кисти художника, не то фантастического миража, готового растаять въ первых лучах утренняго солнца.

Нѣжныя краски просыпающейся зари и свѣжій холодокъ разсѣяли гнетъ предчувствія, и роковыя тѣни одна за другой отлетѣли отъ смущеннаго сердца Ольги. На островахъ лиловато-свѣтлый туманъ разстилался по травѣ и кустамъ, легко скользя между стволами березъ и набрасывая дымчатый покровъ на поверхность прудовъ, въ которыхъ звонкимъ хоромъ квакали лягушки.

Когда карета шажкомъ отъѣхала прочь, Ольга надела пуговку звонка не у параднаго входа, а у воротъ. Ей отворилъ дворникъ. Никого не тревожа, она прошла черезъ садъ къ себѣ въ спальню. Весь домъ спалъ. Сквозь спущенные занавѣси оконъ пробивался мутный свѣтъ, и коматы, уютныя и веселыя днемъ, теперь казались погруженными въ сонную дремоту. Въ Ольгиной комнатѣ ярко горѣли глаза электрическаго ночника-филгина. Не будя горничной, Ольга раздѣлась и, въ бѣломъ халатѣ, съ распущенной косой, неслышно ступая по ковру, прошла въ спальню дочери.

Въ бѣлой комнаткѣ, на бѣлой кровати, раскинувъ волну золотистыхъ волосъ, спала дѣвушка съ тонкимъ профилемъ. Слабый свѣтъ лампы сливался съ блѣднымъ колоритомъ бѣлой ночи и придавалъ погруженнымъ въ сонъ строгимъ чертамъ лица мистическую блѣдную прозрачность. Темныя брови и длинныя черныя рѣсницы еще болѣе подчеркивали какую-то таинственность въ выраженіи спящаго лица. Ольга нагнулась и нѣсколько секундъ, не отрываясь, глядѣла въ это милое нѣжное личико дочери. Перекрестивъ ее, она осторожно дотронулась губами до лба, поправила соскользнувшій край одѣяла и горестно вздохнула въ отвѣтъ на непокидавшія ее мысли о потухающемъ зрѣніи ясныхъ голубыхъ глазъ.

Выходя изъ комнаты Таниты, она замѣтила на ея письменномъ столѣ передъ портретомъ Карина двѣ большіе алыя розы. Что-то дрогнуло въ сердцѣ матери: была ли это простая случайность или? . .

Вернувшись къ себѣ въ спальню, Ольга долго молилась въ эту ночь, не замѣчая, какъ слезы безостановочно капали и капали изъ ея глазъ. Грустныя и тревожныя мысли гнали сонъ, и она забылась лишь подъ утро, когда электрическіе глаза филина стали меркнуть въ яркой полосѣ, пробивающейся сквозь спущенную драпировку.

V.

Въ саду, между кустами сирени съ набухшими густо-лиловыми и блѣло-зеленоватыми почками, на зеленой доскѣ качели сидѣла Танита. Высоко захвативъ правой рукой веревку и прислонившись къ ней головой, она глядѣла вверхъ на свѣже-распустившіяся вѣтви нѣжныхъ березъ, разсаженныхъ живописными группами на небольшой лужайкѣ. Лѣвая рука Таниты усталымъ жестомъ была опущена вдоль блѣлой, плотно облегавшей бедра, юбки. Опираясь носкомъ о землю, Танита слегка покачивала качели, прислушиваясь къ скрипу туго-натянутого каната и желѣзныхъ колець, вдѣланныхъ въ деревянную, заново-выкрашенную балку. Подлѣ качели на плетеномъ садовомъ креслѣ сидѣла англичанка miss Jesob и читала вслухъ. За послѣдніе полъ года зрѣніе Таниты настолько ухудшилось, что ни читать, ни работать, ни играть по нотамъ она не могла. Тоскливая бездѣятельность, среди постепенно сгущающагося вокругъ нея тумана, давили юную душу, и фантазія удрученнаго мозга сѣяла все новыя и новыя зерна безконечнаго количества цвѣтовъ, которые быстро и пышно расцвѣтали, дурманя ядовитыми

ароматами рвущееся къ жизни и счастью сердце. Единственнымъ ресурсомъ въ овладѣвающей тоскѣ была для Таниты музыка. Обладая большой памятью, она играла наизусть вещи, заученныя раньше, или же строчка за строчкой выучивала вновь, повторяя по слуху то, что ей играла miss Jesob. Такимъ же способомъ, не желая прекратить уроковъ, занималась она и пѣніемъ. Исполняя выученное или импровизируя, Танита давала полный исходъ нарастающей тоскѣ и затаеннымъ, никому неповѣданнымъ, думамъ сердца. Цѣлыми часами наполнялся бѣлый залъ съ лощенымъ паркетомъ прихотливыми узорами звуковъ. Сплетались и расплетались гирлянды печальныхъ цвѣтовъ, рожденныхъ тѣнями сгущающихся сумерекъ, или же блистали яркіе букеты, взлелеянные въ тайникахъ дѣвичьяго сердца. Иногда звуки внезапно затихали, и, въ сумеркахъ невидимо стоявшая, мать роняла слезы, глядя какъ склонялась головка дочери на скрещенныя на роялѣ руки и тихонько вдрагивали плечи отъ беззвучныхъ рыданій. Плакала ли Танита оттого, что для нея гаснетъ солнце, или была еще иная затаенная причина?

Теперь, тихонько покачиваясь на качеляхъ, Танита не слушала того, что ей читала miss Jesob: она всецѣло отдавалась теченію своихъ мыслей и была очень рада, когда съ террасы раздался голосъ матери, и англичанка, сложивъ книгу, ушла въ комнаты.

На слѣдующій день былъ назначенъ отъѣздъ. Одна Танита знала, чего ей стоило скрывать свою печаль.

— Боже, какая тоска! — думала Танита, тихонько отталкиваясь носкомъ отъ земли и подставляя теплomu вѣтерку грустное, похудѣвшее личико. — Къ чему мы ѣдемъ? Мама думаетъ, что мнѣ будетъ лучше, а я знаю, что будетъ гораздо хуже. . . когда я тоскую, я вижу хуже. .

Мама не знаетъ, ничего не знаетъ... пусть никто не знаетъ, это моя тайна...

Скрипнула калитка сада, и изъ-за угла дорожки Танита смутно различила кого-то, идущаго къ террасѣ. Она быстро поднялась съ качелей; сердце забилося тревожно, и яркая краска залила все лицо и шею.

— Владиміръ Сергѣевичъ!.. — робко окликнула она.

Шедшій гость остановился, повернулъ обратно и направился въ сторону Таниты. Она ожидала его вѣзволнованная, уже негодующая на себя за то, что можетъ выдать себя этимъ волненіемъ.

— Вы здѣсь, Танита? А я изъ-за кустовъ сирени и не видалъ васъ. Что мама? Надѣюсь, я не опоздалъ къ обѣду? — говорилъ Каринъ, цѣлуя протянутую ему ручку и любясь румянцемъ, освѣтившимъ матовую бѣлизну щекъ.

— Мы сегодня обѣдаемъ гораздо позже, такъ какъ мама спѣшитъ докончить укладку, — отвѣчала Танита, думая въ то же время о томъ, что мать, позвавъ Карина обѣдать, почему-то не сказала объ этомъ ей.

Она опять сѣла на качели. Каринъ, снявъ съ кресла книгу, опустился въ него.

— Это кто же читаетъ? Miss Jesob? — спросилъ онъ, глядя на заглавіе.

— Да, miss Jesob мнѣ вслухъ читаетъ. Это такъ скучно слушать чтеніе вслухъ; я не могу привыкнуть... — вздохнула Танита.

— Конечно, большое лишеніе не имѣть возможности читать самому, — съ ласковымъ сочувствіемъ согласился Каринъ. — Будемъ надѣяться, что такъ продлится недолго: теплый климатъ поможетъ вамъ, мой маленькій дружокъ.

— Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ, если бы вы знали, какъ мнѣ не хочется ѣхать! — съ внезапной горячностью проговорила Танита.

Каринъ удивился выраженію глубокой грусти, которую прочелъ въ каждой чертѣ ея лица.

— Почему, Танита? Вѣдь это такъ важно для вашего зрѣнія.

— Совсѣмъ не это. . . — чуть слышно прошептала она.

— А что же?

— То есть я хочу сказать, что если я не поѣду, то хуже не будетъ .

— Врачи говорятъ другое. Развѣ вамъ не хочется видѣть новые края, чудную природу? ! . .

— Нѣтъ. . . теперь мнѣ хочется остаться здѣсь. . . Здѣсь такъ хорошо на нашей дачѣ. . . а тамъ мы будемъ совсѣмъ однѣ, кругомъ — чужіе. Я знаю, что и мамѣ не хочется ѣхать. Я слышала, какъ она на дняхъ говорила дядѣ, что многое дала бы, чтобы не ѣхать. И она не хочетъ, и я . . . а вотъ ѣдемъ. — Танита горько улыбнулась и на минуту умолкла.

— Значить, дѣйствительно ѣдетъ противъ воли, — съ облегченіемъ подумалъ объ Ольгѣ Каринъ.

— Владиміръ Сергѣевичъ. . . — не подымая глазъ, смущенно заговорила Танита, — у меня есть большая просьба. . . вы ее исполните?

— Если могу, то конечно; отчего же не исполнить?

— Владиміръ Сергѣевичъ. . . пожалуйста, пріѣзжайте туда, къ намъ. . .

— Но. . . Танита, милая. . . вѣдь я же не знаю еще, какъ устроятся мои дѣла, и кромѣ того. . .

— Нѣтъ, нѣтъ, я отлично знаю, что вы можете пріѣхать. Я прошу васъ объ этомъ, потому что мама говорила

тогда же дядѣ, что если бы вы поѣхали съ нами, то она была бы гораздо покойнѣе, что поѣздка въ одиночествѣ, и такъ надолго, ее страшить. Я была на террасѣ и все это слышала. Тогда я вошла въ гостинную и спросила маму, отчего же она отклонила ваше предложеніе ѣхать съ нами? Мама отвѣтила, что вы слишкомъ переутомлены службой, что вамъ нуженъ полный и одинокій отдыхъ, и она не хочетъ лишать васъ покоя. А я увѣрена, что было бы отлично, если бы вы поѣхали. . . Мы бы вамъ не помѣшали, а всетаки не были бы совсѣмъ однѣ. . . Мама была бы покойнѣе, и я, зная это, тоже чувствовала бы себя лучше.

На Карина смотрѣли просительные, смущенные, но такіе ясные, незатѣмненные лукавствомъ глаза, что онѣ сразу понялъ, насколько ошибочны опасенія Ольги и какъ безоснователенъ ея страхъ, что у Таниты могутъ быть какія-либо подозрѣнія относительно ихъ отношеній.

— Вмѣстѣ бы гуляли. . . вы показывали бы намъ интересныя мѣста, рассказывали бы. . . вы такой ученый! Я знаю, что было бы совсѣмъ иначе, чѣмъ ѣхать совершенно однѣмъ и такъ надолго!

Танита, опустивъ голову, замолкла и, сѣясь скрыть волненіе, рыла въ песокъ ямку тонкимъ французскимъ каблучкомъ. Каринъ, полный мыслью объ Ольгѣ, не замѣчалъ этого волненія и не зналъ, что отвѣчать Танитѣ.

— Я поговорю съ мамой, попробую убѣдить ее, — проговорилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не говорите. . . прошу васъ; это ни къ чему не приведетъ. . . а лучше пріѣзжайте черезъ нѣсколько времени навѣстить насъ. Право, Владиміръ Сергѣевичъ, пріѣзжайте. . . вы увидите, какъ мы съ мамой обрадуемся. . . У мамы всегда страхъ стѣснить и беспокоить изъ-за себя, а потомъ, если само-сбой выходитъ, она рада.

— Можетъ быть, я и приѣду. Устрою дѣла и приѣду.

— Не можетъ быть, а навѣрное... — краснѣя, съ улыской, робко настаивала Танита.

— Хорошо, я приѣду, такъ какъ тоже собираюсь за границу и буду недалеко отъ вашихъ мѣстъ.

— Только я ни слова не скажу мамѣ о нашемъ разговорѣ, а то она разсердится на меня и скажетъ, что я злоупотребляю вашей деликатностью. Вы приѣдете неожиданно, и это будетъ еще веселѣе.

У Таниты оживилось лицо. Она толкнулась каблукомъ о землю, и доска, поднявшись однимъ краемъ, закачалась.

— Хорошо, пусть это будетъ нашъ разговоръ, — улыбнулся Каринъ, любясь стройной фигурой дѣвушки, съ развѣвающимся воланомъ бѣлаго платья..

— Да, да, разговоръ!.. настоящий разговоръ!.. — звонко разсмѣялась Танита. — Какой чудный день сегодня, правда? Весна... такъ хорошо! — Танитѣ казалось, что только сейчасъ, сію минуту расцвѣла въ ихъ саду весна, съ запахомъ распускающихся почекъ, съ ароматами влажной земли и зеленѣющихъ рощъ.

— Очень хорошо, — задумчиво глядя на круглыя мягкія облачка въ голубомъ небѣ, отвѣтилъ Каринъ. — Я люблю весну и чѣмъ ближе къ осени, т. е. къ старости, тѣмъ прекраснѣе кажется весна, тѣмъ болѣе красоты въ ней находишь.

— Ну, ужъ и къ старости! — улыбнулась Танита. — Вамъ еще далеко до нея.

— Мнѣ сорокъ четыре года, Танита; а иногда мнѣ кажется, что я гораздо старше, — серьезно проговорилъ Каринъ, думая о томъ, что если Танита выйдетъ замужъ не скоро, то на его долю не останется и того клочка счастья, на которое онъ съ каждымъ годомъ все меньше и меньше надѣялся.

— Я пройду къ мамѣ, Танита; вѣроятно скоро и обѣдать будемъ. — Каринъ поднялся съ кресла, уронилъ на песокъ книгу miss Jesob и, поспѣшно ее поднявъ, перчаткой сталъ стряхивать съ обложки песокъ.

— Возьмите и меня съ собой, — протянула къ нему руку Танита. — Я сегодня опять плохо вижу; чуть-чуть со ступеней террасы не упала.

Каринъ подаль ей руку и бережно повелъ къ дачѣ.

— Когда вы будете выступать въ процессъ объ убійствѣ Семеновой? Мама говорила, что всѣ съ волненіемъ ждутъ вашей рѣчи, Владиміръ Сергѣевичъ.

— Во вторникъ.

— Ну вотъ, а мы какъ разъ уѣзжаемъ, — вздохнула она.

— Отчего вы вздыхаете? Такимъ весеннимъ цвѣткамъ, какъ вы, входъ въ залъ суда и еще на такой нечистоплотный процессъ строжайше запрещенъ,

— Все равно: мы были бы вблизи вапего триумфа, слышали бы рассказы... вы бы пріѣхали къ намъ и кое что рассказали бы. Я такъ люблю, когда вы рассказываете про судебныя дѣла. Если бы я была мужчиной, то обязательно была бы тѣмъ же, что и вы... Вамъ многіе поклоняются и завидуютъ.

— Вы преувеличиваете, Таниточка.

Опираясь на руку Карина, Танита вошла по ступенямъ террасы и, протянувъ впередъ руку, чтобы не наткнуться на стеклянную дверь, вошла въ гостинную. Удобно развалясь въ креслѣ, протянувъ ноги и опустивъ голову на грудь, Калутинъ, тихонько похрапывая, крѣпко спалъ въ ожиданіи обѣда.

— Не будите его, Владиміръ Сергѣевичъ, пусть спитъ, — шопотомъ сказала Танита, удерживая Карина за ру-

кавъ. Но Калугинъ открылъ глаза, медленно приподнялъ голову и улыбнулся.

— А—а! . . Vous voilà! А я вздремнулъ и видѣлъ розовые сны, какъ и подобаетъ ихъ видѣть отшельнику и монаху. Теперь я бодръ и свѣжъ, какъ. . . какъ поцѣлуй ребенка. Однако, что же это за новшества? — удивленнымъ и слегка негодующимъ тономъ произнесъ старикъ, вынувъ изъ кармана жилета золотой хронометръ и увидавъ, что обычный часъ обѣда давно истекъ. — Четверть восьмого. Танита, mon ange, сдѣлай милость, скажи мамѣ, что мы прѣхали къ ней обѣдать, а не изнурять свою плоть.

— Милый дядя, не ворчите: иду, и обѣдъ уже подаютъ.

Вошла Ольга, поцѣловалась со старикомъ и подала руку Карину. На секунду она остановила на немъ взглядъ полный любви, но сейчасъ-же, опустивъ рѣсницы, затушила его блескъ.

— Устали? — спросилъ Каринъ, подвигая ей кресло.

— Да, немного устала. Все таки беремъ съ собою два большихъ сундука, не считая ручного багажа.

Слуга доложилъ, что обѣдъ поданъ. Старикъ Калугинъ быстро поднялся съ мѣста и, потирая ладони одна о другую, облегченно вздохнулъ:

— Вотъ и прекрасно. Таниточка, пойдемъ впередъ и посмотримъ, что тамъ приготовлено намъ для закуски.

Въ то время какъ Каринъ и Ольга шли въ столовую, она спросила его тихимъ шопотомъ:

— Сегодня вечеромъ мы вмѣстѣ?

— Конечно, дорогая. . . — Такъ же тихо отвѣтилъ Каринъ. Продолжая громко начатый разговоръ, они вошли въ столовую, гдѣ у закусочнаго стола Калугинъ, забывъ всѣ интересы жизни, кромѣ вкусной и обильной ѣды, наклонялся на тарелку горку свѣжей икры и въ то же время нацѣливался глазами на балыкъ.

— У тебя, мой другъ, сегодня такіе attractions на закускомъ столѣ, что и мертвѣго можно воскресить, — обратился онъ къ Ольгѣ, торопливо прожевывая вкусно приготовленный сандвичъ.

Во время обѣда Ольга нѣсколько разъ внимательно приглядывалась къ дочери: она не знала, чѣмъ объяснить внезапную переменѣ, произошедшую въ ней. Все послѣднее время Танита была грустна, неразговорчива, жаловалась на необходимость разстаться съ любимой дачей, гдѣ онѣ такъ хорошо проводили лѣто, и оставалась совершенно равнодушной къ планамъ заграничной поѣздки. Теперь же она была оживлена, шутила, звала дядю ѣхать вмѣстѣ, и лицо ея, легко выражавшее отбѣнки настроеній, просвѣтлѣло и сразу похорошѣло.

— Что могло случиться? — спрашивала себя Ольга, не зная, радоваться ли ей этой переменѣ или, быть можетъ, въ ней таится причина новыхъ опасеній и тревогъ.

VI.

Утромъ шелъ дождикъ, небо было облачно и, казалось, готово было вотъ-вотъ опять разлиться теплыми весенними слезами. Въ саду сильно пахло распускающимися почками липы. На почернѣвшей отъ дождя землѣ ярче и сочнѣе казался свѣтло-зеленый коверъ травы.

Въ круглой, съ окнами въ садъ передней, стояли два желтыхъ съ черными инициалами большихъ сундука, совершенно готовыхъ къ отправкѣ. Два-три ручныхъ чемодана и дорожные несесеры, открытые и почти наполненные, ждали своей очереди быть вынесенными. Дача Ольги сразу измѣнила внутри свой кокетливый, уютный видъ: картины, зеркала и лампы были покрыты бѣлымъ коленкоромъ, всѣ бездѣлушки спрятаны, ковры убраны. Miss

Jesob, чтобы занять Таниту, предложила ей самой надѣть во всѣхъ комнатахъ чехлы на мебель. Въ столовой на обѣденномъ столѣ они были сложены грудой, и Танита, одинъ за другимъ, облакала въ нихъ стулья, кресла, диваны, столы и этажерки.

Ольга съ облегченнымъ сердцемъ слѣдила за дочерью: оживленно переговариваясь съ англичанкой, Танита забирала охалку раскиданныхъ чехловъ и бодрой, твердой походкой, не боясь на что нибудь наткнуться, переходила изъ комнаты въ комнату, разбирая чехлы по назначенію. Она что-то напѣвала, и нѣсколько разъ мать изъ своей комнаты слышала ея короткій смѣхъ, звонкій, какъ пас-тушья свирѣль.

Ольга торопилась съ послѣдней укладкой, чтобы до обѣда поспѣть на Васильевскій островъ, гдѣ жила ея единственная близкая пріятельница, — другъ дѣтства и юности. Несмотря на то, что жизнь каждой изъ нихъ уложилась въ очень несхожіе рамки и не разъ на долго разъединяла, однако душевныя отношенія оставались все тѣ же. Только съ ней Ольга была откровенна и только у нея черпала бодрость и силы въ дни невзгодъ и испытаній.

Послѣ завтрака, поручивъ miss Jesob сдѣлать послѣднія распоряженія къ отъѣзду, Ольга поспѣшила на Васильевскій островъ. На пятнадцатой линіи, далеко за среднимъ проспектомъ, во дворѣ многоэтажнаго дома жила ея пріятельница Елена Кирилловна. Несмотря на унылый и грязноватый дворъ, на крошечное крылечко въ углу дома за сложенными дровами и полутемную узкую лѣстницу, съ запахомъ сырости и кухоннаго чада, несмотря на всю эту убогую, непривычную для Ольги рамку, она испытывала чувство облегченія и покоя, какъ только съ улицы входила въ большую, темноватую арку воротъ. Поднявшись на четвертый этажъ, мимо распахнутыхъ дверей, изъ которых несло кухоннымъ запахомъ, Ольга дернула за мѣд-

ную ручку звонка; задребезжалъ тонкимъ, знакомымъ ей звукомъ, колокольчикъ. Сейчасъ же за дверью послышались легкіе шаги и дверь открылась.

— Олюшка, милая... Я была увѣрена, что ты не уйдешь, не побывавъ у меня.

— Конечно, Элля. Вчера я никакъ не могла. Мы уѣзжаемъ сегодня вечеромъ, но я всё мои дѣла покончила; нарочно устроилась такъ, чтобы побыть съ тобой часа два.

— Очень, очень рада. Будемъ пить чай и говорить.

— А я привезла къ чаю что-то вкусное.

— Балуетъ ты меня, Оличка; всегда съ пакетиками являешься.

— Милая моя, да кто же побалууетъ тебя, кромѣ меня! — задушевно произнесла Ольга, обнимая худощавыя плечи Елены Кирилловны.

Изъ темненькой, крошечной передней, въ которой едва помѣщался маленькій столъ и стулъ, онѣ прошли въ комнату въ два окна, чисто, но очень скромно обставленную. На столѣ, стоявшемъ среди комнаты, покрытомъ выпѣвшей плюшевой скатертью, лежали разныхъ цвѣтовъ ленты, каркасъ, тюль, полоски желтой и черной соломки, искусственные цвѣты, два-три колпачка изъ марли и рабочая шкатулочка. Тутъ же на стулѣ лежало нѣсколько готовыхъ, съ большимъ вкусомъ отдѣланныхъ лѣтнихъ шляпъ. Единственной роскошью въ комнатѣ былъ небольшой краснаго дерева шкаликъ съ книгами и того же дерева спокойное старинное красло. На маленькомъ полубуфетѣ стоялъ самоваръ, графинъ, немного посуды. Небольшой диванъ, подарокъ Ольги, стоявшій у противоположной стѣны, обитый малиновымъ плюшемъ, придавалъ коматѣ уютный видъ; надъ нимъ висѣла гравюра Беклина «Священная Роща». Вторая и послѣдняя комната была маленькая спальня. Въ ней помѣщалось лишь самое не-

обходимое. И кровать, и умывальникъ, и комодъ, съ аккуратно разложенными принадлежностями туалета, — все было скромно, почти бѣдно. Только большой образъ Казанской Божьей Матери въ кіотѣ съ теплящейся лампадой блестялъ золотомъ и жемчугами богатаго оклада.

— Какія очаровательныя шляпы, — искренно любуюсь и разглядывая одну за другой, говорила Ольга, въ то время какъ Елена Кирилловна складывала въ пустой кардонъ все, что было на столѣ.

— Да, кажется, вышли недурны: это я новый заказъ получила, и очень выгодный. Вообще, жаловаться не могу: работа есть, и заказчицы мои не слишкомъ капризны... Садись, Оличка, въ кресло. Сейчасъ я приготолю на спиртовкѣ чай. Стеша ушла куда-то, и мы можемъ, не стѣсняясь ея близости, говорить о чемъ угодно.

Безъ суетливости, безъ шума, съ какой-то удивительной легкостью въ каждомъ движеніи, Елена Кирилловна достала чашки, приготовила чай, разложила привезенное Ольгой на тарелочки и, сѣвъ противъ нея, улыбнулась неизмѣнной юной улыбкой.

Въ лицѣ Елены Кирилловны было что-то особенное, что притягивало, что дѣлало ее болѣе, чѣмъ красивой. Въ молодые годы она была прелестна утонченными линіями тѣла и лица; была тонка и все въ ней было воздушно-неуловимо. Съ годами ея тѣло не грубѣло, линіи не терялись, а утончались. Въ сорокъ лѣтъ, переживъ все, что ей было дорого на землѣ, потерявъ всѣхъ, кого она любила, оставшись совершенно одинокой, она въ глубинѣ души нашла разгадку всѣмъ своимъ скорбямъ, и печать обрѣтеннаго покоя сказывалась въ каждой чертѣ ея лица, въ каждомъ жестѣ, въ негромкихъ рѣчахъ, а главное — въ глазахъ, большихъ, свѣтлыхъ, покорныхъ глазахъ. Несмотря на то, что каждая складка Ольгиного черного шелкового платья говорила объ утонченныхъ привычкахъ ея обладательницы, во-

ротничекъ изъ настоящихъ vallenciennes, шляпка, булавка въ ней, кольца, — все было цѣнно и изящно, все же гладкое черное шерстяное платье изъ дешевой матеріи, падавшее легкими складками вокругъ узкихъ бедеръ Елены Кирилловны, носило отпечатокъ не меньшаго благородства которымъ дышала и ея личность.

— Какія у тебя прелестныя духи... что-то новое? — полузакрывая глаза и вдыхая ароматъ Ольгиныхъ духовъ, замѣтила Елена Кирилловна.

— Нѣтъ, это все тѣ же violettes, неизмѣнные со дня встрѣчи съ Димой, — отвѣтила Ольга, и ея сочный низкій голосъ былъ какъ бы контрастомъ тихаго голоса ея подруги. Въ Ольгѣ была нѣкоторая лѣнивая медлительность движеній; затаенная страстность сказывалась въ темныхъ глазахъ, въ изгибѣ линий рта и бровей, очень въ этомъ схожихъ съ Танитой. Ольга была полна жизнью земли, тогда какъ ея подруга, казалось, уже отошла отъ нея и, ставъ на другой берегъ, только созерцала ее, спокойно неся свое бремя.

— Ну что Танита? Привыкла къ мысли объ отъѣздѣ?

— Съ Танитой такая переменѣна, что я не знаю, должна ли я радоваться или огорчаться. Послѣдніе дни я не узнаю ее: она напоминаетъ мнѣ мою прежнюю веселую дѣвочку. Принимаетъ самое дѣятельное участіе въ сборахъ, интересуется всѣми подробностями путешествія, и я вижу, что все это не дѣланное.

— Ну вотъ и слава Богу. Значить, твои опасенія разсѣялись.

— Они ослабли, потому что, если у нея явился интересъ къ путешествію, значить мое предположеніе что она тоскуетъ отъ мысли не видать Димы, не вѣрно.

— Будемъ надѣяться, Олечка, что такъ. Ну, а что Владиміръ Сергѣевичъ?

— Онъ очень огорченъ, но, какъ всегда, старается скрыть свою печаль.

— Рѣдкій онъ человѣкъ и ужъ такой другъ тебѣ, Оля, что на смерть готовъ для тебя пойти.

— Ахъ, Элля, Элля, какъ трудна, какъ мучительна жизнь... — съ глубокимъ вздохомъ произнесла Ольга. — Подумай, ты подумай только, что всю мою жизнь я только стою возлѣ счастья, но имѣть его, хотя бы на короткій срокъ, имѣть полнымъ для себя одной, — мнѣ не дано.

— Никому не дано, Оля... т. е. въ той формѣ, о которой ты говоришь.

— Какъ не дано? Мало ли мы знаемъ людей, горячо любящихъ одинъ другого и могущихъ связать свою жизнь.

— Есть это, другого нѣтъ... Вѣдь ты же не вышла замужъ за Карина, потому что боялась потерять цѣльность любви Таниты; значитъ ты выбрала то, что тебѣ было дороже.

Да, и что же вышло? Вѣчный трепетъ, чтобы не выдать тайны нашихъ отношеній, а теперь еще и страхъ самаго ужаснаго, что только можно вообразить. За что же? За то, что я пожертвовала личнымъ счастьемъ для счастья Таниты?

— Невѣрно, Оля; все это не такъ, какъ ты себѣ представляешь... Трудно мнѣ разъяснить тебѣ, потому что ты стоишь на той плоскости, съ которой факты получаютъ иное освѣщеніе.

— Элля, я увѣрена, что ты права, но во мнѣ нѣтъ того луча, который освѣтилъ тебѣ смыслъ жизни. Бываютъ минуты, когда я готова завидовать тебѣ, но сейчасъ же предо мной встаетъ картина всего, пережитаго тобой, и тогда я со страхомъ шепчу кому-то:

«Только не это! Все, что хочешь, но не это...»

Ольга съ ужасомъ закрыла руками лицо. Плечи ея вдрогнули. Она умолкла. Елена Кирилловна, подперевъ

ладонью подбородокъ, тихо сидѣла, глядя куда-то далеко, — въ свое ли прошлое, или еще дальше и глубже.

— Элля, объясни мнѣ, я никогда не затрагивала этого вопроса: какъ ты нашла въ себѣ силы пережить весь этотъ ужасъ и примириться съ нимъ? Чѣмъ ты живешь? Какъ достаетъ у тебя силъ перебиваться въ этой сѣрой обстановкѣ, возиться съ этимъ хламомъ, — Ольга кивнула головой въ сторону шляпъ, — чтобъ заработать гроши?

— Объяснить тебѣ я не могу; на это нѣтъ словъ, Оля. Это надо понять самому. Я поняла и мозгомъ, и сердцемъ, и душой, что никакого нѣтъ различія между этимъ хламомъ и нашей жизнью, со всѣмъ, что въ нее вмѣщается: все это тлѣнъ, прахъ, пустая иллюзія. Есть только «дѣйствія» наши, и результаты каждаго дѣйствія. Все, что не дѣйствіе, существуетъ, какъ иллюзія, только для того, чтобы вызывать и создавать безконечную цѣпь движеній души впередъ.

— Для чего?

— Для совершенства.

— Что ты говоришь, Элля? А твой несчастный мужъ? А сынъ? А дочь твоя? Тоже прахъ и иллюзія?

— Какъ матерія, какъ оболочка, — конечно. Душа ихъ какъ и моя, и твоя, и всего человѣчества, совершаютъ путь эволюціи по лѣстницѣ восхожденія. Повторяющейся гостью на землѣ, душа наша облечена въ матерію, т. е. въ прахъ и окружена прахомъ, чтобы поступками добра и зла создавать себѣ очищеніе или же нести въ будущемъ новыя искупленія за совершенное зло.

— Но вѣдь ты же ихъ любила, Элля? Вѣдь ты боготворила своихъ дѣтей?

— Я люблю ихъ и сейчасъ. Связь не порвана.

— Но гдѣ же, гдѣ же они, Элля? Вѣдь ты одна? Вѣдь вокругъ тебя пусто, вѣдь еще шагъ, и ты можешь оказаться въ нищетѣ. . . Вѣдь это ужасъ, Элля!

— Вотъ ты же сама говоришь — гдѣ? Значить, есть что-то, что тебя поражаетъ.

— И ужасаетъ, Элля, а ты такъ покойна, такъ странно, непонятно покорна.

— Я поняла то, что тебѣ еще не открылось. Оля, гдѣ же цѣлые народы? Гдѣ цѣлыя государства? Глѣ тысячи, миллионы поколѣній? Гдѣ ихъ могилы? Гдѣ это все?... Обратилось въ пыль, въ настоящую пыль земли; матерія вернулась къ матеріи, но то, что жило въ ней — осталось жить.

— Возможно ли, Элля, сказавъ себѣ: «все это прахъ», покориться, смириться и найти равновѣсіе? Я не могу понять, чѣмъ ты живешь, что даетъ тебѣ силы жить, моя бѣдная, дорогая Элля!.. — У Ольги задрожалъ голосъ, и слезы покатались изъ глазъ, полныхъ состраданія и ужаса за участь подруги.

— Ты плачешь, Оля... мнѣ это дорого... А ты еще говоришь, что я одна!

— Что толку въ моей любви, когда ты отказываешься принять отъ меня помощь, когда я знаю, что ты сидишь въ этихъ коморкахъ, корпишь надъ этимъ тряпьемъ, чтобы свести концы съ концами, плохо ѣшь, лишена всего самаго необходимаго.

— О, какъ ты заблуждаешься, мой другъ. — Елена Кирилловна улыбнулась юной улыбкой, и лицо ея сразу стало такимъ свѣтлымъ, что, казалось, будто душа ея выглянула на секунду.

— Ты говоришь о лишеніяхъ, которыхъ я не замѣчаю, говоришь о нищетѣ, которой я не боюсь. Какъ бы то ни было, у меня есть моя грошевая пенсія, и если я не буду въ состояніи исполнять всѣ эти заказы — все же я не умру съ голода. А если даже и умру, то не все ли равно, умереть ли отъ чахотки, отъ рака или отъ голода? Я не

страдаю, не ищу ничего для себя въ жизни, я покойна; ты же, имѣя все, что считаешь залогомъ счастья — ты всегда полна страха за будущее, всегда ищешь достиженія желаемого и всегда, не достигнувъ, страдаешь. Возлѣ тебя тѣ, кто тебѣ дорогъ, но страхъ потерять ихъ, страхъ за ихъ судьбу туманить твой свѣтлый горизонтъ. Возлѣ меня нѣтъ никого: тѣ, которые были мнѣ дороги, отошли навсегда, но горизонтъ мой ясенъ, и я не боюсь ничего, что бы ни ждало меня. . . — Елена Кирилловна говорила тихимъ, проникновеннымъ голосомъ. Во всей ея фигурѣ, въ позѣ, въ тонкихъ скрещенныхъ у подбородка пальцахъ было выраженіе тихой и ясной покорности и покоя.

— Ты ничего не хочешь? Тебѣ ничего не надо? — заглушеннымъ отъ грусти голосомъ спросила Ольга, и ея темные глаза остановились на выточенномъ, какъ тонкая камя, лицѣ подруги.

— Нѣтъ. . . ничего. . . А впрочемъ, я еще не вполне освободилась отъ желаній. Во мнѣ неизсякаема любовь къ солнцу — къ этому свѣтлому, радостному богу всего живого. Когда наступаетъ весна, я томлюсь и тоскую въ этомъ сѣромъ, смрадномъ и пыльномъ городѣ, гдѣ давятъ унылыя громады домовъ. Я знаю, что тамъ, гдѣ то далеко «шествуетъ, сыплеть цвѣтами весна». Передъ моимъ окномъ эта желтая закопѣлая стѣна дома, полинялая крыша съ уныло-торчащими трубами, а тамъ. . . тамъ плещетъ голубое и теплое море о разогрѣтыя солнцемъ скалы, въ расщелинахъ шмыгаютъ зеленныя ящерицы, растутъ кактусъ и цвѣтетъ агава, благоухаютъ магноліи, оливковыя и апельсиновые рощи. . . Я знаю, что все это есть, живетъ, цвѣтетъ далеко отъ меня, и я никогда не увижу этого.

Ольга порывистымъ движеніемъ встала съ кресла и, опустившись на колѣни передъ Еленой, обвила ея станъ руками.

— Что ты, Оля! Встань, ради Бога. . .

— Нѣтъ, нѣтъ, выслушай меня: Элля, милая, родная, сестра моя, Элля, мой лучший и единственный другъ, умоляю тебя, поѣдемъ съ нами туда, къ твоему горячему солнцу и голубому морю. Неужели ты со своей чистой душой не можешь понять, какую великую радость доставила бы ты мнѣ, если бы согласилась принять отъ меня эту ничтожную бездѣлицу, этотъ прахъ, какъ ты называешь, нѣсколько сотенъ рублей, могущихъ дать тебѣ хоть нѣсколько мѣсяцевъ полнаго отдыха. Элля, неужели ты способна оттолкнуть протянутую тебѣ руку, — руку твоего друга? . . . Подумай сперва, не отвѣчай мнѣ сразу, — молила Ольга, прижимая къ рукамъ подруги возбужденное лицо. Верхняя губа, чуть-чуть опущенная тѣнью, вздрагивала отъ напряженнаго желанія заплакать.

— Олечка, ты глубоко трогаешь и въ то же время волнуешь меня тѣмъ, что не хочешь или не можешь понять меня. — Елена положила обѣ руки на плечи Ольгѣ. — Ты не должна соблазнять меня, чтобы не лишить меня того, что я достигла усиліемъ воли, размышленіемъ и молитвой. т. е. — покоя. Отходя отъ всякихъ желаній, я углубляю покой души, но стоитъ мнѣ пойти навстрѣчу малѣйшему изъ нихъ, какъ начнется борьба духа съ плотью.

— Какой же соблазнъ, Элля, въ томъ, что ты поживешь среди природы, которая лечитъ и успокаиваетъ душу, а не тревожить?

— Если бы я могла поѣхать туда навсегда, быть пересаженной въ ту почву, какъ растеніе, съ корнемъ, но вѣдь это невозможно по цѣлому ряду условій. Тамъ я окажусь безъ дѣла, начнется работа мысли, всколыхнется цѣлая волна воспоминаній, сравненіе того, что было, съ тѣмъ, что есть, родится тоска. . . вернусь сюда, и опять встанутъ сренвенія: привычное и даже милое теперь, покажется мнѣ и сѣрымъ и тусклымъ. . . Я знаю, и ты знаешь.

Олечка, что въ шелкахъ и брилліантахъ я осталась бы та же самая Элля, что и въ этомъ поношенномъ, моими руками сшитомъ, платьѣ. Я хочу носить именно это платье, и я люблю его, но если я начну примѣрять на себя твои заграничные туалеты, то мое можетъ показаться мнѣ не пригляднымъ; между тѣмъ я знаю, что на пути душевнаго покоя въ иномъ платьѣ я не могу быть; зачѣмъ же я буду беречь себя и вызывать ненужные соблазны!

— Какими же глазами ты должна смотрѣть на меня, Элля, если ты такъ строга къ вопросу радостей самаго невиннаго свойства?

— Твоя жизнь, Олечка, окрашенная другими тонами, нежели моя, заключаетъ присущую ей сложную и трудную для борьбы сѣть, въ которой ты бьешься и путаешься. Въ данную минуту мнѣ жить легче и проще, чѣмъ тебѣ. . . Для меня — все позади, для тебя — страхъ за настоящее, борьба за будущее, сомнѣніе въ каждомъ шагѣ... Живи, живи, Олечка, пока есть въ тебѣ эта энергія борьбы и погони за иллюзіями счастья, но, молю тебя, вѣрь, что тотъ, кто понялъ бесплодность такой погони и нашелъ точку опоры за гранью земного, тотъ приподнялъ край завѣсы, за которой онъ видитъ нѣчто большее, чѣмъ видятъ другіе, къ такому человѣку не надо подходить со слезами сожалѣнія и со словами участія. Вѣрь, что ему свѣтитъ иное, но не менѣе яркое солнце, и не нарушай его покоя соблазнами жизни, въ которой ты сама покоя найти не можешь.

Елена Кирилловна замолкла, положивъ руку на опущенную голову Ольги. Въ свѣтлыхъ глазахъ, какъ бы устремленныхъ въ глубину самой себя, теплился тихій лучъ кроткаго покоя. Ольга почувствовала, что въ словахъ подруги заключается правда, непонятная ей, но дающая силу.

— Не знаю, не понимаю, но чувствую, что такъ должно быть. Не мнѣ тебя учить, Эля... Въ тебѣ окрѣпло что-то большое... Иди, я не буду больше мѣшать тебѣ, моя дорогая, свѣтлая... — Ольга говорила тихо; ей казалось, что въ маленькую комнатку невидимо вошелъ кто-то, наполнилъ собой всѣ углы и оттого стало такъ торжественно тихо... Этстъ кто-то слышалъ слова ея подруги и беззвучно подтверждалъ ихъ... Ольга вся ссыжилась, прижала лицо къ ладонямъ Елены и, закрывъ глаза, силилась успокоить охватившее ее чувство не то страха, не то предчувствія, которое она недавно испытала, когда бѣлая ночь, заглядывая въ окно кабинета Карина, что то внесла съ собой, смутившее и испугавшее ее.

— Какъ много надо было тебѣ перестрадать, чтобы понять то, что ты знаешь теперь, — прошептала Ольга.

— Да, очень, очень много... — также тихо отвѣтила Елена.

— Неужели... и я пойму? — Ольга оторвала отъ лица руки, и въ глазахъ ея выразился ужасъ.

— Когда придетъ время понять, то страха въ тебѣ не будетъ. Все логично и мудро; душа скачковъ дѣлать не можетъ...

Ольга съ трудомъ оторвалась отъ подруги. Выходя отъ нея, она уносила съ собой образъ новой, теперь только вполне понятой, жизни Елены, заключавшей чистую и глубокую идею. Не было полутемной, дурно-пахнущей лѣстницы, не было тусклого грязнаго двора съ рядами сложенныхъ дровъ, не было темной подворотни; — все ступевалось въ свѣтломъ образѣ воздушнаго силуэта въ черномъ, легко падающемъ складками, платьѣ и блѣднаго, нѣжнаго овала лица съ вдохновенными свѣтлыми глазами.

Постоявъ минутку у окна и проводивъ глазами Ольгу, осторожно ступавшую по залитымъ грязной водой булыжникамъ двора, Елена Кирилловна опустилась въ кресло, намѣреваясь приняться за работу, но мысли, вызванныя разговоромъ съ пріятельницей потянулись за мыслями, и мало по малу воскресили длинную цѣпь пережитыхъ годовъ, отъ которыхъ въ настоящемъ не осталось даже тѣни. Былъ ли это сонъ? Была ли это быль? Какъ паръ исчезло, растаяло прошедшее... Въ покорной душѣ не осталось ни горечи, ни обиды, ни даже недоумѣнія: она поняла, что все это миражъ, непрерывно мѣняющій свои очертанія, то яркій и красочный, то туманный и блѣдный. Иногда, какъ и теперь, миражъ протекшей жизни воскресалъ въ воображеніи съ такой яркой отчетливостью, что уплывали стѣны съ дешевенькими обоями, и изъ дали прошлаго оживали дорогія, любимыя существа, слышались ихъ голоса, склонялись ихъ ласковыя лица надъ покорно-опущенной головой жены и матери, обвинялись ласковыя руки вокругъ тонкихъ, какъ у юной дѣвушки, плечъ. Тогда, въ обрѣтшемъ покоѣ сердецъ, дрожа просыпалась убаюканная струна и начинала тихо стонать, призывая къ жизни умершія тѣни... Но тихо, тихо было въ комнатѣ и никто не отзывался... А мысли все плыли и плыли...

Большой, веселый домъ съ густымъ зеленымъ садомъ... На усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ мальчикъ и дѣвочка строятъ изъ кубиковъ домикъ съ высокой башней; изъ за угла дорожки появляется высокій улыбающійся блондинъ. Ему жарко; онъ сдвинулъ соломенную шляпу на затылокъ.

— Папа, — кричатъ дѣти, — не урони нашъ домикъ...

Онъ смѣется и неожиданно съ разбѣга перепригиваетъ черезъ башенку. Дѣти визжатъ отъ восторга и хвата-

ются за полы его пальто, которое онъ быстрымъ движениемъ сбрасываетъ и убѣгаетъ на террасу, оставивъ его въ рукахъ дѣтей. Новый взрывъ дѣтскаго смѣха и радости.

— Элля, гдѣ ты? — слышитъ Елена Кирилловна милый, всегда звенящій весельемъ голосъ. — Я называлъ къ обѣду гостей...

Ночь. Поздно. Всѣ спать. Елена Кирилловна стоитъ на колѣняхъ передъ удрученнымъ мужемъ. Его лицо блѣдно, глаза закрыты.

— Лева, Лева умоляю тебя... брось играть въ карты, если любишь меня и дѣтей...

Скажи мнѣ: ты много проигралъ?

— Да, Элля, очень много...

— А дѣти, Лева? ты забылъ о нихъ?!

Онъ хватается обѣими руками ея голову, прижимаетъ къ груди... она чувствуетъ на своемъ лбу капли горячихъ слезъ... Все прощено, все забыто, они любятъ другъ друга, она вѣритъ ему...

Раннее зимнее утро... Кто-то осторожно, но настойчиво стучится въ дверь спальни. Она вскакиваетъ, оглядывается испуганными глазами на кровать мужа, видитъ, что она пуста, и холодный ужасъ сразу пронизываетъ все ея существо. Стукъ продолжается; еще ничего не зная, она уже отгадываетъ, что въ дверь ея спальни стучится страшный неумолимый рокъ... Входятъ... Въ испуганныхъ глазахъ и блѣдныхъ лицахъ она читаетъ то же, что уже слышала въ сухомъ стукѣ, жутко нарушившемъ тишину ночи. Задыхаясь, дрожащими руками роня вещи, теряя силы, она кое-какъ одѣвается... Горитъ свѣча, дрожатъ на потолкѣ и стѣнахъ длинныя, неуклюжія тѣни, предвѣщающія что то грозное... Скорѣе, скорѣе... Она бѣжитъ по лѣстницѣ... Ее ждетъ незнакомая каре-

та... Полуодѣтый швейцаръ захлопываетъ дверцу... холодно... На улицѣ еще горять тусклые фонари, мерцающіе въ туманѣ морознаго воздуха... раздаются тягучій, унылый звонъ ранней обѣдни... Въ ужасѣ, смятеніи и трепетѣ всколыхнулось сердце. Точно ударили въ набатъ сотни колоколовъ... Вотъ, вотъ «оно» идетъ... грозное, темное, неотвратимое... — кричить что-то внутри, въ самой глубинѣ ея сердца, и она со стономъ хватается за грудь, хочетъ не слышать, не вѣрить и въ то же время знаетъ, что совершается что-то новое и страшное... оно приблизится, завладѣетъ ею и уже не выпуститъ. Унылый звонъ благовѣста таитъ въ себѣ нѣчто вѣщее... Хочется вырваться, проснуться, закричать, освободиться отъ кошмара, но карета стала, надо идти... Опять лѣстница... чья-то открытая дверь... кто то идетъ ей навстрѣчу, что то говорить... она узнаетъ лицо одного изъ товарищей мужа... Звонъ благовѣста проникаетъ все глубже въ мозгъ, въ душу, наполняетъ все существо ея, и кажется, что въ этихъ тягучихъ звукахъ заключается весь ужасъ еще невѣданнаго, но уже завладѣвшаго ею рока... Стоять у закрытой двери, опять что-то говорить ей... она толкаетъ дверь... входтъ... тягучій звонъ умолкъ, настаетъ могильная тишина: она видитъ мертвое, любимое лицо съ прострѣленнымъ вискомъ...

Потомъ — кошмаръ, долгій и тяжелый кошмар... слезы, много слезъ и горя. Продажа имущества, уплата крупныхъ, неожиданныхъ долговъ, переѣздъ въ другой городъ и водвореніе въ домъ матери. Нѣсколько лѣтъ тихой, однообразной, но спокойной жизни подлѣ старѣющей матери и подрастающихъ добрыхъ дѣтей. Опять переѣздъ. Шумная и непривѣтливо холодная столица... опредѣленіе дѣтей въ учебныя заведенія... хлопоты, бѣготня по казеннымъ учрежденіямъ, поиски квартиры, осенній моросящій дождикъ, неласковые люди... теле-

грамма о внезапной кончинѣ матери и новая жизнь упорнаго труда... Днемъ — служба, вечеромъ — переводы съ англійскаго и французскаго... Бѣгутъ дни за днями... учатся дѣти, растутъ, въ нихъ вложена вся надежда усталаго сердца на отдыхъ и покой...

Елена Кирилловна тихо стонетъ, конвульсивно сжимаетъ пальцы: воспоминанія плывутъ... плывутъ и вотъ передъ ней картина новаго ужаса, картина жизненнаго шквала, разбившаго въ щепки ея ладью и разметавашаго осколки такъ, что когда шкваль пролетѣлъ, на поверхности ея жизненнаго океана не осталось ничего...

Осень, слякоть, холодный вѣтеръ... Катюша, ея веселая шалунья, беззаботная гимназисточка въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ и кокетливымъ бантомъ на подколотыхъ въ тугой узелъ волосахъ, лежитъ неузнаваемой восковой куколкой на высоко-взбитыхъ подушкахъ, въ бѣломъ халатикѣ. Хватаясь за впалую грудь, содрагаясь узенькими заостренными плечиками, она капляеетъ до полнаго изнеможенія, обливаясь липкимъ холоднымъ потомъ... На влажныхъ вискахъ, съ прилипшими прядями волосъ, бьются синія вздутыя жилки... тоненькія какъ плети руки обезсиленными пальцами хватаются за край кровати, сисясь въ напрасной борьбѣ удержать приступы разрушительнаго кашля... Безсильны доктора, безсильны слезы и молитвы матери: восковая куколка день ото дня таетъ. Сердце матери рвется на части, она не отходить отъ бѣдой кроватки. Слабѣющія прозрачныя ручки все рѣже и рѣже обвиваютъ ея шею... Выпалъ первый снѣгъ. Бѣлыя крыши домовъ, бѣлыя улицы... Въ заостренномъ профилѣ она больше не узнаетъ своего ребенка: неподвижно устремленный взглядъ безучастенъ и строгъ... — Катюша... Катенька? — тихо зоветъ она дочь. Медленно поворачиваются въ ея сторону

глаза, и высохшія губы шепчуть послѣднія ласковыя слова...

Со дна души Елены Кирилловны подымается затихшая, ублаженная покорной молитвой, тоска, обвивается клубкомъ, давитъ и сжимаетъ сердце воспоминаніями дорогихъ, безвозвратныхъ утратъ...

Какъ живой, всплываетъ образъ курчаваго мальчика-подростка, вдумчиваго и ласковаго, полнаго нѣжной заботливой любви къ матери. Въ сломанныхъ бурей крыльяхъ нѣтъ больше жизненной энергіи, и въ сынѣ она видитъ единственную и послѣднюю опору. Ему она отдаетъ всѣ помыслы, всѣ силы, всю глубину любви; для нея исчезаетъ весь міръ, она отрѣшается отъ него, создаетъ алтарь единственному кумиру и на алтарь этотъ несетъ все, чѣмъ живетъ ея душа. Отнынѣ вся ея жизнь — сплошной страхъ за сына и болѣзненная любовь къ нему. Онъ идетъ на катокъ... ей чудится, что его привезутъ со сломанной ногой или въ безчувственномъ состояніи отъ страшнаго паденія навзничь... Лѣтомъ онъ идетъ купаться или кататься на лодкѣ, — ей мерещится мутная рѣка, въ которой, выбиваясь изъ силъ, тонетъ Андрейчикъ... Онъ идетъ съ товарищами въ циркъ или театръ, — ей чудится внезапно вспыхнувшее пламя, охватившее зданіе со всѣхъ сторонъ... Дымъ, выѣдающій глаза, крики, вопли, давка, грохотъ рухнувшей балки... И она, вся дрожа, съ бьющимся сердцемъ, ждетъ полночи и знакомаго осторожнаго звонка... онъ входитъ веселый, невредимый, съ горящими глазами и начинаетъ съ живостью и воодушевленіемъ дѣлиться пережитыми впечатлѣніями.

Вотъ онъ студентъ на первомъ курсѣ... худенькій, стройный, мечтательный и трогательно ласковый... Однажды внезапно она просыпается ночью; точно кто-то невидимый толкнулъ ее: кашель, короткій, сухой кашель... Сердце останавливается отъ ужаса... — Андрейчикъ!

Что это? .. — Спи, мама. — это пустяки: я немного простудился. — Но сонъ больше не смыкаетъ ея глазъ. Какъ змѣя подкралось зловѣщее предчувствіе, впилося въ сердце, и оно стало истекать кровью капля за каплей пока не умерло. . . Жизнь ея окончена. . . ей нечѣмъ больше жить: весной, когда изъ открытаго окна вливался въ комнату тотъ же тягучій звонъ благовѣста, исчезъ Андрейчикъ. . . у матери изсякла послѣдняя капля крови живого сердца. Миражъ растаялъ въ послѣднемъ догорѣвшемъ лучѣ, и тишина одиночества окутала ее. . . очнувшись она поняла, что отъ ея жизненнаго сна, отъ ея иллюзій не осталось ничего. . . ничего. . . полная тишина и въ этой мертвой тишинѣ ужасъ одинокаго страданія. На грани безумія она зывала къ Тому, Кто однимъ дуновеніемъ погасилъ краски миражей. . . и Онъ приблизился къ ней, открылъ очи ея, и она увидѣла невидимое, раскрылъ уши, — и она услышала неслышимое, отогнулъ край таинственной завѣсы, и она смирилась, постигнувъ обманъ земли. . .

Елена Кирилловна вздрогнула и очнулась: дребезжалъ звонокъ въ передней. Отлетѣлъ рой воспоминаній, настоящее властно выступило изъ рамокъ скромной, сѣренькой и печальной жизни. Не замѣчая, что по щекамъ струились слезы, она машинально поднялась съ мѣста и открыла дверь. Въ тусклой рамѣ раскрытой двери блеснули яркія, благоухающія краски пышныхъ розъ. Ольга посылала ей свой прощальный привѣтъ. Елена Кирилловна внесла громадный пышный букетъ въ комнату, гдѣ, ей казалось, еще не отлетѣли тѣни дорогихъ воспоминаній. Цвѣты разсыпались по столу. Алые, яркіе, упругіе лепестки розъ, съ блестящими каплями воды, наполнили комнату благоуханіемъ. Она сѣла на прежнее мѣсто и, любовно перебирая, подносила ихъ къ губамъ, вдыхала ихъ свѣжій ароматъ и роняла на нихъ послѣднія, скаты-

вавшіяся изъ глазъ, слезы. Легкая и прозрачная она сама казалась воплотившейся на мгновенье тѣнью. Черное платье, ниспадавшее легкими складками, казалось, облекало безплотное существо.

— Милые, живые сны земли, — шептали ей губы, лаская лепестки розъ, — увянете и вы, какъ увяли и тѣ мои благоуханные сны. . .

По закоптѣлымъ трубамъ, по облупившейся желто-сѣрой стѣнѣ дома, сквозь пріоткрытую щель окна, скользнулъ съ чистаго, весенняго неба теплый, трелещущій свѣтомъ и жизнью лучъ солнца и, пробѣжавъ комнату и озаривъ ее и разбросанные на столѣ цвѣты, почилъ на склоненной надъ ними въ покорной задумчивости головѣ. Елена Кирилловна подняла глаза, блестящія слезами. . .

— Солнце, — радостно воскликнула она и протянула къ нему руки.

VIII.

Сосредоточенный въ охватившемъ его тяжеломъ чувствѣ только что совершившейся разлуки, наклонивъ голову, Каринъ, вмѣстѣ съ отхлынувшей толпой, направлялся съ платформы къ выходнымъ дверямъ вокзала. Несмотря на то, что не онъ толкалъ, а его толкали, онъ разсѣяннo извинялся направо и налево, весь поглощенный мыслью объ уѣхавшей только что Ольгѣ. Спустившись со ступеней выхода, онъ посмотрѣлъ на часы и нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшимости: онъ усталъ и ему хотѣлось домой, гдѣ на письменномъ столѣ его ждали дѣла; погружаясь въ нихъ онъ отходилъ отъ личной жизни, забывая ея горькія стороны. Въ особенности сейчасъ ему хотѣлось никого не видѣть и ни съ кѣмъ не гово-

рить, а между тѣмъ мелочно педантичная память еще днемъ напомнила ему, что въ этотъ вечеръ онъ обѣдаль пріѣхать на набережную къ вдовѣ, пользовавшагося при жизни большимъ вліяніемъ, члена Государственнаго Совета.

Онъ зналъ навѣрное, что ему тамъ будетъ скучно и потому, что хозяйка дома была глупой женщиной, любящей задавать тонъ и еще потому, что свою дочь — Нелли, застѣнчивую и мало интересную дѣвушку, она, стараясь какъ можно скорѣе выдать замужъ, очевидно предназначила въ жены Карину.

Понявъ это, онъ чувствовалъ себя въ гостиной Стоцкой очень неловко. Она же, со свойственной ей увѣренностью, не сомнѣваясь, что каждый на кого падеть ея выборъ, долженъ гордиться и быть счастливымъ, держала себя съ Кариннымъ какъ королева, обласкавшая своего подданнаго. Будучи еще красивой, не утратившей обаяніе женщиной, Анастасія Павловна, не допуская мысли, что ея обаяніе можетъ кого-нибудь обойти, установила въ отношеніяхъ къ нему особый ласково-шутливый тонъ, который давалъ ей возможность подчеркивать ту роль, въ которую ему надлежало вступить. Какъ часто случается, умный и тактичный человѣкъ не въ состояніи парализовать волю упрямой, самонадѣянной и глупой женщины: онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ и отъ него какъ будто ускользаетъ почва, на которой онъ привыкъ во всѣхъ случаяхъ жизни стоять очень твердо.

Каринъ бывалъ у Стоцкой еще при жизни мужа, имѣлъ много общихъ знакомыхъ и не считалъ возможнымъ прекратить знакомство и тѣмъ выдать, что онъ понималъ ея намѣренія, которымъ сочувствовать не желалъ. Онъ считалъ себя и по годамъ, и по положенію достаточно солиднымъ, чтобы внушить ей уваженіе къ своей свободѣ, не прибѣгая къ такимъ нежелательнымъ мѣрамъ, какъ пре-

кращеніе знакомства. Однако, Стоцкая какъ будто намѣ-
ренно пренебрегала свѣтской выдержкой и тактичностью
Карина и, каждый разъ что онъ бывалъ у нее, принимал-
ась за свою Сизифову работу.

Послѣ минутнаго колебанія, Каринъ рѣшилъ всетаки
ѣхать на набережную, такъ какъ Стоцкая дважды повто-
рила приглашеніе, и онъ обѣщалъ быть непременно. Во
всѣхъ важныхъ и не важныхъ случаяхъ онъ неизмѣнно
оставался вѣрнымъ разъ данному слову.

На поданный снизу звонокъ швейцара, молчаливый
лакѣй безшумно открылъ дверь, почтительно поклонился
и такъ же безшумно открылъ дверь въ очень большую,
ярко освѣщенную люстрой, голубую съ позолотой гостин-
ную, въ строго выдержанномъ стилѣ французской эпохи.

Стоцкая, слегка начинающая полнѣть шатенка, въ па-
рижскомъ очень простомъ и очень дорогомъ туалетѣ, съ
медлительными, слегка театральными движеніями, пошла
навстрѣчу гостю и, щуря искусно подведенные глаза, ла-
сково протянула ему руку.

— А мы васъ ожидаемъ, *cher monsieur*, pour faire un peu
du Wagner. Баронъ Фихтентоль обѣщалъ доставить намъ
это удовольствіе. — Стоцкая перевела взглядъ на моло-
дого свѣтлаго блондина, съ пробритымъ подбородкомъ, ма-
ленькими бачками, бѣлолицаго, голубоглазаго, съ тща-
тельнымъ, во всю голову до затылка, проборомъ, одѣтаго
съ иголочки, преисполненнаго чувства собственнаго до-
стоинства и аристократизма. Баронъ сдѣлалъ неопредѣ-
ленно-граціозное движеніе, которое должно было выра-
зить его полную готовность «faire du Wagner».

— Покорно васъ благодарю, Анастасія Павловна, за
лестное вниманіе, но, насколько помню, я никогда не вы-
ражалъ особаго энтузіазма по отношенію этого нѣмецкаго
музыкальнаго мессіи, — отвѣтилъ Каринъ, цѣлуя протя-
нутую ему Стоцкой руку. Въ его умныхъ глазахъ, подъ

тѣмъю слегка нависшихъ черныхъ и густыхъ бровей, блеснуль полунасмѣшливый огонекъ, скользнувшій въ сторону барона Фихтентоля.

— Пожалуйста, не святотатствуйте. О Вагнерѣ такъ говорить нельзя въ моемъ салонѣ, — шутливо погрозила пальцемъ Стоцкая, не понимавшая и не знавшая вообще никакой музыки, ѣздившая «на Вагнера» для моды и для позы и имѣвшая въ своемъ репертуарѣ всегда разбросанныхъ по роялю разрозненныхъ нотъ только пошленькіе вальсы, польки и цыганскіе романсы, которые она въ одиночествѣ любила иногда побренчать. Это не мѣшало ей говорить о Вагнерѣ, какъ о любимомъ композиторѣ и даже, при случаѣ, входить въ нѣкоторые комментаріи, нахваченные ею на лету и повторяемые съ видомъ убѣжденной продуманности.

— Простите, Анастасія Павловна, я не зналъ, что Вагнеръ у васъ въ такой модѣ и что вы стали такой ярой его поклонницей.

— Vous tombez des sieux, mon ami. Кто же не любитъ и не цѣнить этого великаго композитора?!

— Вашъ покорный слуга. . .

— Ну, довольно. Вы это говорите, чтобы подразнить меня. Баронъ, вы кажется встрѣчались.

— Я имѣлъ удовольствіе. . .

— Какъ же, мы здѣсь встрѣчались однажды съ барономъ. Вы, если не ошибаюсь, живете заграницей?

— Да, я пріѣхалъ изъ Берлина лишь нѣсколько дней тому назадъ. — Фонъ-Фихтентоль, благоухающій и элегантный, точно сошедшій съ модной картинки, въ лакированныхъ полуботинкахъ, отмѣнно-бѣлой манишкѣ и такомъ же жилетѣ, несмотря на безупречно вѣжливый тонъ, слегка давалъ чувствовать нѣкоторую пренебрежительность, что въ особенности подтверждалъ наглый взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ.

— Скажите, пожалуйста, баронъ, вы не встрѣчаетесь тамъ съ Исановымъ Львомъ Дмитриевичемъ?

— Я познакомился съ нимъ на раутѣ у русскаго посланника. Вы его знаете?

— Это мой большой другъ.

Стоцкая прервала разговоръ, прикоснувшись пальцами къ рукаву Карина:

— Хотите чаю? Пройдемте туда.

Она увела Карина въ другой конецъ гостиной, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ былъ поданъ довольно скудный чай въ очень пышной сервировкѣ. Какъ паутинка — воздушные ломтики кэкса были аккуратно разложены на хрустальной тарелѣ; какъ ниточки — тоненькія сушки въ небольшомъ количествѣ лежали въ золоченой корзинкѣ на глянцеvито-подкрахмаленной салфеточкѣ; три-четыре ломтика лимона, аккуратно разложенные на двухъ золотыхъ тарелочкахъ, кондитерскіе конфеты — вотъ все, что предлагалось гостямъ. Предполагалось, что гости настолько хорошо воспитаны и принадлежать къ такому кругу, гдѣ голодъ не существуетъ, а потому чай сервируется только для вида.

За круглымъ столомъ сидѣла Нелли и, положивъ на сидѣнье голубого штофнаго дивана только что полученный «Figaro», перелистывала его, перекидываясь фразами съ сидѣвшимъ за этимъ же столомъ очень молодымъ человѣкомъ, недавно поступившимъ на службу въ дипломатическій корпусъ. Этотъ молодой человѣкъ, до поступления въ дипломатическій корпусъ, стригся подъ гребенку, носилъ усы, имѣлъ прекрасное зрѣніе, много и громко говорить и вообще былъ какъ и всѣ здоровые и веселые молодые люди; теперь же онъ сбрилъ усы, носилъ монокль, хотя онъ ему быть совсѣмъ не нуженъ и даже мѣшалъ, горилъ мало, глубокомысленно подымая брови и съ нѣкоторой тягучестью, причисывался на приборъ черезъ всю го-

лову, скрещивалъ на груди руки и молча и подолгу смотрѣлъ на носки своихъ лакированныхъ ботинокъ.

— Нелли, предложи чаю Владиміру Сергѣевичу, — обратилась Стоцкая къ дочери.

Нелли покраснѣла, поздоровалась съ Каринымъ и нажала кнопку голубого эмалевого звонка. Лакей принесъ чашку чая на серебряномъ подносѣ и подаль его Карину. Чай былъ невкусный и пахнулъ гѣнникомъ. Онъ протянулъ руку къ золоченому сливочнику, но сливочникъ оказался пустъ, и Каринъ положилъ въ чай ломтикъ лимона.

— Вы были вчера на *bataille des fleurs*? — обратилась къ нему Нелли и, поймавъ строгій взглядъ матери, отложила въ сторону «*Figaro*».

— Нѣтъ, не былъ.

— Говорять, было очень красиво. Вотъ *monsieur* Лихачевъ говоритъ, что были хорошо убранные экипажи.

Молодой человѣкъ, склонивъ вбокъ лоснящуюся отъ обильно политаго *végétal*'я голову, въ краткихъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ подтвердилъ сказанное Нелли.

— Во всякомъ случаѣ, развѣ могутъ эти *batailles des fleurs* имѣть что нибудь общее съ тѣмъ, что мы видѣли за границей... — Нелли старалась занять гостя и быть съ нимъ любезной.

Хотя Стоцкая и сказала Карину, что ожидали его, что бы *faire du Wagner*, однако, баронъ Фихтентоль къ роялю не садился, а продолжалъ разговаривать съ хозяйкой дома, сидѣвшей въ граціозной позѣ и отпивавшей изъ севрской чашки маленькими глотками невкусный чай.

Опять безшумно раскрылась дверь, и лакей впустилъ тучную даму, съ двойнымъ подбородкомъ, краснымъ лицомъ, зализанными на вискахъ и закрученными на макушкѣ волосами, съ громаднымъ ридикюлемъ, безвкусно и богато одѣтую.

Стоцкая, забывъ о присутствіи Карина, встрѣтила входящую тѣми же словами, которыми встрѣтила и его. Гостыя любезно улыбнулась:

— Конечно, я была бы очень огорчена, если бы пропустила хоть одинъ тактъ. Чѣмъ больше слышу, тѣмъ больше люблю и цѣню Вагнера.

— *N'est ce pas?! Я* нахожу, что въ Россіи его мало цѣнятъ, — тономъ сокрушенія замѣтила Стоцкая и повела гостыю къ столу, гдѣ пили чай.

Каринъ былъ ей представленъ. Она носила громкую, извѣстную фамилію, и, хотя онъ видѣлъ ее въ первый разъ, однако, много слышалъ о ней и зналъ, что она особа очень вліятельная и что многіе ѣздятъ къ ней на поклонъ.

— Ну что же, скоро опять потянетъ васъ за границу, или еще у насъ погостите? — обратилась дама къ Стоцкой.

— Конечно, уѣду. Довольно съ меня. Вѣдь я сижу тутъ съ начала декабря. Садовникъ пишетъ, что нашъ садикъ въ Дрезденѣ весь въ цвѣту.

— Весна и у насъ нынче очень хороша, жаловаться не можемъ.

— Но воздухъ не тотъ. *J'adore Dresde!* Это настоящая игрушка. Я скучаю, когда надолго расстаюсь съ нимъ.

— Я вижу, *chère amie*, что вы совсѣмъ онѣмечились.

— Баронъ, — поспѣшно перебивая рѣчь гостыи, обратилась Стоцкая къ Фихтентолу, — мы ждемъ вашей музыки. . . Нелли, прибавь электричества у рояля.

— Если разрѣшите, я попрошу обратное: — убавить его. Я играю наизусть и не люблю много свѣта для музыки.

Уменьшили свѣтъ, подняли крышку рояля. Баронъ сперва придвинулъ, потомъ отодвинулъ стулъ, устроился, потеръ руку объ руку, поднялъ голову, что-то глазами поискалъ на потолокъ, потомъ опустил ее, поддержалъ

пальцы на клавишахъ и заигралъ. Всѣ слушали смиренно и чинно. Хозяйка дома съ преувеличеннымъ вниманіемъ, дѣлая видъ, что вся обратилась въ слухъ, украдкой разсматривала безвкусно сшитое платье гостыи, отдѣланное настоящими кружевами. Нелли, съ затаеннымъ волненіемъ, дѣлая видъ, что смотритъ на свои кольца, скашивала глаза на кончикъ носа, чувствуя, что онъ горитъ и начинаетъ краснѣть. Тучная дама, сложивъ красноватя руки на выпяченномъ животѣ, ровно ничего не слушала и, оглядывая комнату, задавала себѣ вопросъ — беретъ ли Стоцкая всю эту богатую обстановку на прокатъ или же она принадлежитъ ей? Молодой человѣкъ мысленно проклиналъ Фихтентоля и Вагнера, такъ какъ предвидѣлъ, что музыка затянется надолго и ему будетъ неудобно раскланяться, чтобы, сломя голову, легѣть къ товарищу по лицу, гдѣ его ждутъ и гдѣ должно быть очень весело. Каринъ думалъ объ Ольгѣ.

Фихтентоль, съ хорошо выработанной техникой и ритмомъ, аккуратно передавалъ то, что имъ было заучено. Игра его была холодная и скоро надоѣдала, но онъ не замѣчалъ этого, тѣмъ болѣе, что ему безпрестанно повторяли, что онъ отличный музыкантъ и артистически передаетъ Вагнера. Онъ игралъ долго и безъ перерывовъ. Когда онъ кончилъ, то всѣ почувствовали себя усталыми; гостямъ хотѣлось домой, но, кромѣ Карина, всѣ, едва онъ всталъ отъ рояля, принялись восхищаться его игрой и находить въ его исполненіи что-то...

— Un je ne sais quoi, — подсказалъ молодой дипломатъ, сразу повеселѣвшій при мысли, что теперь онъ, наконецъ, вырвется къ товарищу.

— Да, да... именно un je ne sais quoi... — подхватили всѣ, обрадованные, что имъ помогли найти хорошее слово для лжи.

Каринъ, заложивъ за спину руки, разсматривалъ на стѣнѣ небольшой, прекрасной работы миниатюръ и еле сдерживалъ улыбку, слушая наивныя, лишенные элементарныхъ свѣдѣній, разсужденія Стоцкой о Вагнеровскихъ операхъ.

Молодой человѣкъ, воспользовавшись моментомъ, когда всѣ, довольные предлогу переменить однообразное положеніе, поднялись со своихъ мѣстъ, распрощался и уѣхалъ, сославшись на срочную работу, которую онъ якобы отложилъ на ночь. Фихтенголь, давъ время высказать каждому свое восхищеніе его игрой, тоже поднялся съ мѣста. Онъ простился любезно, но съ отѣнкомъ холоднаго превосходства и былъ у двери, когда Стоцкая, что-то припомнивъ, быстро вставъ, нагнала его:

— *Ecoutez cher baron*, я совершенно забыла спросить васъ относительно того дѣла, — громко произнесла она, но сейчасъ же понизила голосъ и довольно долго о чемъ то вполголоса бесѣдовала съ барономъ. Очевидно, разговоръ велся на дѣловую тему, такъ какъ лицо барона приняло еще большее выраженіе самоувѣренности, а Стоцкая, вынувъ изъ кармана крошечную записную книжку, что-то вписывала въ нее и, видно было, старалась понять, что ей говорили.

Каринъ не безъ нѣкотораго удивленія задавалъ себѣ вопросъ, какіе интересы могутъ связывать вдову русскаго генерала, пустую, глупую, но очень тонную даму, съ нѣмецкимъ барономъ, не глупымъ, увѣреннымъ въ своемъ превосходствѣ и, конечно, чуждымъ ея личныхъ интересовъ. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что въ ихъ знакомствѣ никакой романической подкладки не было.

— Что это за баронъ? Я его у васъ встрѣчала раньше, Нелли? — спросила тучная дама по англійски, слегка понижая голосъ.

— Фонъ-Фихтентоль. Онъ у насъ бываетъ въ Дрезденѣ. Онъ въ Берлинѣ всегда живетъ.

— Да кто онъ такой?

— Онъ, кажется, состоитъ тамъ кѣмъ-то при дипломатическомъ корпусѣ. Я знаю, что онъ лично извѣстенъ Вильгельму и бываетъ при дворѣ.

— А здѣсь что жъ онъ дѣлаетъ?

— Кажется, прямо такъ пріѣхалъ... или нѣтъ, онъ кажется тутъ землю гдѣ-то покупаетъ.

— Не въ женихи ли вамъ, Неличка, записаться хочеть? — улыбнулась дама.

— Ахъ, нѣтъ... — Нелли густо покраснѣла. — Я никогда не вышла бы замужъ за нѣмца.

— Отчего же? Народъ толковый.

— Они мнѣ не нравятся: черствые и ужасно прозаичные.

Стоцкая, простившись съ Фихтентолемъ, подошла къ гостямъ; какъ бы чувствуя, что разговоръ шель о баронѣ, она, не желая его поддерживать, обратилась къ Карину съ вопросомъ, что онъ думаетъ дѣлать лѣтомъ. Вскорѣ Каринъ всталъ, чтобы проститься. Стоцкая, дѣлая видъ, что вспомнила это случайно, заговорила о томъ, для чего онъ въ сущности и былъ ею приглашенъ.

— Ахъ, à propos. Помните, милая графиня, вы какъ-то спрашивали при мнѣ у кого въ рукахъ дѣло вашей протеже? Сейчасъ мнѣ пришло въ голову, что объ этомъ долженъ что нибудь знать Владиміръ Сергѣевичъ.

— Какое дѣло? — спросилъ Каринъ, сразу понявшій, что его позвали на этотъ, якобы музыкальный, вечеръ потому, что полной дамѣ нужно что-то узнать или просить или же дать какіе-нибудь директивы. Ссобразивъ это въ одну минуту, онъ сталъ насторожѣ.

— Да?! Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, освѣдомьте меня, monsieur Каринъ, правда ли, что этому пустяшному, нестоящему выѣденнаго яйца, дѣлу данъ ходъ?

— Какому дѣлу? — снова опускаясь на стулъ, переспросилъ Каринъ.

— Жены одного херсонскаго помѣщика; очень милой, интересной женщины; я ее прекрасно знаю, хорошей семьи, княжна по рожденію, — Ольга Николаевна Зиновьева. Ея мужъ подалъ жалобу на сына своего управляющаго — студента Карпова.

— Какъ же-съ. Помню. Это дѣло совсѣмъ не пустяшное. Студентъ обвиняется въ подлогѣ.

— Ахъ, какъ это вы, господа юристы, любите употреблять криминальныя слова! Глупый, необдуманнй поступокъ. . . Ни о какомъ подлогѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

— Вы, графиня, изволите быть ознакомлены съ сущюю всего дѣла? — мягко спросилъ Каринъ, ничуть въ то же время не сомнѣваясь, что дѣло ей знакомо, и она не хуже его понимаетъ, что подлогъ не подлежитъ сомнѣнію; говорить же обратное потому, что ей почему-то такъ надо говорить.

— Разумѣется. Знаю всю эту исторію отъ самой Оленьки. Ея мужъ чудакъ и горячка. Заварилъ кашу и теперь самъ не радъ. Я общалась ей похлопотать у добрыхъ людей, чтобъ затушить этотъ пожаръ, который можетъ надѣлать массу непріятностей и, что всего хуже, вымести наружу всякій домашній соръ. Мало ли чего ни случается въ семьѣ! Люди, принадлежащіе къ извѣстному обществу, должны и сами охранять и взаимно помогать другъ другу охранять свое имя отъ всякой публичной огласки. Развѣ я не права, мосье Каринъ? — съ достоинствомъ спросила тучная дама.

— Да, но разъ имя попало на бумагу для судебного разбора, — приходится мириться съ оглаской во имя закона правосудія.

— А я вотъ какъ разъ вчера говорила съ Федоромъ Корниловичемъ — прокуроромъ судебной палаты, — онъ понялъ щекотливость положенія и общалъ мнѣ свое содѣйствіе, — многозначительно прогворила дама.

Каринъ, съ едва уловимой улыбкой, развелъ руками:

— Вѣроятно Федоръ Корниловичъ имѣетъ какія нибудь данныя, неизвѣстныя, напримѣръ, мнѣ, чтобы имѣть о немъ иное мнѣніе.

— Онъ, кажется, согласенъ со мной, что не слѣдуетъ давать ходъ всей этой чепухѣ.

— А какъ же подлогъ? — улыбнулся Каринъ.

— Да никакого подлога нѣтъ. Подмахнулъ сдѣлу и...

— И деньги получилъ, — подсказалъ Каринъ.

— Которыя Оленька уже внесла мужу.

— А что же господинъ Карповъ? Подмахнулъ, какъ вы изволили выразиться, спустилъ деньги и все кончилось очень хорошо?!

— Ну, ужъ это ихъ дѣло. Разъ они желаютъ дѣло прекратить, значить, все тамъ у нихъ объяснилось. Я общала Оленькѣ, въ случаѣ чего, замолвить словечко министру. Мы съ нимъ старые знакомые, даже покумились. Однако, пора и честь знать. Поздно. Очень я засидѣлась у васъ, Анастасія Павловна. До свиданія. Надѣюсь, до вашего отъѣзда въ Дрезденъ мы еще не разъ увидимся. До свиданія, monsieur Каринъ. Если вамъ подъ руку попадется дѣло Оленьки, т. е. вѣрнѣе ея чудака мужа, то вспомните меня и, сбросивъ тогу сухого юриста, soyez un homme aimable, каковъ вы и есть на самомъ дѣлѣ. — Тучная дама протянула Карину пухлую, красноватую руку и поплыла изъ гостиной.

Въ то время, какъ Каринъ возвращался домой грустный отъ мыслей, что разстался съ Ольгой и недовольный короткимъ, но многозначительнымъ разговоромъ съ тучной дамой, изъ котораго онъ понималъ, что ему предстоитъ трудная и, можетъ быть, бесполезная борьба противъ незаконнаго попустительства высшей власти, — въ это время баронъ фонъ-Фихтентоль, утонувъ въ мягкомъ сидѣннѣ экипажа, немного усталый, но довольный своимъ днемъ, закрывъ глаза, давалъ себя убаюкивать покачиванію эластичныхъ рессоръ и, какъ въ записной книжкѣ, отмѣчалъ въ мозгу все, что надо было запомнить и что надо было предпринять на слѣдующій день. Онъ очень любилъ своего кайзера и свой фатерляндъ, терпѣть не могъ Россіи и русскихъ и только изъ любви къ кайзеру ѣздилъ въ Россію, гдѣ велъ дѣла величайшей важности для пользы Германіи. Расчетливый, холодный и осторожный, онъ отлично умѣлъ обойти «этихъ русскихъ довѣрчивыхъ и лѣнивыхъ свиней», какъ онъ въ своемъ умѣ пренебрежительно называлъ тѣхъ, въ домѣ которыхъ бывалъ, вѣжливо пожималъ имъ руки и благосклонно позволялъ имъ слушать свою игру на роялѣ. Съ каждымъ новымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, фонъ-Фихтентоль обдуманно расширялъ кругъ знакомства въ высшихъ сферахъ, въ чемъ ему не мало помогала Стоцкая.

Останавливался онъ всегда въ Европейской гостиницѣ, занимая въ бель-этажѣ два лучшихъ номера. Хотя особенно щедрымъ для служащихъ въ отелѣ онъ не былъ, однако сумѣлъ внушить почтеніе къ своей особѣ, и лакеи и portiers кланялись ему съ предупредительной вѣжливостью. Въ своемъ номерѣ онъ засталъ нѣсколько заказныхъ дѣловыхъ писемъ изъ Берлина; онъ отложилъ ихъ до утра, такъ какъ было поздно, и ему хотѣлось спать не

столько отъ усталости, сколько отъ скучно проведеннаго вечера, который быть устроенъ Стоцкой по его инициативѣ для знакомства съ тучной графиней, въ домѣ которой бывалъ весь Петербургскій высшій и бюрократическій свѣтъ. Онъ надѣялся, что «Вагнеръ» загипнотизируетъ ее, и она пригласить его къ себѣ, но такъ какъ этого не случилось, онъ, ложась спать, между другими дѣлами измышлялъ планъ новой съ ней встрѣчи.

На другое утро, когда, занятый дѣловой корреспонденціей, онъ сидѣлъ у письменнаго стола, затрещалъ звонокъ телефона. Звонила Стоцкая, прося его пріѣхать къ ней между часомъ и двумя, такъ какъ она имѣетъ сообщить ему нѣчто интересное.

— Если нельзя отложить до завтра, то я пріѣду, — отвѣчалъ баронъ.

— Impossible... l'affaire est très urgente.

— Bon. C'est entendu. А что вы мнѣ скажете относительно инженера? .. А-а, вотъ это прекрасно... Un «добрый малый». Vous dites? .. Самое лучшее... Въ такомъ случаѣ позвоните къ нему сейчасъ и попросите до двѣнадцати быть у меня; къ часу у меня заказанъ экипажъ, и я не могу опоздать. Au revoir. — Фонъ-Фихтентоль повѣсилъ трубку, такъ какъ стучались въ дверь.

— Herein! — проговорилъ Фихтентоль, не желая затруднять себя русскимъ «войдите».

Лакей подалъ телеграмму.

«Уполномочиваемъ приобрести имѣніе, если нѣтъ иной комбинаціи. Баронъ фонъ-Пиллау», — стояло въ телеграммѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Фонъ-Фихтентоль, прочитавъ ее, что-то промычалъ себѣ подъ носъ и на нѣсколько минутъ задумался. Потомъ, закуривъ сигару и шуря отъ дыма одинъ глазъ, началъ дѣлать карандашомъ какія-то выкладки на листѣ бумаги. Углубленный въ это занятіе,

онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ часъ. Опять постучали въ дверь.

— Herein, — отозвался фонъ-Фихтентоль, тщательно складывая только что сдѣланныя вычисленія.

— Просите войти, — приказалъ онъ лакею, подавшему ему визитную карточку.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ плотный брюнетъ въ формѣ инженера, нѣмного мѣшковатый, съ чисто русскимъ лицомъ.

— Господинъ Кавецкій? Прошу садиться. — Фонъ-Фихтентоль на секунду остановилъ на лицѣ посетителя внимательный взглядъ, протянулъ ему руку, указалъ на кресло по другую сторону письменнаго стола и придвинулъ ящикъ съ ситарами.

— Благодарствуйте, я курю папиросы и только свои, — проговорилъ инженеръ, сядя на указанное ему кресло.

— Госпожа Стоцкая вѣроятно говорила вамъ, въ чемъ будетъ заключаться наше дѣло?

— Да-съ, въ общихъ чертахъ я знаю.

— Имѣніе, купленное мною, находится въ Минской губерніи. Вамъ знакома эта губернія?

— Я ее знаю отлично.

— У меня тамъ много лѣсу ...

— И болотъ, — подсказалъ инженеръ.

— Совершенно вѣрно. Вотъ объ этихъ болотахъ я и имѣлъ въ виду поговорить съ вами.

Фонъ-Фихтентоль обстоятельно началъ излагать инженеру свое мнѣніе относительно высушки болотъ. Онъ разложилъ планъ имѣнія, указывая, что необходимо составить другой, болѣе точный; говорилъ о необходимости дѣлать гати и просѣки въ лѣсахъ. Инженеръ слушалъ его со вниманіемъ, такъ какъ видѣлъ, что нѣмецкій ба-

ронъ отлично понимаетъ дѣло и не скупится въ смѣтъ предстоящихъ крупныхъ расходовъ. Ему нравилось, что знатный баронъ не только уступалъ во мнѣніяхъ, но даже высказывалъ много любознательности и съ интересомъ вслушивался въ разъясненія нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ. Договорившись по всѣмъ главнымъ пунктамъ, баронъ назначилъ слѣдующее свиданіе въ самомъ имѣніи, гдѣ они должны были съѣхаться недѣли черезъ двѣ.

— Обстоятельный и дѣльный господинъ, — думалъ инженеръ, спускаясь по лѣстницѣ въ вестибюль отеля. — Сейчасъ видно нѣмца: во всемъ стремится къ точности и порядку. Едва имѣніе купить, а уже заботится объ гатяхъ да просѣкахъ, не то что русскіе помѣщики. . . Работы будетъ въ этихъ лѣсахъ не мало, но онъ молодецъ, не скупится

Инженеръ былъ очень доволенъ и благодаренъ Стоцкой за знакомство съ Фихтентолемъ. Хотя самъ баронъ ему и не особенно понравился, но онъ предвидѣлъ, что дѣло имѣть съ нимъ будетъ пріятно, такъ какъ съ перваго уже разговора онъ высказалъ много дѣловитости и серьезнаго отношенія къ предпринимаемой работѣ.

Ровно въ половинѣ второго фонъ-Фихтентоль, держа котелокъ въ рукѣ, обтянутой въ лайковую рыжеватую перчатку, весь гладкій, свѣжій, холодно-корректный и изящный, входилъ въ гостиную Стоцкой.

— Bonjour, cher baron. Пройдемте въ мой кабинетикъ. Хотя намъ и здѣсь никто не помѣшаетъ, но для дѣловыхъ разговоровъ тамъ будетъ уютнѣе.

Стоцкая, въ синемъ суконномъ, вышитомъ чернымъ сукнашемъ, платьѣ, хорошо охватывавшемъ ея, хотя и полнѣющую, но стройную фигуру, съ затѣйливой, слѣланной рукой парикмахера прической, выглядѣла свѣжо и молодо. Комната, въ которую она ввела барона, была больше похожа на небольшую, очень красивую гостиную, чѣмъ

на кабинетъ. Въ двухъ, трехъ вазахъ стояли свѣжіе цвѣты, наполнявшіе комнату ароматомъ, смѣшаннымъ съ запахомъ духовъ, которые употребляла Стоцкая.

— Во первыхъ, баронъ, скажите мнѣ, свободны ли вы завтра вечеромъ? Я могу имѣть ложу въ балетъ, чтобы пригласить графиню и васъ. Не сомнѣваюсь, что на этотъ разъ она позоветъ васъ къ себѣ.

Фонъ-Фихтентоль вопросительно поднялъ брови.

— Сегодня я съ ней говорила по телефону. Она спрашивала о васъ. Я намекнула ей, что считаю васъ очень подходящей партіей для Нелли... Словомъ, дала ей понять, что любезность къ вамъ — любезность ко мнѣ.

— Это очень мило придумано, — одобрительно улыбнулся баронъ, — тѣмъ болѣе, что, если я не ошибаюсь, вы намѣтили для этой роли кого-то другого.

— Да, вы говорите о Каринѣ? Боюсь, что изъ этого ничего не выйдетъ...

— Мнѣ лично онъ не нравится, — холодно замѣтилъ фонъ-Фихтентоль. — Думаю, что вамъ надо быть очень съ нимъ осторожной; онъ крайне наблюдателенъ, уменъ и имѣетъ громадную память. Мы съ нимъ встрѣтились у васъ въ прошломъ году мелькомъ и не обмѣнялись ни однимъ словомъ, — однако, онъ отлично запомнилъ меня, мою фамилію, и даже то, что я уѣзжалъ тогда въ Берлинъ. Я за нимъ слѣдилъ вчера и пришелъ къ выводу, что такихъ людей надо вамъ остерегаться.

— О, вы ошибаетесь. Карина я знаю давно и считаю его очень добродушнымъ и милымъ человѣкомъ.

— Mein Gott, mein Gott! Когда же, наконецъ, вы поймете, meine gnädige Frau, что вы теперь изъ себя представляете какъ бы винтъ громадной машины, механизмъ которой долженъ быть, — фонъ-Фихтентоль сдѣлалъ строгое, надменное лицо, — да, долженъ быть скрытъ отъ каждаго не посвященнаго. Вы обязаны, meine gnädige Frau, пом-

нить, что вы себя не принадлежите, что вы хоть и небольшая, но все же часть нашего сложнаго, направленнаго на государственное дѣло, механизма, и осторожность и бдительность — первое условіе. Повторяю вамъ: господинъ Каринъ, котораго вы можете цѣнить какъ своего знакомаго, для «нашего» дѣла можетъ быть опасенъ. Одно неосторожное слово или незначительный фактъ могутъ воскресить въ его воспоминаніи цѣлый рядъ безсознательно сдѣланныхъ наблюдений.

— Вы думаете?

— Я утверждаю, — многозначительно произнесъ фонъ-Фихтентоль. — Мы такъ широки въ выполненіи своихъ обѣщаній по отношенію васъ, *meine gnädige Frau*, что, полагаю, вы можете, въ виду нашихъ интересовъ, пожертвовать вашимъ знакомствомъ съ опаснымъ для дѣла человекомъ. У меня нюхъ, какъ у гончей собаки; я чую опасность издалека.

Стоцкая, сдерживая недовольство, кусала губы и, щуря глаза, разсматривала полировку своихъ розовыхъ ногтей.

— *Au fond, ja ne perds rien*, — думала она въ то же время про себя. — Очевидно Нелли ему не нравится, и онъ упрямо дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ моихъ намековъ. Буду его звать рѣже... Но это очень жаль, что Нелли ему не нравится... Какъ трудно теперь выдать замужъ дочь... она такъ стѣсняетъ меня... у насъ такіе разные съ ней вкусы и взгляды... только бы не засидѣлась въ дѣвушкахъ... *j'en ai assez!!*

Стоцкая задумалась и не замѣтила, что металлическій голосъ фонъ-Фихтентоля умолкъ. Наконецъ, чтобы нарушить молчаніе, фонъ Фихтентоль выразительно кашлянулъ. Стоцкая подняла на него глаза и сразу вспомнила, что она должна сказать ему нѣчто важное, что облегчить ей затронуть щекотливый и всегда волнующій ее де-

нежный вопросъ. Она была расточительна, съ очень широкими замашками и, сколько бы ни получала, всегда оказывалось, что у нея недостаетъ денегъ на уплату всѣхъ расходовъ.

— Да, я имѣю сообщить вамъ, баронъ, нѣчто очень интересное, заговорила она, обдумывая въ то же время, какая сумма ей необходима, чтобы, уѣзжая изъ Петербурга, разсчитаться со всѣми долгами. — Помните, я на дняхъ говорила вамъ, что на вечерѣ у генерала Петрова былъ разговоръ объ одномъ новомъ военномъ изобрѣтеніи. Какъ это они называли, *le mot m'échappe?*!..

— Дымная завѣса, какъ вы тогда мнѣ сказали.

— *Justement*. Вы просили меня какъ нибудь узнать подробности, но, вы понимаете, *que tous ces noms techniques*, это очень трудно запомнить и понять, и вотъ я устроила такъ, что вы сами все это услышите.

Фонъ-Фихтенголь насторожилъ уши. Онъ не былъ увѣренъ, понимаетъ ли Стоцкая важность своей услуги, и боялся лишнимъ словомъ выдать, на сколько онъ заинтересованъ. Поэтому онъ молчалъ и лишь вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Другъ этого изобрѣтателя, который главнымъ образомъ и хлопочетъ о томъ, чтобы назначили комиссію для разсмотрѣнія этого изобрѣтенія, будетъ сегодня послѣ двухъ у меня. Я ему обѣщала дать письмо къ генералу Мирскому. Вы останьтесь здѣсь; я его приму въ гостиной и, конечно, буду говорить объ этомъ изобрѣтеніи; надѣюсь, что мнѣ удастся *le faire parler*. Онъ, кажется, очень мнѣ благодаренъ за протекцію и вѣроятно не откажетъ удовлетворить мое невинное любопытство. Вы какъ думаете, баронъ? — лукаво улыбнулась Стоцкая.

Думаю, что все это вы прекрасно придумали, но... что же я буду здѣсь дѣлать, если онъ засидится или если еще кто нибудь придетъ къ вамъ?

— Когда вы услышите все, что вамъ надо знать, то черезъ эту дверь вы пройдете въ столовую, оттуда въ переднюю и уйдете никѣмъ не замѣченный.

— Прекрасно. А теперь у меня есть еще одно важное дѣло: изъ Берлина я получилъ полномочіе на покупку имѣнія, но, строго обдумавъ всѣ факты, рѣшилъ, что это имѣніе куплю не я... а вы.

— Какъ я? Для чего оно мнѣ? И на какія деньги?

— Оно, конечно, вамъ не нужно, но намъ оно необходимо. Тамъ громадная площадь занята лѣсами; это очень, очень важно! — фонъ Фихтентоль, подчеркивая послѣднія слова, глубокомысленно поднималъ указательный палецъ. — Я считаю неосторожнымъ покупать на свое имя второе имѣніе въ сосѣдней губерніи. Это можетъ вызвать ненужные пересуды у мѣстныхъ жителей, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ, ни въ другомъ жить я, конечно, не буду. Купите его вы, уплатите нашими деньгами, и, пока это нужно будетъ для нашего ознакомленія съ подробнымъ планомъ лѣса и для другихъ цѣлей, вы будете играть роль хозяйки, приѣдете лѣтомъ на мѣсяцъ или на два къ себѣ въ имѣніе погостить; къ вамъ приѣдутъ гости изъ за границы, будутъ много охотиться, интересоваться работами по осушкѣ болотъ, — словомъ, когда все будетъ сдѣлано что нужно, тогда вы, т. е. мы продадимъ имѣніе. Вы видите, что это не такъ сложно.

— Да, но мнѣ совсѣмъ не улыбается перспектива зарываться хотя бы на мѣсяцъ или два въ эти болота. Какая еще тамъ усадьба?! Могу себѣ представить! Я такъ избалована комфортомъ за границей...

— Ну, это мы все уладимъ, Sie können sein ganz ruhig... Когда есть деньги, то есть и комфортъ, который можно перевести отъ насъ въ эти медвѣжьи берлоги. Нашъ кайзеръ всегда щедро благодаритъ за оказанныя ему услуги, — съ пафосомъ произнесъ фонъ-Фихтентоль.

— Въ такомъ случаѣ, освободите меня отъ заботъ, которыя мучаютъ меня всѣ эти дни. J'ai la tête à l'envers, — Стоцкая съ видомъ жертвы прижала къ вискамъ украшенные цѣнными камнями пальцы. — У меня столько долговъ.

— Извольте, я вамъ напишу чекъ, но съ условіемъ, что вы не дадите рекомендательнаго письма господину съ изобрѣтеніемъ. Секретъ этотъ долженъ принадлежать навъ бабу, тронулъ ее за плечо. Она обернула къ нему. Дайте ему письмо ко мнѣ, а я его направлю въ подготовленную мной инстанцію, которая его дѣло затрутъ, передавъ намъ весь секретъ.

Послышался звонокъ, и Стоцкая, быстро задернувъ тяжелую портьеру, раздѣлявшую двѣ комнаты, скрылась за ней. Фонъ-Фихтентоль, неслышно ступая по ковра, прошелъ къ самой двери, опустился подлѣ задернутой портьеры въ удобное кресло, заложилъ ногу на ногу, закурилъ сигару и, скрестивъ руки, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ сталъ вслушиваться въ разговоръ, происходящій въ гостиной. Затѣмъ онъ досталъ записную книжку и, съ видомъ одобренія и удовольствія, сталъ записывать въ нее то, что вполголоса разъяснялъ Стоцкой благодарный за услугу, добродушный другъ изобрѣтателя. Стоцкая задавала наивные вопросы, смѣялась, восхищалась умомъ изобрѣтателя и мало-по-малу заставила своего собесѣдника рассказать все то, что надо было знать фонъ-Фихтентолу.

Окончивъ замѣтки, онъ спряталъ книжку, подошелъ къ зеркалу, съ удовольствіемъ увидѣлъ отраженіе своего лица, покрутилъ усы, оправилъ галстукъ, осторожно вышелъ черезъ указанную дверь въ столовую, оттуда въ переднюю, снялъ съ вѣшалки шляпу и, неслышно повернувъ ручку входной двери, вышелъ на улицу.

Х.

Для Карина потянулись однообразные дни, полные служебныхъ заботъ и усидчиваго, иногда до поздней ночи, труда надъ бумагами. Онъ старался мыслями о службѣ поглотить весь мозгъ безъ остатка, чтобъ не дать себѣ возможности думать объ Ольгѣ, о томъ, что вдали отъ нея все кажется ему пустымъ и не нужнымъ, и даже служба, которой онъ всю жизнь отдавалъ столько силъ и энергіи, начинала казаться ему безцѣльнымъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ. Ежеминутнымъ напряженіемъ ума надъ дѣломъ онъ хотѣлъ отогнать тоску, душившую его съ той минуты, когда плавно тронулся поѣздъ, и вагонъ, изъ окна котораго глядѣла на него Ольга, началъ удаляться все дальше и дальше и, наконецъ, исчезъ въ дали, окутанной туманомъ и клубами дыма. Аккуратно черезъ день, вернувшись со службы, онъ заставлялъ на своемъ письменномъ столѣ продолговатый конвертъ, съ хорошо знакомымъ почеркомъ. Ольга писала ему съ дорожныхъ станцій, изъ Вѣны, изъ Триеста, изъ Венеціи, изъ Генуи и, наконецъ, изъ очаровательнаго уголка на берегу Lago Maggiore, гдѣ онѣ съ Танитой остановились на продолжительный срокъ. Съ мельчайшими подробностями Ольга описывала свое путешествіе, и любовь къ чудной природѣ переплеталась въ письмахъ ея съ любовью къ нему.

«Зачѣмъ, зачѣмъ мы не вмѣстѣ, мой дорогой, мой добрый другъ?!» — повторяла она въ каждомъ письмѣ. — «Теперь, вдали отъ тебя я понимаю, какую жертву я принесла, отказавшись отъ счастья и радости быть съ тобой въ этомъ поэтическомъ уголкѣ».

Каринъ, много разъ бывавшій за границей, зналъ и любилъ всѣ эти уголки итальянскихъ озеръ и, читая письма Ольги, подавлялъ тяжелый вздохъ: какъ отдохнулъ бы онъ тамъ, подлѣ нея отъ утомившихъ его заботъ, отъ всегда

напряженного сознанія, что почти каждое дѣло, — а ихъ было десятками, — живой документъ человѣческаго страданія, часто уродливаго, преступнаго, темнаго, но все же страданія, и онъ долженъ неусыпно слѣдить, чтобы все, что соприкасалось съ его властью, пило бы неуклонно по тропѣ милосерднаго и законнаго правосудія. Какъ хотѣлось ему забыть всѣ свои служебныя обязанности, на короткое время отойти отъ нихъ и тамъ, въ иной обстановкѣ, среди чужихъ людей окунуться въ счастье близости къ ней... Каринъ устало закрывалъ глаза, задумывался и горечь сознанія своего одиночества и быстро текущихъ годовъ усиливала подавленную трудомъ тоску.

Въ квартирѣ царила тишина, и хотя въ окна вливался шумъ улицы, но оставался чуждымъ среди большихъ комнатъ со снятыми портъерами и коврами, гдѣ утромъ, по уходѣ хозяина, неторопливо двигался старый слуга, заботливо стряхивая пыль и задегивая занавѣски отъ горячаго лѣтняго солнца. Потомъ онъ уходилъ въ свою комнату, и до шести или семи часовъ комнаты стояли точно вымершія. Къ обѣду возвращался Каринъ, сильно уставшій и отъ дѣла, и отъ городской духоты; нехотя обѣдалъ и засиживался до ночи надъ бумагами. Такъ бѣжали дни и, казалось, такъ будутъ бѣжать безъ конца.

Но однажды Каринъ, послѣ безсонной ночи, всталъ съ тяжелымъ чувствомъ, будто что-то надломилось у него въ душѣ. Безконечная моральная усталость какъ будто сразу влилась и наполнила до краевъ его мозгъ, сердце и душу. Всегда отчетливо разбиравшійся въ своихъ ощущеніяхъ и чувствахъ, Каринъ понималъ, что лучше не задумываться и не спрашивать себя — что случилось, и закрывъ глаза, идти, все идти впередъ, пока держать ноги... Такъ онъ и слѣлалъ: ни на іоту не уклоняясь отъ методично установленныхъ привычекъ, онъ одѣлся, вышелъ въ столовую, выпилъ какао и просмотрѣлъ газету, около часу

занимался бумагами, принялъ отъ полицейскихъ приставовъ нѣсколько телефонныхъ донесеній и къ одиннадцати часамъ поѣхалъ въ камеру.

Пока онъ ѣхалъ, пока сбрасывалъ на руки подбѣжавшаго швейцара пальто, подымался по лѣстницѣ въ третій этажъ, пока входилъ въ свой кабинетъ, спускаясь по ступенямъ, какъ въ каюту, онъ ни на секунду не переставалъ чувствовать тотъ надломъ, съ которымъ всталъ въ это утро, но продолжалъ упрямо обманывать себя, что ничего нѣтъ, что все по старому, а если и произошло въ немъ что то новое, то онъ не хочетъ этого знать и будетъ сегодня жить такъ же, какъ жилъ вчера.

Войдя въ кабинетъ, онъ положилъ на столъ портфель, вынувъ изъ него бумаги, передалъ ихъ секретарю для исполненія и сталъ просматривать приготовленную на столѣ почту. Курьеръ доложилъ объ ожидавшихъ его посѣтителяхъ.

Первой вошла высокая, худая дама, вся въ черномъ, съ выбившейся изъ-подъ шляпки прядью сѣдоватыхъ волосъ, съ выпуклыми, безпокойно бѣгавшими глазами. Ея лицо было блѣдно, истомлено, и нервный тикъ поминутно подергивалъ лѣвую щеку. Она вошла въ камеру торопливой походкой, быстро приблизилась къ столу и заговорила полупотомъ и постоянно оглядываясь на запертую дверь:

— Я опять къ вамъ, ваше превосходительство... вы вѣрно забыли меня, но я рѣшилась опять побеспокоить васъ, такъ какъ больше не могу терпѣть этого выстѣживанія...

Каринъ узналъ въ просительницѣ уже разъ бывшую у него несчастную, страдающую менѣй преслѣдованія, больную. Ея выпуклые сѣрые глаза смотрѣли на него съ испугомъ и мольбой, и Каринъ сразу забылъ, что у него что-то ноетъ и стонетъ на душѣ.

— Я никуда выйти не могу, я даже у себя дома боюсь одна оставаться, потому что городовые не только по улицам выслѣживаютъ меня, но даже подъ окнами стали ходить, а на дняхъ я видѣла, что одинъ вошелъ въ ворота дома... Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь они меня съ ума сведутъ. За что же? Клянусь вамъ, что дома у меня ничего нѣтъ, даже нелегальной литературы я никогда не имѣла... Послѣ процесса моего мужа вѣдь это все выяснилось... а они травятъ меня какъ зайца... я не знаю, куда мнѣ отъ нихъ спрятаться... Что же это?!. Несчастная всхлипнула и, закрывъ лицо перчаткой, заплакала.

— Полно, сударыня, не плачьте... — мягко заговорилъ Каринъ. — Увѣряю васъ, что вы ошиблись. Никто не смѣетъ васъ беспокоить. Вѣдь я же отдалъ приказъ, и всѣ знаютъ.

— А почему же я вчера, пересиливъ свой страхъ, подошла къ городовому и спрашиваю: ты зачѣмъ здѣсь стоишь? Прежде ты не здѣсь стоялъ? А онъ, знаете, что мнѣ отвѣтилъ? ! «Приказано, говорить, стоять, такъ я и стою». Я отлично поняла, что это все значить. Я боялась, что и до васъ не доберусь сегодня: какой-то типъ все шелъ за мною... Я въ переулокъ, онъ въ переулокъ, я на площадь, онъ на площадь, только и спаслась тѣмъ, что въ часовню у Гостиннаго Двора шмыгнула; потерялъ меня изъ вида и ушелъ.

Каринъ смотрѣлъ на нее грустными глазами, слушалъ и обдумывалъ что бы сказать ей, чтобъ успокоить ея разстроенное воображеніе и хоть на время отогнать этотъ страхъ, преслѣдующій ее, крадущійся по пятамъ, изнуряющій безпричинно и безъ того усталую и измученную душу.

— Защитите меня, ваше превосходительство... вѣдь

вы же знаете, что я ни въ чемъ не виновна, — отирая покраснѣвшіе глаза, жалобно просила больная.

— Извольте. Чтобы вы были совершенно спокойны, я сегодня же напишу градоначальнику, чтобы ни городовые, ни тайная полиція не смѣли бы васъ беспокоить. Можете быть вполне увѣрены, что впредь никто не осмѣлится не только слѣдить за вами, но даже близко къ вашему дому подойти.

— Благодарю васъ... вы такъ добры... если, не дай Богъ, что-нибудь опять случится, разрѣшите мнѣ опять къ вамъ обратиться... если бы не вы...

— Да, да, пожалуйста, но я увѣренъ, я знаю, что ничего не случится, такъ какъ градоначальникъ отдастъ приказъ, чтобы васъ не беспокоили.

Лицо больной прояснилось. Успокаивая и ободряя Каринъ довелъ ее до двери.

Слѣдующій посѣтителъ былъ товарищъ прокурора. Моложавый брюнетъ восточнаго типа, щеголеватый и фатоватый, съ тщательно-выбритыми щеками и подкрученными кверху усами, съ тонкимъ носомъ и отъ волненія раздувающимися ноздрями. Онъ былъ всегда занятъ мыслями о женщинахъ и заботой найти богатую и красивую невѣсту, достойную его неотразимой, какъ онъ себя считалъ, особы. У него было маленькое, разстроенное имѣніе въ средней полосѣ Россіи и маленькій, довольно пріятный тенорокъ, а потому онъ считалъ себя баричемъ, отмѣченнымъ печатью таланта, неотразимо дѣйствующаго на всѣхъ женщинъ. Онъ безпрестанно покашливалъ и брался за горло; когда ему предлагали курить, то отказывался, прибавляя, что не курить, боясь испортить горло. Карину онъ не нравился, онъ чувствовалъ въ немъ холоднаго, недобраго эгоиста, совершенно чуждаго дѣлу, которому онъ служилъ. Каринъ пригласилъ его съ цѣлью предупредить, что если еще разъ повторится случай, что

у него окажутся заваливавшимися дѣла, какъ это случилось на-дняхъ съ двумя арестантскими дѣлами, проваливавшимися у него два мѣсяца, то Каринъ не остановится даже передъ требованіемъ причисленія его къ министерству, такъ какъ считаетъ подобное отношеніе къ работѣ недопустимымъ. Каринъ говорилъ мягко, но настойчиво, и товарищъ прокурора, какъ и всѣ подчиненные, зная, что, добрый и мягкій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, Каринъ былъ требователенъ и строгъ къ исполненію служебнаго долга.

Не подымая глазъ, слегка поблѣднѣвъ, товарищъ прокурора выслушивалъ заслуженный выговоръ. Онъ покашливалъ чаще обыкновеннаго и кусалъ тонкія губы. Выраженіе его лица было непріятно, и Каринъ былъ доволенъ, когда, отвѣсивъ оффиціальныи поклонъ, онъ молча удалился.

Вошла со вкусомъ одѣтая дама. Черный густой вуаль закрывалъ ея лицо. Шурша шелкомъ темнаго платья, дама подошла вплотную къ поднявшемуся съ своего кресла Карину и, неожиданно откинувъ съ лица вуаль, опустилась передъ нимъ на колѣни, склонила голову и на минуту закрыла руками взволнованное красивое лицо.

— Что съ вами? Встаньте, сударыня... ради Бога встаньте, — торопливо проговорилъ Каринъ, наклоняясь къ ней.

— Нѣтъ... Нѣтъ... я на колѣняхъ умоляю васъ... сдѣлайте милость, не вызывайте меня свидѣтельницей... иначе я погибла... онъ убьетъ меня, если узнаетъ, что я... — дама расплакалась, прижала къ лицу раздушенный платокъ и не могла продолжать.

— Я прошу васъ, сударыня, встаньте. Сядьте вотъ здѣсь и обстоятельно разъясните, въ чемъ дѣло. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Дама, шурша шелкомъ юбки, поднялась съ колѣнъ, отерла заплаканное лицо и, подавляя смущеніе, раскрыла передъ Кариннымъ картину прошлой связи съ привлеченнымъ къ суду за крупную растрату присяжнымъ повѣреннымъ.

— Вашъ мужъ не подозрѣваетъ о существующихъ между вами отношеніяхъ? — спросилъ Каринъ.

— Конечно, нѣтъ. Онъ такъ добръ и такъ довѣрчивъ... онъ очень любитъ меня и если бы только заподозрилъ о нашей связи, я не знею, въ какое бѣшенство онъ бы пришелъ.

— Вы знали, что обвиняемый растрчиваетъ громадныя суммы?

— Да, я знала.

— Отчего вы знали?

— Онъ очень много тратитъ на меня...

— А что эти деньги ему не принадлежали, вы знали?

— Этого я не знала, клянусь вамъ... и повторяю, если только меня вызовутъ въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы, я отравлюсь, я пушу пулю въ лобъ, такъ какъ, вы понимаете, господинъ прокуроръ, что когда мужъ узнаетъ все, и лучше мнѣ самой съ собой покончить, чѣмъ пережить позоръ огласки и быть изувѣченной мужемъ. Онъ настолько же добръ, насколько ревнивъ и дико-вспыльчивъ...

Каринъ слушалъ даму съ возрастающимъ чувствомъ безразличности. Она была молода и красива; человекъ, съ которымъ она была въ связи, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, и у нея, мотавшей вмѣстѣ съ нимъ краденныя деньги, не вырвалось ни одного слова сочувствія или сожалѣнія къ нему; только страхъ, животный страхъ наблудившей самки привелъ ее къ Карину. Онъ позвонилъ къ секретарю и велѣлъ ему принести справку по этому дѣлу. Оказалось, что составитель обвинительнаго акта въ ка-

чествѣ свидѣтельница ея не вызывалъ, въ виду незначительности ея показанія для дѣла.

— Слава Богу! Какое счастье! — прошептала молодая женщина, облегченно вздыхая. — Я воскресла. Благодарю васъ, господинъ прокуроръ. — Она поднялась съ мѣста и съ улыбкой протянула Карину руку.

Съ выраженіемъ сухой официальнойности отвѣтилъ Каринъ на ея рукопожатіе. Провожавшіе ея глаза были строги.

Опять въ немъ поднялось и залило все существо чувство тоскливаго надлома, желаніе закрыть глаза, зажать уши, чтобы забыть все, что онъ долженъ дѣлать, и не видѣть жизни, идущей мимо него. . . Но опять открылась дверь. Вошелъ генералъ, моложавый, съ румянымъ здоровымъ цвѣтомъ лица, плотный, щегольски одѣтый, очевидно не желающій еще старѣть и отказываться отъ радостей жизни. Звения шпорами, онъ подошелъ къ Карину, назвалъ свою фамилію, извѣстную въ столичныхъ кругахъ, сѣлъ на предложенное ему кресло и приступилъ, горячась и негодуя, къ изложенію цѣли своего визита. Оказалось, что его сынъ, недавно окончившій одно изъ привиллежированныхъ заведеній, не довольствуясь суммой, выдаваемой ему отцомъ, занялъ три тысячи у ростовщика подъ вексель, который написалъ отъ имени отца. Генералъ пришелъ къ Карину спросить совѣта, какъ ему надо въ данномъ случаѣ поступить, чтобы наказать ростовщика и проучить сына.

— Единственный способъ — повести дѣло судебнымъ порядкомъ о ростовщичествѣ и о подлогѣ, но, генералъ, предупреждаю васъ, что сыну вашему грозитъ гибель.

— Что же мнѣ дѣлать? Чортъ знаетъ, до чего этотъ мальчишка дошелъ. Неужели кромѣ суда нѣтъ иныхъ мѣръ къ обузданію ростовщичества и. . . — генералъ запнулся.

— Подлога, — уныло подсказалъ Каринъ и, подперевъ голову рукой, усталымъ взглядомъ смотрѣлъ на негодующаго генерала.

— ... Все то же, то же и то же, — съ уныніемъ думалъ онъ въ то время, какъ генералъ въ нерѣшительности что-то обдумывалъ. — Подлоги, растраты, воровство, грабежъ, насиліе, убійства каждый день текутъ и текутъ, какъ мутный потокъ... Судъ разбираетъ и караетъ, а люди дѣлаютъ все то же и то же... такъ будетъ завтра и послѣзавтра и всегда...

И опять, какъ утромъ, Карину показалась вся его трудная служебная дѣятельность безцѣльнымъ топтаніемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Генералъ въ отвѣтъ на свои мысли пожалъ плечами, развелъ руками, хмуро попрощался съ Каринымъ и, похуря голову, вышелъ.

Просителей больше не было. Каринъ занимался дѣлами до двухъ часовъ. Секретарь не могъ подмѣтить разницы въ отношеніяхъ его къ дѣлу. Онъ былъ, какъ и всегда, методиченъ, педантично-требователенъ, аккуратенъ и внимателенъ, а между тѣмъ разладъ съ самимъ собой у него росъ и росъ.

Около двухъ часовъ Каринъ собралъ въ портфель непросмотрѣнныя бумаги, велѣлъ курьеру принести ихъ себѣ на домъ и уѣхалъ въ засѣданіе губернскаго по судебнымъ дѣламъ присутствія.

Во время засѣданія губернаторъ, очень добродушный, покладистый, еще не старый человекъ, покуривая папироску, разсказалъ новый, очень смѣшной и очень неприличный анекдотъ. Карина анекдотъ и не занялъ, и не разсмѣшилъ: онъ и вообще терпѣть не могъ неприличныхъ анекдотовъ, на этотъ же разъ въ особенности ему показалось грубымъ и глупымъ ихъ пересказываніе.

— Да вы вѣрно самой соли не поняли, — замѣтилъ губернаторъ Карину, не вызвавъ своимъ разсказомъ ожидаемаго взрыва хохота.

— Прекрасно понялъ. Я не любитель анекдотовъ, а сегодня и подавно, — отвѣтилъ Каринъ, прислушиваясь въ то же время къ тому, что доказывалъ предводитель непремѣнному члену.

— Что же: не выпались? Кутнули?

— Гдѣ мнѣ! — махнулъ рукой Каринъ.

Губернаторъ, видя, что Каринъ уткнулся въ бумаги, перегнулся толстымъ туловищемъ на сторону губернскаго предводителя и сталъ ему что-то вполголоса разсказывать. Предводитель, сухощавый, высокій старикъ, съ породистымъ профилемъ и длинными сѣдыми усами съ подусниками, заинтересованный разсказомъ, прекратилъ споръ съ непремѣннымъ членомъ и, обросивъ пенснѣ въ черной роговой оправѣ и откинувшись на спинку кресла, посмѣивался отрывистымъ густымъ смѣхомъ.

Каринъ выслушивалъ доклады и давалъ заключенія по нимъ съ полнымъ вниманіемъ, повинуюсь привычкѣ и долгу, и въ то же время ему казалось, что главная доля его существа странно отсутствуетъ, все болѣе и болѣе поглощенная ощущеніемъ тупой тоски. Давъ заключеніе отклонить вздорную жалобу по одному дѣлу, онъ услышалъ горестныя причитанія бабы, подававшей эту жалобу.

— Андель ты мой! — нараспѣвъ плакалась баба, обращаясь къ губернатору. — Да откелева же мнѣ взять эти деньги, коли я ихъ уже проѣла?! Шестеро ребятшекъ, да слѣпая свекровь, — нешто я могу управиться съ ними?.. Допрежъ присудили въ сѣздѣ шестьдесятъ рублей, я, по закону, какъ полагается, ихъ и получила. Анъ глядь они присудили еще сорокъ...

— Нѣтъ, не еще сорокъ, — перебилъ ее губернаторъ. — а вмѣсто шестидесяти всего-на-всего сорокъ. Значить,

вамъ слѣдовало двадцать рублей отдать, а вы вмѣсто этого получили по недосмотру еще сорокъ. Поняли?

— Поняла-то я поняла, да нешто тутъ есть моя вина, коли исполнительный листъ выдали, ну я и получила.

— Вотъ то-то и есть, — продолжалъ губернаторъ, — вамъ бы слѣдовало заявить, что деньги вы уже получили.

— Ангелъ мой, кто же врагъ себѣ? Казна-то богата, а мы — голь нищая. Гдѣ мнѣ взять теперь деньги, коли проѣдены? !.

Послѣ заключенія Каринъ вышелъ изъ зала и, догнавъ бабу, тронулъ ее за плечо. Она обернула къ нему заплаканное лицо съ распухшими отъ слезъ глазами.

— Возьмите и внесите по требованію суда, — быстро проговорилъ Каринъ, сунувъ ей въ руку десятирублевые кредитные билеты.

— Ахъ ты мой благодѣтель... родимецъ ты мой... вызволилъ меня изъ бѣды!.. — залепетала баба, крестясь и низко кланяясь вслѣдъ уходившему Карину.

Выйдя изъ губернскаго присутствія, Каринъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ. Былъ душливый-жаркій день; вѣтеръ наметалъ пыль на тротуары, пѣшеходы, съ раскраснѣвшими, вспотѣвшими лицами, спѣшили кто со службы, кто по своимъ дѣламъ. Съ наступленіемъ лѣта, публики на улицахъ стало меньше, не видно было нарядныхъ дамъ и щегольскихъ выѣздовъ. Ничего этого Каринъ не замѣчалъ и ни на что не смотрѣлъ: все ему казалось надоевшимъ, лишеннымъ интереса и смысла. Пройдя нѣскольکو кварталовъ, онъ почувствовалъ усталось и апатію и сѣлъ на извозчика. Въ ту минуту, какъ онъ заносилъ ногу на подножку пролетки, чьей-то посторонней волей въ мозгу вспыхнула и твердо установилась неожиданная мысль:

— Уѣду... возьму отпускъ и какъ можно скорѣе уѣду туда...

И какъ только эта мысль рѣшительно и безъ колебаній стала въ мозгу, сразу Каринъ почувствовалъ облегченіе отъ давящей тоски и отъ того надлома, который съ утра гнетуще дѣйствовалъ на все его существо.

— Сегодня же напишу ей, что беру отпускъ и ѣду черезъ Швейцарію... тамъ можемъ встрѣтиться, побыть вдвоемъ... вотъ и тоска прошла... поскорѣе съѣзжу къ портному, а впрочемъ не стоитъ: еще задержать; куплю готовое въ Вѣнѣ... а ремонтъ квартиры значить безъ меня... Какъ это хорошо... Герасимъ за всѣмъ присмотритъ... Ефима можно въ деревню отпустить, то-то обрадуется... — Карину все казалось просвѣтлѣвшимъ; мысли вились легкой и пріятной чередой на тему близкаго, неожиданнаго отъѣзда, и онъ чувствовалъ себя уже не въ средѣ душнаго и пыльнаго города съ запахомъ известки и масляной краски, не въ сферѣ судебныхъ дѣлъ, докладовъ, телефоновъ и приемовъ, а въ сферѣ мелькающихъ станцій пышной Вѣны, наряднаго отеля на Ringstrasse, среди живописныхъ пейзажей на пути отъ Вѣны, голубовато-зеленыхъ рѣчекъ, пѣнящихся между скалистыхъ горъ, готическихъ церквушекъ и развалинъ, мелькающихъ какъ въ панорамахъ; голубое lac du Léman съ бѣлыми чайками, снѣжныя вершины, воздушныя, сказочно-прекрасныя очертанія горъ, ароматный горный воздухъ, хрустально-прозрачная атмосфера, Лозанна, тихій отель. потомъ пріѣздъ Ольги... Каринъ очнулся отъ мечтаній и почувствовалъ себя, наконецъ, счастливымъ отъ сознанія, что мечты скоро выльются въ дѣйствительность.

Отобѣдавъ, по обыкновенію, на скорую руку, Каринъ написалъ прошеніе объ отпускѣ, занялся корреспонденціей и дѣлами, которыя ему предстояло сдать на время отсутствія. Все это онъ дѣлалъ теперь легко и радостно, и мысль о безцѣльности всего, что онъ дѣлалъ, не тревожила больше мозгъ.

Въ девять часовъ пріѣхалъ товарищъ прокурора, котораго Каринъ поджидалъ, чтобы узнать подробности убійства съ цѣлью грабежа. Во время губернскаго присутствія, Карина по телефону вызвали по этому дѣлу, и онъ просилъ дежурнаго товарища прокурора немедленно поѣхать на мѣсто происшествія.

— Мое почтеніе. Ну, что скажете? Садитесь, — встрѣтилъ Каринъ вошедшаго къ нему въ кабинетъ полнаго блондина съ большой головой, неповоротливо посаженной на короткой, жирѣющей шеѣ. Голубые глаза на выкатѣ, мало выразительные, какъ то странно и неумѣстно скашивалось въ сторону какого нибудь малозначущаго или просто ничего не значущаго предмета, въ то время какъ онъ о чемъ нибудь рассказывалъ. Казалось, будто Яковъ Петровичъ Коловцевъ все свое вниманіе сосредоточивалъ на обложкѣ сбоку лежащей книги или на абзацѣ, на рисункѣ обоевъ, и говорилъ лишь только для того, чтобы скрыть это свое сосредоточенное вниманіе скошеннаго взгляда. Онъ былъ неуклюжъ и простоватъ, очень себѣ на умѣ, не безъ лукавства, ревностно добивался чиновъ и орденовъ, но былъ въ общемъ довольно обязательный человѣкъ. Карина онъ очень высоко цѣнилъ и уважалъ, чувствуя въ немъ большую моральную силу и признавая въ немъ умъ и многостороннее образованіе.

— Мнѣ уже сообщили кой-какія подробности, — продолжалъ Каринъ, указывая Коловцеву на кресло подлѣ стола. Неужели нельзя было ихъ переловить безъ поджога дома?

— Невозможно. Полиція оцѣпила домишко, ихъ было восемь человѣкъ и всѣ съ браунингами. Одинъ городской убитъ, околodочный раненъ. Градоначальникъ велѣлъ поджечь домъ, предварительно удостовѣрясь, что кромѣ нихъ никого тамъ не было. Картина — отвратительная:

двое застрѣлились, трое спорѣли, двое еле живы, и только одинъ выскочить изъ окна въ руки полиціи, — рассказывалъ Коловцевъ, неуклюже сидя въ креслѣ и скашивая глаза на стѣнную электрическую лампу.

— Артельщикъ убить?

— Наповаль, а мальчикъ, спасшій деньги, тяжело раненъ. Славный, толковый мальчикъ. Этакіе подлецы и дураки: ни копѣйки не получили, убили даромъ артельщика, и только одинъ изъ шайки уцѣлѣлъ. Оказывается, что у одного изъ нихъ братъ на заводѣ служить, и онъ черезъ него узналъ, что съ артельщикомъ будто послано сорокъ тысячъ.

Каринъ, разузнавъ всѣ подробности происшествія и сдѣлавъ у себя на блокъ-нотѣ отмѣтки, позвонилъ Герасима и велѣлъ ему подать въ кабинетъ чай. Онъ не особенно любилъ общество Коловцева, считая его мало развитымъ и мало серьезнымъ человѣкомъ, но послѣ рѣшенія уѣхать къ Ольгѣ, онъ чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что Коловцевъ его не тяготилъ и не внушалъ ему обычнаго желанія поскорѣе покончить съ нимъ дѣло, чтобы распрощаться.

Узнавъ, что вскорѣ Каринъ собирается за границу, Коловцевъ удивился:

— А какъ же ваше выступленіе въ судѣ по дѣлу убійства Семеновой? Я знаю, что вашей рѣчью очень интересуются, Владиміръ Сергѣевичъ.

— Во первыхъ, одно не мѣшало бы другому, такъ какъ ранѣе будущей недѣли я не могу уѣхать, а во вторыхъ я, по всей вѣроятности, откажусь отъ обвиненія. На предварительномъ слѣдствіи для многихъ улики казались неопровержимыми, между тѣмъ какъ судебное слѣдствіе, по моему убѣжденію, разрушаетъ ихъ, — заговорилъ Каринъ, отодвигая отъ себя кипу бумагъ.

Въ звукѣ его голоса слышалось легкое волненіе. Коловцевъ затронулъ вопросъ, надъ которымъ Каринъ все глубже и глубже задумывался все это послѣднее время. Гуманный и честный въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ вообще, а къ подсудимымъ въ особенности, Каринъ выступалъ въ роли обвинителя не иначе, какъ имѣя ясныя неопровержимыя доказательства виновности подсудимаго: зная силу и обаяніе своего слова, онъ пользовался имъ осторожно, забывая личный успѣхъ, имѣя въ мысляхъ тяжесть отвѣтственности за чужую жизнь.

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ, да вѣдь онъ же самъ сознался въ сыскномъ! — воскликнулъ Коловцевъ, неловко поворачиваясь въ креслѣ, отчего на одной ногѣ брюки задернулись выше ботинка: показался рыжеватый въ складкахъ носокъ и свѣсились какія-то бѣлыя тесемки.

— Ну, какое это доказательство — сознаніе въ сыскномъ? ! Кто знаетъ, какъ они тамъ допрашиваютъ! Показанія новой свидѣтельницы имѣютъ для меня значеніе огромной важности, такъ какъ подтверждаютъ показанія обвиняемаго.

— А всѣ косвенные улики?

— Конечно, косвенныя улики могутъ быть убѣдительнѣе прямыхъ, но если нѣсколько свидѣтелей говорятъ о незначительныхъ черточкахъ, а вмѣстѣ эти черточки превращаются въ мозаичный узоръ, — то это доказательнѣе показанія свидѣтеля-очевидца, который могъ и ошибиться и, наконецъ, солгать. Нельзя за арбузъ выдавать нѣсколько арбузныхъ корокъ и семянъ.

Каринъ всталъ съ кресла и, очевидно, сдерживая охватившее его волненіе, началъ ходить по кабинету. Замѣтивъ неуклюже выдвинутую ногу Коловцева, съ задрожавшей штатиной и висящими тесемками, онъ сдержалъ улыбку, давно не появлявшуюся на его губахъ.

— Посмотримъ, что дастъ очная ставка свидѣтелей: я на ней буду настаивать, — продолжалъ онъ, останавливаясь у окна и задумчиво глядя на пустѣвшую улицу. — Теперь способъ Уленгута упрощенъ Туфановымъ, но вѣдь и тутъ могутъ быть ошибки... — произнесъ Каринъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, продолжая мысленно углубляться въ разборъ волнующихъ его подробностей.

— Вы не допускаете, Владиміръ Сергѣевичъ, мысли о подкупѣ въ показаніяхъ новой свидѣтельницы? — спросилъ Коловцевъ, громко отхлебывая чай, поданный Герасимомъ.

Каринъ съ удивленіемъ повернулся всѣмъ корпусомъ въ сторону Коловцева. Вопросъ былъ наивенъ въ устахъ человѣка, знающаго всѣ подробности дѣла.

— Со стороны кого? — улыбнулся Каринъ.

— Когонибудь изъ заинтересованныхъ въ участи подсудимаго.

— Но кто же могъ знать, что, показывая обратное тому, что всѣ свидѣтели показываютъ, она невольно подтверждаетъ истинное показаніе подсудимаго, т. е. вносить именно ту черточку, которая рушитъ улики.

— Да... пожалуй, это такъ... согласился Коловцевъ, косясь на ручку дверного замка, какъ будто нашелъ въ ней какой-то притягивающій вниманіе интересъ, самъ же въ это время думалъ о томъ, что если черезъ полъ часа ему не удастся уѣхать отъ Карина, то онъ пропуститъ интересную партію въ бриджъ.

Каринъ его не задержалъ. Послѣ ухода Коловцева онъ сперва занимался принесенной изъ суда почтой и дѣлами, а затѣмъ, когда было уже очень поздно, написалъ Ольгѣ о своемъ рѣшеніи ѣхать за границу и видѣться съ ней. Послѣ многихъ тоскливо-безсонныхъ ночей, эту ночь онъ заснулъ счастливымъ и спокойнымъ сномъ.

XI.

— Вотъ Chillon! Какая прелесть... Какое адѣсь озеро зеленое... какая прозрачная вода... — думала Ольга, ловя изъ окна быстро мчавшагося поѣзда мелькавшую передъ ней панораму. — Вотъ Territer... фюникюлеръ на Hotel Gô... Glion... А вотъ и Montreux...

— Clarent! — картаво прокричалъ кондукторъ, и Ольга, высунувшись въ окно, въ одно мгновеніе различила крупную фигуру Карина, стоявшаго немного поотдалъ отъ прочей публики и зорко глядѣвшаго въ окна вагоновъ. Онъ тоже сразу ее увидѣлъ и поспѣшно бросился къ ней:

— Скорѣе, скорѣе выходите изъ вагона... вещи... багажная квитанція...

— Но вѣдь я ѣду въ Лозанну... вы писали, что тамъ... Дима, милый мой... — возбужденно заговорила Ольга и бросилась собирать вещи.

— Дорогая, потомъ объясню... Скорѣе выходи... Давай вещи черезъ окно... Все? Посмотри, не забыла ли чего... — Каринъ смотрѣлъ на Ольгу радостными, счастливыми глазами и невольно говорилъ ей «ты» вмѣсто «вы» какъ это всегда было, если они не были наединѣ.

— А какъ же багажъ?

— Ничего, мы его получимъ завтра утромъ, если сейчасъ не успѣю... подожди здѣсь минутку.

Онъ поспѣшно направился къ начальнику станціи. Ольга видѣла, какъ тотъ учтиво дотронулся рукой до козырька, и быстрымъ шагомъ они удалились къ багажному вагону. Черезъ минуты три раздался свистокъ, захлопали дверцы вагоновъ, и поѣздъ отошелъ.

— Все есть. Chef de la gare очень любезный господинъ, и багажъ выгрузили. Ну, вотъ я и дождался!.. Оля, наконецъ-то! — тихо пожимая ея руку, говорилъ Каринъ взволнованнымъ голосомъ.

— И мнѣ не вѣрится, Дима... Какъ было душно въ вагонѣ, какая пыль, масса публики... Ты не очень вглядывайся въ меня, я не интересна... устала немного... — улыбаясь говорила Ольга, смахивая съ лица пыль. — Однако, куда же мы? И отчего Clarent, а не Lausanne?

— Я бѣжалъ изъ Лозанны вчера, потому и не успѣлъ тебя увѣдомить. Имѣлъ несчастье встрѣтить тамъ знакомыхъ: они впились въ меня такъ, что мнѣ ничего не оставалось, какъ солгать, что я ѣду дальше. Здѣсь есть прелестный отель, комфортабельный, ни души русскихъ, тѣнистый чудный садъ съ видомъ на озеро; я увѣренъ, что тебѣ понравится.

— Мнѣ вездѣ понравится, гдѣ мы будемъ вмѣстѣ, — беря Карина подъ руку, отвѣтила Ольга и осторожнымъ, чуть уловимымъ, движеніемъ прижала къ себѣ его руку.

Пріѣхали въ отель, построенный на горѣ, старый, но хорошо содержимый, съ уютными комнатами въ большой садъ, откуда внизъ открывался видъ на Женевское озеро. Хотя было еще не поздно, но въ отелѣ царили патриархальные нравы: все было тихо, и на опустѣвшей верандѣ, съ разноцвѣтнымъ витражемъ, яркій свѣтъ электричества освѣщаль цвѣтную садовую мебель, съ уютными столиками, крытыми толстымъ стекломъ. Какой-то господинъ одиноко сидѣлъ у столика и, склонивъ темную курчавую голову, что-то писалъ.

Проходя черезъ вестибюль, Ольга успѣла различить на черной доскѣ четко выведенныя мѣломъ англійскія фамиліи.

— Преимущественно здѣсь останавливаются англичане, — вполголоса рассказывалъ Ольгѣ Каринъ, идя по длинному, устланному алымъ ковромъ коридору, мимо безконечнаго ряда дверей, съ аккуратно выставленными ботинками всякихъ размѣровъ и сортовъ.

— Ахъ, какая милая комната! Какая уютная! — воскликнула Ольга, входя въ выбранную для нея Каринымъ большую комнату съ двумя окнами, выходящими на широкую аллею. — Какъ здѣсь хорошо, милый Дима...

— Хорошо, потому что ты здѣсь, — серьезно отвѣтилъ Каринъ. — Ты вѣрно голодна. Я распоряджусь, чтобы намъ приготовили что-нибудь; ожидая тебя, я не могъ ѣсть, и если ты согласна поужинать, то и я не откажусь.

Каринъ вышелъ. Ольга, сбросивъ пальто, подошла къ зеркалу. Нѣсколько минутъ она внимательно смотрѣла на свое отраженіе въ ловко-стянутомъ рыжеватомъ дорожномъ костюмѣ, съ маленькой шляпой, покрытой такого же цвѣта газовымъ шарфомъ, легко спадавшимъ на лобъ и вдоль спины. Въ эту минуту ей припомнилось, какъ много лѣтъ тому назадъ во время свадебнаго путешествія, пріѣхавъ вечеромъ въ Montreux, она, войдя въ комнату отеля, подошла къ зеркалу, и оно отразило ей прелестное юное лицо, сіяющее счастьемъ, радостью и любовью. Какъ это было давно! Какъ все измѣнилось и какъ измѣнилась она сама! Теперь на нее глядитъ изъ зеркала слегка усталое отъ дороги, но еще больше утомленное годами лицо. Не такъ ярко блестятъ глаза, въ нихъ нѣтъ той жизненной влаги, того сіянія, что придавало чертамъ притягивающую прелесть. Не тотъ овалъ лица, въ углахъ еще свѣжаго рта не играетъ задорная улыбка, румянецъ на смуглыхъ щекахъ не переливается живыми красками и сказывается отпечатокъ печалей и разочарованій, и знанія, которое дается жизненнымъ опытомъ. Прошла весна, проходить и лѣто съ послѣдними пышными цвѣтами, которые она срываетъ такой боязливой, нерѣшительной рукой... А годы бѣгутъ, завянуть и эти цвѣты...

— Можно? — раздался за дверью голосъ Карина.

Ольга очнулась, провела рукой по глазамъ и отошла отъ зеркальнаго шкапа.

— Я думалъ, ты освѣжаешься, а ты и шляпки не сняла.

— Я замечталась... — грустно улыбунулась Ольга и устало опустилась на мягкій диванчикъ.

— О чемъ? — Каринъ сѣлъ напротивъ и, взявъ обѣ ея руки, поочередно прижималъ ихъ къ губамъ.

— О томъ, что такъ много годовъ пролетѣло съ тѣхъ поръ, какъ я была здѣсь во время свадебнаго путешествія. Я была тогда такъ молода, Дима, совсѣмъ другая... А теперь зеркало отразило мнѣ усталое, поблѣднѣвшее лицо... Скоро и я начну старѣть, Дима...

— Полно, Олюшка! Что съ тобой? Ты такая красивая, такая полная еще силъ и жизни. Что за мысли? Именно такой я люблю, боготворю тебя... Будь ты сейчасъ моложе лѣтъ на десять, ты была бы мнѣ менѣе близка, потому что не могла бы соответствовать моимъ духовнымъ запросамъ, — да и сама не любила бы меня съ этими сѣдѣющими висками и усталымъ взглядомъ. Не жалѣй о молодости, Олечка: взаимнѣй безпечной жизнерадостности, зрѣлымъ годамъ дается ширь горизонта и познаніе скрытыхъ сторонъ жизни, которыя по глубинѣ духовнаго удовлетворенія, конечно, выше радостей молодости. Молодость — это жизнь тѣла, зрѣлые годы — жизнь духа. У тебя еще есть и то, и другое. Живи, Олечка, сознательно наслаждайся этими благами и не задумывайся надъ старостью, которая еще далеко отъ тебя.

— Такъ ли это, Дима?

— Посмотрись хорошенько въ зеркало, но не сейчасъ, а завтра, когда отдохнешь съ дороги и надѣнешь бѣлый туалетъ, въ которомъ я такъ люблю тебя. Пойдемъ, моя дорогая, внизъ: насъ ждетъ ужинъ.

Холодный ужинъ былъ приготовленъ подлѣ распахнутаго въ садъ окна. Разноцвѣтная плетеная мебель съ яркими, разбросанными на сидѣньяхъ подушками, при-

давала веселый видъ большой, ярко освѣщенной верандѣ. Лакей принесъ заказанное вино и, поклонившись, удалился.

— Боже, какъ всего этого давно не было! — прошептала Каринѣ, раскладывая на колѣняхъ свѣжую, накрахмаленную салфетку. — Точно сонъ, что мы такъ далеко отъ нашей обыденной жизни, у голубого озера, одни въ тишинѣ поздняго вечера.

— Да, Дима, очень хорошо...

Пужинавъ, они сошли въ садъ. Старыя деревья тихо шелестѣли листьями, образуя сводъ, сквозь густую чащу котораго едва замѣтны были ярко мерцавшія звѣзды. Большой садъ, оканчивался площадкой, съ которой неожиданно открывалась панорама на озеро, горы и на устьянный яркими мигающими огоньками, убѣгающій вдаль полукругомъ, берегъ.

— Какая красота! — прошептала Ольга, опускаясь на скамью.

Каринѣ сѣлъ рядомъ и, обнявъ ея плечи, слегка прижалъ къ себѣ. Надъ ними раскинулось темно-синее, устьянное крупными звѣздами, небо. Внизу голубѣло озеро, отражавшее у береговъ огоньки Yevy, Clarent и Montreux. Dent du Midi темнѣлъ по ту сторону озера, и отгадывалась его сіяющая днемъ снѣговая вершина. По лѣвую сторону на высотѣ темныхъ горныхъ силуэтовъ мигали, какъ звѣзды, огни Glion и Hotel Cб. Горная прохлада и прозрачныя тѣни окутывали мало по малу селенія по склонамъ горъ и спускалось къ озеру. Понемногу все кругомъ затихало, и теплая ночь повѣяла на землю и потемнѣвшее озеро благовоннымъ, соннымъ дыханіемъ...

Незамѣтно промелькнули двѣ недѣли тихой жизни Карина и Ольги въ отдаленномъ отъ суетолюкі, строго патріальхальномъ отелѣ Clarent. Карину казалось, что никогда еще онѣ не были такъ счастливы, какъ въ эти не-

многіе дни, проведенные у береговъ зеленовато-лазурнаго озера, съ лѣниво-скользящимъ бѣлымъ парусомъ и стали крикливыхъ чаекъ, которыхъ они по утрамъ ходили кормить къ пристани. Никто не зналъ, что они въ Clarent, никто не интересовался ими и не любопытствовалъ. Танита и miss Jesob направляли свои письма въ Лозанну, куда Ольга уѣхала подъ предлогомъ лѣченія. На этотъ разъ у нея не достало силъ отказать Карину въ его просьбѣ пріѣхать на Lago Maggiore, чтобы пробыть вмѣстѣ весь остатокъ отпуска, тѣмъ болѣе, что, за все время пребыванія за границей, Танита не подавала никакихъ поводовъ къ беспокойству. Если она не была особенно оживлена, то все же Ольга не замѣчала въ ней приступовъ тоски; о Каринѣ она вспоминала часто, но безъ волненія, безъ просьбъ пригласить его. Ольга начинала винить себя въ излишней подозрительности, не предполагая, что на самомъ днѣ туалетной шкатулочки дочери, быть бережливо запрятанъ портретъ Карина, который Танита втихомолку вынимала; поднеся его къ своимъ глазамъ она съ мечтательной улыбкой смотрѣла на него и вѣрила, что, если онъ такъ сказалъ, значитъ, онъ пріѣдетъ, она увидитъ его и будетъ счастлива своимъ тайнымъ счастьемъ.

Каринъ съ Ольгой проѣхали по желѣзной дорогѣ отъ Clarent до Брита, гдѣ переночевали и рано утромъ въ экипажѣ отправились въ путь, чтобы къ вечеру, переправившись черезъ Альпы, быть въ Домо-Доссоло. Шоссе, огибая скалы, вилось яркой бѣлой лентой въ необозримомъ пространствѣ горныхъ хребтовъ. Черезъ часъ они увидали Бритъ, какъ игрушечный городокъ, брошенный гдѣ-то далеко внизу. Съ каждымъ поворотомъ дороги, открывалась все новая и новая панорама. Грандіозная картина снѣговыхъ вершинъ, вѣчныхъ льдовъ, глетчеровъ, съ высотъ стремящихся потоковъ, вся торжественная сила,

мощь и благоговѣйная святость покоя сіяющихъ громадъ и голубого неба — охватили душу Ольги и Карина молчаливымъ созерцательнымъ восторгомъ. Хотѣлось остановить экипажъ, стать на колѣни, упасть ницъ, охватить руками землю и молиться и плакать благодарными тихими слезами. . . То голубѣли, то розовѣли снѣжныя вершины, то сиреневыми тонами отливались ледяные склоны, то высились по краю дороги могучіе тѣса, шумя исполинскими верхушками; взгляды терялся въ велепѣющихъ безднахъ; откуда доносился рокоть и гулъ бѣшенно гонимаго съ высоты, бурнаго потока. . . И надъ всѣмъ этимъ сильнее чистое небо, ласкающій вѣтерокъ съ ароматами зеленыхъ долинъ и тѣсовъ, и прохлады снѣжныхъ высотъ.

На склонѣ одной горы Каринъ увидѣлъ эдельвейсъ — этотъ бѣлый, какъ будто не живой цвѣтокъ; онъ велѣлъ остановить экипажъ и досталъ его для Ольги.

Къ вечеру мало по малу со скалистыхъ вершинъ стали медленно ползти и спускаться неулловимо тонкія тѣни. Экипажъ, оставивъ за собой гигантскіе горные исполины, ѣхалъ долинами, огибая берегъ зеленоватой, сердито пѣнящейся горной рѣки. Какъ только солнце спряталось за горы, тѣни сразу сгустились и легли дымкой по рѣкѣ, по склонамъ горъ, по вьющейся лентѣ шоссеинаго пути. Утомленная сильными впечатлѣніями, Ольга молчала, прижавшись къ плечу Карина и положивъ руку на его руку. Сумерки быстро надвинулись. Вдали замигали огоньки. Они въѣхали въ маленькій, хорошенькій, какъ игрушка, итальянскій городокъ, гдѣ пиаццетта, открытыя лавки съ дешевыми янтарными и коралловыми ожерельями, яркіе, какъ кровь, гранаты, арбузы, розовые абрикосы и желтокожіе нѣжные персики, розы и гвоздики, на распахнутыхъ дверяхъ маленькихъ кафе желтыя и красныя полосатыя ткани, на которыя весело ударялъ изнутри свѣтъ висячей лампы, маленькій, лѣнливо шагающій осликъ, за-

пряженый въ телѣжку съ поклажей, звуки шарманки и легкой плескъ фонтана посреди площади, розовые олеандры подѣл маленькаго отеля и глубокое синее небо, съ ярко рѣющимися звѣздами, низко опрокинутое надъ полнымъ жизни, говоромъ и шумомъ городкомъ — сразу обдали Ольгу и Карина чѣмъ то теплымъ и наивно радостнымъ. Въ маленькомъ отелѣ хозяинъ поспѣшилъ показать имъ двѣ лучшія комнаты съ пузатымъ комодомъ, яркой занавѣской и мягкими, проваливающимися, какъ битыя сливки, подушками, съ окнами и балкончиками на площади, гдѣ шарманка продолжала повторять одну и ту же неаполитанскую пѣсню, глотая одну ноту, будто заикаясь.

Ольга вышла на балкончикъ, втянула въ себя пахнущій олеандами, кіанти и фруктами воздухъ, подняла глаза къ звѣздному небу и почувствовала себя безконечно счастливой въ этой радостной, полной блеска и колорита странѣ.

Они ужинали возлѣ отеля на маленькомъ, чисто сервированномъ столикѣ, отдѣленномъ отъ площади кадками олеандровъ. Черномазый, съ блестящими глазами, лакей, подаль имъ нѣсколько кусочковъ «*polo freddo con salada*» (холодная курица съ салатомъ), кіанти въ плетеной бутылкѣ, цѣлое блюдо разныхъ сортовъ сыру, масло, круглыя булочки и полную вазу великолѣпныхъ фруктовъ.

На слѣдующее утро, выпивъ кофе изъ толстыхъ тяжелыхъ чашекъ и распростившись съ радушнымъ и веселымъ хозяиномъ, они опять сѣли въ экипажъ. Въ Pallanz'ѣ ослѣпительно блестяло солнце и небо; голубое, точно краской окрашенное озеро, залитая зноемъ маленькая площадь съ памятникомъ Гарибальди, бѣлыя зданія, портики и ярко окрашенные, лѣниво покачивающіяся у берега лодки, съ бархатными алыми сидѣніями.

Каринъ нанялъ себѣ комнату въ отелѣ у самаго озера, а Ольга съ первымъ же пароходомъ переправилась на

ту сторону lago maggiore, гдѣ ее нетерпѣливо поджидала Танига.

XII.

Ольга сидѣла у мраморной баллюстрады большого отельнаго сада, отдѣленнаго отъ синяго lago maggiore бѣлой, слѣпящей на солнцѣ полосой шоссеиной дороги. Каждый атомъ былъ напоенъ тепломъ и свѣтомъ; въ воздухѣ колебались и дрожали волны горячихъ лучей, дрожала опьяняющая жизнь экзотической природы. Озеро чуть чуть рябилося голубой поверхностью «Isola pescatore» и «Isola bella» зеленѣли живописными букетами, брошенными Божественной рукой на поверхность воды. Озеро раскинулось въ рамкѣ горъ удаляющихся въ перломутро-прозрачную даль легкими волнистыми террасами. По зеленымъ склонамъ пестрѣли итальянскія деревушки и городки яркими переливающимися красками. Черезъ озеро виднѣлась залитая солнцемъ Pallanza и правѣе густо-зеленый, роскошно-изумрудный островокъ «Isola madre». На верхушкахъ горъ какъ будто застыли въ полуденномъ зноѣ легкія розовато-перламутровыя облачка. Хотѣлось всей грудью прижаться къ природѣ, слиться съ ней, потонуть въ ней и вѣчно жить...

Утромъ Ольгѣ подали телеграмму отъ Карина, въ которой онъ извѣщалъ ее, что пріѣзжаетъ въ этотъ день съ поѣздомъ изъ Милана. Она чувствовала себя взволнованной ожиданіемъ его пріѣзда и, боясь выдать себя, ничего не сказала Танитѣ. Оставалось до прихода поѣзда не болѣе часу. Она думала читать; книга покоилась на колѣняхъ, и взглядъ, зажегшійся молодыми огоньками, мечтательно блуждалъ по неуловимо-тонкимъ красочнымъ переливамъ озера. Наконецъ, взглянувъ на крошечныя на браслетѣ часики — подарокъ Карина — и увидѣвъ,

что до поѣзда оставалось полъ часа. Ольга прошла къ себѣ въ комнату, надѣла шляпку, перекинула на руку бѣлый крепъ-де-шиновый шарфъ и, постоявъ минуту передъ балкономъ, поспѣшно спустилась внизъ, прошла прохладный и обширный hall и вышла на пустую террасу.

Увидавъ лакея, она приказала ему приготовить имъ завтракъ отдѣльно на террасѣ, прибавивъ лишній приборъ, такъ какъ съ ближайшимъ поѣздомъ долженъ пріѣхать ея знакомый.

— Посмотрите, Giovanni, подаютъ ли мнѣ автомобиль — я заказала къ поѣзду; да распорядитесь, чтобы приготовили сейчасъ комнату въ бельэтажѣ, съ видомъ на море — signor пробудетъ здѣсь нѣкоторое время.

— Si, signora. Tutto sarà pronto ! (слушаю. Все будетъ приготовлено).

— Если signorina будетъ спрашивать, гдѣ я, вы скажите, что я вышла по дѣлу и что будемъ завтракать въ два часа.

Послышался сигналъ поданнаго автомобиля, и Ольга поспѣшила къ главному подъѣзду.

Терраса, на которой лакей, спустивъ маркизу, принялся готовить столъ, заказанный отдѣльно отъ общаго lunch'a, спускалась нѣсколькими уступами на большую выровненную, посыпанную гравіемъ площадку, непосредственно отдѣленную отъ озера мраморной балюстрадой, съ кадками громадныхъ пальмовыхъ деревьевъ.

По обѣ стороны площадки тянулся большой отельный паркъ. Кромѣ террасы, спускавшейся уступами, сбоку выходила на эту же площадку широкая мраморная лѣстница изъ залы и пріемныхъ комнатъ большого, устроеннаго на американскій ладъ, отеля.

Изъ боковой дорожки сада показался молодой человекъ — англичанинъ баронетъ Джонъ Грей въ бѣломъ

костюмъ, съ панамой въ рукѣ. Его лицо, съ тонкимъ профилемъ и слегка выдвинутымъ впередъ подбородкомъ, было почти коричневое отъ загара. Онъ прошелъ къ балюстрадѣ, надѣлъ панаму, закурилъ сигару, сѣлъ въ полуоборотъ къ озеру и, положивъ локоть на мраморъ ограды, сталъ неподвижно глядѣть въ даль. Повернувъ голову, онъ неожиданно увидѣлъ Таниту, осторожно спускавшуюся по залитымъ солнцемъ ступенямъ мраморной лѣстницы. Она держалась за перила, и въ ея движеніяхъ отгадывалась неувѣренность. Джонъ Грей сорвался съ мѣста и въ два-три прыжка очутился возлѣ нея. Онъ подаль ей руку, бережно свелъ по ступенямъ и усадилъ въ тѣнь на скамейку подъ магноліями.

— Я всегда испытываю непреодолимое чувство тревоги, miss Танита, когда вижу васъ, спускающуюся одну по лѣстницѣ. Отчего вы не просите miss Jesob помочь вамъ? Она не любитъ, когда вы однѣ пускаетесь въ путь.

— Во первыхъ, miss Jesob уѣхала до вечера въ Bellagio повидать свою знакомую, а, во-вторыхъ, я еще настолько вижу, что могу пробираться и одна по знакомымъ мѣстамъ, — отвѣтила Танита, садясь на скамейку и откидывая съ лица газовый шарфъ.

Джонъ Грей отошелъ въ сторону, чтобы докурить сигару, но бросилъ ее въ озеро недокуренной и вновь подошелъ къ Танитѣ.

— Вы мнѣ разрѣшите сѣсть подлѣ васъ, miss Танита?

— Конечно, mister Грей, — съ улыбкой отвѣтила она, поднявъ къ нему слегка загорѣвшее лицо. Изъ подъ откинутого со лба шарфа падали вьющіися пряди золотистыхъ волосъ, искрами переливавшихся подъ солнцемъ.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня, miss Танита? — спросилъ Джонъ Грей, глядя на ея тонкій профиль, съ длинными, какъ стрѣлы, загнутыми кверху рѣсницами.

Танита сидѣла приподнявъ лицо, какъ бы подставляя его свѣту солнца.

— Очень хорошо, благодарю васъ.

— Не смотрите такъ, miss Танита: для вашего зрѣнія вреденъ этотъ слишкомъ яркій блескъ.

— О, мистеръ Грей, я такъ счастлива, что вижу этотъ блескъ... *Giovanpi, Giovanpi*, — позвала она лакея, готовившаго столъ для завтрака. — Вы не знаете, гдѣ синьора? Скоро позвонять къ завтраку, а ея нѣтъ.

— Синьора велѣла передать вамъ, синьорина, что она скоро вернется и что завтракъ будетъ немного позже поданъ отдѣльно, — отвѣчалъ лакей, спустившись на площадку.

Въ это время раздался призывный гонгъ къ завтраку. Мистеръ Грей поднялся и, поклонившись Танитѣ, удалился внутрь отеля къ табль д'оту. Подымаясь по ступенямъ террасы, онъ слышалъ чьи-то шаги по скрипучему гравію илюшадки и возгласъ Таниты, но не позволилъ себѣ обернуться назадъ, и его высокая, хорошо сложенная фигура скрылась за *стеклянной дверью прохладнаго hall'я, въ тотъ моментъ, когда смуглый, черный и красивый итальянецъ, съ разстегнутой на загорѣлой груди бѣлой рубашкой для лаунъ-тенниса, съ непокрытой курчавой головой и всегда горѣвшими яркимъ огнемъ глазами, быстрыми шагами выйдя изъ сада, подошелъ къ Танитѣ и, полусмущливо, полусеріозно опустившись на колѣни, дотронулся губами до ея опущенной руки:

— Солнце, вода и небо привѣтствуютъ васъ, королева...

— Ахъ, какъ вы меня испугали, синьоръ Микетти, — вздрогнувъ отъ неожиданнаго появленія, воскликнула Танита.

— Ваши мысли витаютъ подъ небесами, королева, а потому вы и не видите того, что происходитъ на землѣ, — скрещивая ноги и сядя по турецки у ногъ Таниты,

продолжалъ Антоніо Микетти. — А если бъ вы, королева, бросили хоть одинъ ласковый взглядъ на землю, то увидѣли бы, что бѣдный итальянскій художникъ скоро умретъ. . .

— Отъ жары, — подсказала, размѣявшись, Танита.

— Королева смѣется надо мной ? ! . — съ дѣйствительной грустью вздохнулъ Антоніо.

— Синьоръ Микетти, встаньте: вѣдь солнце ударяетъ вамъ, прямо на голову.

— Мои мысли гораздо ярче солнечныхъ лучей; прикоснитесь ладонью къ моей головѣ, королева, и вы согласитесь со мною. Синьорина, — обратился онъ къ Танитѣ послѣ минутнаго молчанія, — скажите, здѣсь былъ этотъ гордый баронетъ — Джонъ Грей?

— Да, былъ. Но онъ совсѣмъ не гордый, онъ только сдержанъ.

— Что онъ вамъ тутъ говорилъ? Можно узнать?

— Рѣшительно ничего. . . похожего на то, что вы говорите, — улыбнулась Танита. — Онъ вообще говорить немного.

— За то многое даетъ понять, — со скрытой досадой замѣтилъ Антоніо.

— Я этого не замѣчаю.

— Не лукавьте, прекрасная Офелія. . . Впрочемъ, вы лукавить не умѣете. Въ вашихъ ясныхъ — какъ эта лазурь неба — очахъ не можетъ быть сокрыта ни одна тайная мысль. Дивная моя Офелія, подарите мнѣ хоть одинъ вашъ ласковый взглядъ. . . О, какая глубина въ этихъ глазахъ. . . Вчера я почти добился изобразить на полотнѣ ихъ удивительное выраженіе.

— Синьоръ Антоніо, не будемъте говорить о моихъ глазахъ. . . лучше бы они меньше выражали и яснѣе видѣли. — Танита подавила тихій вздохъ. — Что это у васъ за книга въ рукѣ?

— Д'Ануціо «La città Morta». (Мертвый городъ).

— Мнѣ говорили, что это дивное произведеніе. Прочтите такъ, наугадъ, одну страничку.

— Въ другой разъ, прелестная Офелія.

— Нѣтъ, сейчасъ, пожалуйста, синьоръ Микетти, я прошу васъ.

— Мнѣ жарко... я усталъ... я лучше хочу говорить съ вами, моя королева, — отстранилъ онъ отъ Таниты книгу.

— Что съ вами, синьоръ Микетти? Отчего вы не хотите исполнить моей просьбы? Вотъ... вотъ читайте отсюда... я прошу васъ... я что-то загадала, — настаивала Танита, силой взявъ изъ рукъ Антоніо книгу и наугадъ раскрывъ страницу.

Антоніо медлилъ. Танита съ легкимъ нетерпѣніемъ ударяла носкомъ о гравій.

— Неужели вы не можете исполнить такой пустяшной просьбы, синьоръ Микетти?

— Все, все могу, моя королева, но изъ этой книги я бы не хотѣлъ читать вамъ.

— Все равно! Читайте. Вотъ отсюда. Ну... я слушаю.

— А если вамъ будетъ грустно... моя Офелія?! Я не хочу этого...

— Мнѣ такъ часто бываетъ грустно... не все ли равно, если однимъ разомъ больше?!

Антоніо покорно взялъ протянутую ему книгу и выразительнымъ голосомъ, съ мягкимъ и глѣбучимъ произношеніемъ тосканца, началъ читать отъ указаннаго ему мѣста:

... Guardami negli occhi, nutrice. Non sono come due pietre opache? (Погляди мнѣ въ глаза, мамка. Развѣ они не похожи на два потухшихъ камня?)

La nutrice. (мамка).

Sono limpidi come due gemme. (Они полны блеска какъ два алмаза).

Anna.

Sono morti, nutrice; sono senza sguardo. Non ti fanno un poco di ribrezzo, quando li fissi? Non ti danno un poco di spaventó? Dimmi il vero. (Они умерли, мамка: въ нихъ потухъ взглядъ. Развѣ въ нихъ нѣтъ чего то отталкивающего? Развѣ тебѣ не жутко глядѣть въ нихъ? Скажи мнѣ правду).

Антоніо остановился и въ смущеніи поднятъ глаза на Таниту. Она сидѣла, низко опустивъ маленькую гладко-причесанную головку. Бѣлый шарфъ соскользнулъ на плечи, и въ бѣлокурыхъ волосахъ переливали золотыя искорки.

— И я васъ спрашиваю: скажите мнѣ правду... — прошептала Танита и съ жестомъ стыдливой горечи закрыла лицо руками.

— Слушайте, слушайте дальше, моя королева, моя дивная Офелія... Д'Ануціо вамъ отвѣчаетъ за меня... — Антоніо подался всѣмъ корпусомъ впередъ. Казалось, онъ не читалъ, а изъ глубины души выливалъ нѣжный, полный горячаго убѣжденія, протестъ.

Ah, tací. Sono ancora vivi, sono ancora vivi. Un giorno all'improvviso, per la grazia di Dio, giavranno il lume che anno perduto. (О, замолчи. Въ нихъ есть жизнь, они живы. Въ одинъ прекрасный день, когда ты и не ожидаешь, милостью Божіей они увидятъ свѣтъ, который погасъ для нихъ).

— Какъ утасаетъ и для меня, — прошептала Танита. Антоніо захлопнулъ книгу.

— Я говорилъ, я просилъ васъ... не надо было читать!

— Полно, синьоръ Микетти. Развѣ я дитя! Неужели вы думаете, что мысль о потухающемъ зрѣніи не стоитъ подлѣ меня неотступно день и ночь? Развѣ я могу забыть объ этомъ хоть на одну минуту? !.

— Тѣмъ болѣе не надо растравлять вашей раны. И зачѣмъ вы говорите о потухающемъ зрѣніи?! Ничего этого нѣтъ: вы скоро выздоровѣете, и ваши голубыя звѣзды сосчитаютъ всѣ звѣзды небесныя.

Танита грустно улыбулась.

Хотите я еще прочту вамъ? Но я самъ выберу... Наудачу. Ессо! Опять д'Ануціо вамъ говорить за меня.

Антоніо поглядѣлъ на Таниту горячимъ, полнымъ значенія взглядомъ. Въ его позѣ, слегка склоненной впередъ, въ сверкающей улыбкѣ алаго рта и бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ, въ теплыхъ страстныхъ интонаціяхъ тосканской рѣчи была чарующая прелесть горячаго порыва. Дитя южнаго солнца, рожденное въ благословенной странѣ яркихъ красокъ, пышной природы и страстныхъ мелодій, онъ отдавался экстазу своихъ бурныхъ чувствъ съ той яркой красотой, которую горячими красками изображалъ поэтъ его родной страны д'Ануціо и которую онъ самъ переживалъ въ эту минуту съ той же полнотой.

... Voi, voi sola. Jo vi ho gia incontrato nel sogno come ora v'incontro nella vita. (Вы, вы одна. Въ моихъ сновидѣніяхъ я уже зналъ васъ, какъ позналъ васъ теперь въ жизни)...

— Вы слышите?.. — горячимъ шопомъ спросилъ Антоніо.

— Я слышу... читайте... — смущенно улыбулась Танита.

— Voi, m'appartenete come se foste la mia creatura, formata dalle mie mane, ispirata dal mio soffio. Il vostro viso e bello in me com'è bello in me un peusiero. Quando le vostre palpebre battano, mi sembra ch'essa battano come il mio sangue, e che l'ombra delle vostra ciglia tocchi l'intimo del mio cuor...

— Вы слышали, моя королева?.. Вы поняли?

— Да, я слышала. Это очень, очень красиво... въ особенности послѣдняя фраза.

— Какое счастье, что вы такъ хорошо понимаете мой родной языкъ... языкъ Данте. Въ немъ столько же красокъ, какъ и въ нашей природѣ. Развѣ это не правда?

Ахъ, синьоръ Микетти, я отвѣчу на этотъ вопросъ, когда сбудется то, что вы предсказали мнѣ словами д'Ануцио, а до тѣхъ поръ... развѣ я могу говорить о красотѣ вашей природы? Я только отгадываю ее.

— Довольно, довольно! Не говорите объ этомъ. Вотъ опять вы стали грустны. Опять на меня глядитъ Офелія, и въ душѣ моей рождается тоска Гамлета.

— Антоніо! Антоніо!.. Гдѣ ты? — слышался изъ сада молодой звенящій голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ на площадку вбѣжала дѣвушка — сестра Антоніо, такая же красивая, съ такими же выразительными глазами какъ у брата, съ смуглой, здоровой кожей, съ переливающимся на щекахъ румянцемъ, съ туго закрученной черной, съ синимъ отливомъ косой.

— А, ты вотъ гдѣ запрятался... Давно пора завтракать... Сага апіса (милая подруга), это я для васъ принесла. — Анжелика Микетти подбѣжала къ Танитѣ и, бросивъ ей на колѣни букетъ крупныхъ розъ, присѣла на скамейку и обняла ее за плечи.

— Какая жара! Я бѣгала на пристань, — говорила она, обмахивая разгорѣвшее лицо носовымъ платкомъ. — Въ этомъ укромномъ уголкѣ всегда прохладно. Синьорина Танита, приколите себѣ на грудь эту розу... Какъ къ вамъ идетъ!... Giovanni сказалъ, что вы сегодня завтракаете отдѣльно; отчего?

— Я не знаю, — пожала плечами Танита.

— Вставай же Антоніо, всѣ уже за табль д'отомъ. Гамлетъ, иди завтракать. А за вами, Офелія, я прибѣгу

часа въ четыре, — мы всѣ ѣдемъ на лодкѣ кататься. — Поцѣловавъ Таниту, Анжелика силой подняла за руку брата и вмѣстѣ съ нимъ побѣжала вверхъ по ступенямъ террасы.

— *Mia regina!* . . (Королева моя). — на секунду задерживаясь на верхней ступени террасы, бросилъ Антоніо въ сторону Таниты, и столько силы и страсти прозвучало въ этихъ двухъ словахъ, брошенныхъ мягкимъ тембромъ его грудного голоса, что Танита невольно обернула въ его сторону лицо и, хоть и не видѣла его на такомъ разстояніи, однако, въ устремленномъ ему вслѣдъ взглядѣ была грустная и благодарная улыбка, освѣтившая ея всегда задумчивое лицо.

Медленнымъ жестомъ она повернула голову въ сторону солнца и сидѣла такъ нѣсколько минутъ въ полной неподвижности; потомъ тихонько стала перебирать розы, — бѣлыя, алыя, желтыя, розовыя, налитанныя влажнымъ ароматомъ. Она подносила ихъ къ лицу, нюхала и цѣловала свѣжіе живые лепестки.

... *Sono morti, nutrice. Sono senza sguardo...* — шептала она только что прочитанныя ей слова. — Кто знаетъ, можетъ быть и мои глаза стали «*come due pietre opachi!*» Къ чему мнѣ молодость и красота, если мнѣ суждено ослѣпнуть. . . Вотъ уже два мѣсяца, какъ мы здѣсь, а развѣ мнѣ лучше! . . Время такъ медленно тянется. . . Домой, скорѣе бы къ себѣ домой! . . — Танита выронила изъ рукъ на колѣни розы и поникла головою.

Изъ боковой аллеи, съ той стороны, гдѣ сидѣла Танита, приближались Ольга и Каринъ. Всѣ были за табль д'отомъ, и садъ былъ пустъ. Ольга оглянулась кругомъ и, остановившись на секунду, близко прильнула къ Карину:

— Мы одни. Здравствуй, дорогой, хорошій. . . Я такъ рада. . .

Каринь едва успѣлъ прикоснуться губами къ ея лбу. Она быстро отстранилась и пошла впередъ.

— Вы не будете очень долго приводить себя въ порядокъ? — вдругъ услышала Танита голосъ матери. — Мы будемъ ждать васъ на террасѣ, гдѣ я распорядилась накрыть намъ столъ отдѣльно отъ табль д'ота.

Танита съ удивленіемъ подняла голову, слыша приближавшіяся изъ сада шаги и не понимая, къ кому могли относиться слова матери на русскомъ языкѣ, такъ какъ въ отелѣ русскихъ, кромѣ нихъ, никого не было.

— Ваша комната въ бель-этажѣ выходитъ на озеро, видъ великолѣпный. Приходите же скорѣе.

— Черезъ десять минутъ я буду съ вами, — услышала Танита голосъ Карина. Какъ спущенная съ тетивы стрѣла, она, протянувъ руки впередъ, сорвалась съ мѣста и въ ту же минуту остановилась, вся вытянувшись, съ дрожащими колѣнями, съ аллой краской, залившей щеки, лобъ и шею. Приложивъ руки къ сердцу, она силилась смирить его дикое бѣненіе. У ногъ ея лежали аллыя, желтыя, красныя и бѣлыя розы. . .

Ольга, на нѣсколько шаговъ опередившая Карина, уловила этотъ порывъ радостнаго смятенія дочери. Выраженіе испуга и горечи затрепетало въ углахъ ея рта. Она, не ускоряя шага, подошла къ ней:

— Дитя мое, ты знаешь, кто пріѣхалъ? Владиміръ Сергѣевичъ. Сегодня передъ завтракомъ я получила его телеграмму. Ты довольна?

— О, да, мамочка. . . — прошептала Танита, справляясь съ собой. — Владиміръ Сергѣевичъ, какъ хорошо, что вы пріѣхали. Я такъ рада! — Танита протянула еще дрожащую отъ волненія руку. Ольга взглянула на Карина: одной рукой онъ снималъ шляпу, другую — протягивалъ Танитѣ, и въ глазахъ его она не прочла ничего, кромѣ ла-

скаго привѣта для ея дочери. Опустивъ голову, Ольга медленно направилась къ террасѣ.

— Мама, ты уходишь?

— Я сейчасъ вернусь, дитя мое; только сниму шляпку.

VIII.

— Какъ ваше здоровье, мой маленькій другъ? Вѣроятно хорошо, потому что вы цвѣтете, — спросилъ Каринъ, вытирая платкомъ влажный отъ жары лобъ.

— О, я здорова...

— А глазки?

— Non ti danno un poco di spavento? Dimmi il vero, — вдругъ прошептала Танита, поднявъ на Карина свѣтлые, голубые глаза и краснѣя за невольное обращеніе на «ты».

— Что вы говорите, Танита? Почему il spavento? почему dimmi il vero? Что это значить?

— Это д'Анунціо «La città morta». Я вспомнила эти слова и ими спрашиваю васъ.

— Il spavento? !. Да развѣ вы сами не видите въ зеркало своихъ глазъ?

— Не очень хорошо, — вздохнула Танита.

— Ну полно... отвѣчу вамъ словами же д'Анунціо: Sono limpidi come... come... вотъ и забылъ текстъ...

— Come due gemme, — подсказала она.

— Да, да, — come due gemme... А розы, такія дивныя розы и валяются на землѣ. — Каринъ нагнулся, собралъ цвѣты и положилъ на скамейку.

— Это я рассыпала ихъ, обрадовавшись вашему привѣду.

— Однако, я пойду немного почиститься съ дороги, а то задержу вашъ завтракъ.

— Пона вы приведете себя въ порядокъ, я распоряжусь, чтобы завтракъ подали. Дайте мнѣ руку, Владиміръ Сергѣевичъ, и помогите подняться на террасу. Это вамъ по дорогѣ.

Танита собрала розы и оперлась о руку Карина. Рядомъ съ его массивной, слегка сутулой фигурой, она казалась еще тоньше и воздушнѣе. Онъ и не подозрѣвалъ, какъ ликовало все въ ней, какъ билось ея сердце, какъ трепетали въ радостной, сдерживаемой улыбкѣ губы.

— ... Пріѣхалъ... пріѣхалъ... какое счастье... какъ все стало свѣтло и радостно... — мысленно повторяла она и едва прикасалась пальцами къ его сильной рукѣ, въ то время какъ самой хотѣлось броситься къ нему на грудь и смѣяться, и плакать въ избыткѣ счастья...

Танита велѣла лакею принести вазу для цвѣтовъ и поставила розы на столъ передъ приборомъ Карина. Тихая, радостная улыбка не покидала ея устъ. Она достала изъ кармана зеркальце и, близко поднеся его къ лицу, стала съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваться въ него. Лицо ея подернулось тѣнью. Съ тоской она опустила руки и поникла головой.

— Скоро я не буду знать, красива ли я, — подумала она съ горечью, пряча въ карманъ зеркальце.

На террасу вышла Ольга — вся въ бѣломъ съ бѣлымъ замшевымъ кушакомъ, перехватывавшемъ ея еще гибкій станъ. Лицо свѣжее, слегка загорѣвшее, съ глубокимъ взглядомъ карихъ глазъ, притягивало къ себѣ вниманіе иностранцевъ выраженіемъ необыкновенной женственности. Самыми красивыми женщинами въ отелѣ считалась смуглая, меридіональнаго типа, — Ольга и ея нѣжная, какъ лилія, дочь.

Сѣли къ завтраку. Всегда ровный, умѣющій владѣть своими чувствами, Каринъ былъ такъ счастливъ, что нѣсколько разъ изъ груди его вырывался вздохъ облегченія,

что, наконецъ, онъ съ Ольгой и на много дней. Ольга старалась убѣдить себя, что въ порывѣ дочери могла быть только внезапная радость встрѣчи съ другомъ, и когда Танита, садясь къ столу, съ откровенной радостью обратилась къ ней со словами:

— Мама, не правда ли какъ хорошо, что Владиміръ Сергѣевичъ пріѣхалъ? Я такъ рада! — Ольга почувствовала облегченіе.

— Конечно, хорошо. Я тоже очень рада и благодарна Владиміру Сергѣевичу за сюрпризъ.

— Вы слышите, Владиміръ Сергѣевичъ? — многозначительно замѣтила Танита.

— Слышу, слышу.

— Въ чемъ дѣло? — удивилась Ольга.

— Ничего... — усмѣхнулась Танита. — Это я къ тому, что когда Владиміръ Сергѣевичъ предлагалъ весной ѣхать съ нами, ты не согласилась, а теперь вотъ рада.

— Я бы и тогда была рада, но я не хотѣла стѣснять...

— Оставимъ этотъ вопросъ, — улыбнулся Каринъ. — Я знаю, что я здѣсь, далеко отъ пыльнаго, душнаго Питера и кипы всякихъ дѣлъ, подъ голубымъ небомъ, въ миломъ обществѣ — и я счастливъ.

— Здѣсь вамъ будетъ весело, — съ оживленіемъ заговорила Танита. — Отель полонъ, и у насъ составилась очень милая компанія.

— Я не хочу веселиться. Мнѣ ничего не надо, кромѣ того, что есть сейчасъ.

— О, нѣтъ, — это невозможно! Антоніо Микетти будетъ рисовать съ васъ портретъ; онъ отличный, многообщающій художникъ. Сэръ Джонъ Грей восхититъ васъ своей выдержкой, великолѣпными костюмами и сигарами... баронесса de Fougère будетъ рассказывать вамъ о паденіи французской аристократіи и жаловаться на свое-

го лакейчика Этіена, который стираетъ ей бѣлье, гладить и, кажется, самъ раздѣваетъ и одѣваетъ ее.

— Что за пустяки, Танита!

— Увѣряю тебя, мамочка, что Анжелика сама видѣла въ щелку двери, какъ Этіенъ надѣвалъ ей ботинки.

— Кто это — Анжелика?

— Очаровательная итальянка, сестра Антоніо. Вы влюбитесь въ нее.

— А Антоніо кто?

— Я же говорила вамъ — художникъ...

— А въ баронесу de Fougère мнѣ тоже надо влюбиться?

— О! Это настоящая графиня изъ «Пиковой дамы». Антоніо говоритъ, что непременно зарисуетъ ея портретъ, когда она подъ вечеръ сидитъ тутъ въ креслѣ на террасѣ и полудремлетъ.

Танита была такъ оживлена, такъ переливались на щекахъ ея краски, что Каринъ залюбовался ею. Ольга минутами, глядя на нее, задумывалась.

— Какія восхитительныя розы, — проговорилъ Каринъ, вынимая изъ вазы алую розу и нюхая ее. Подали кофе. Каринъ спросилъ разрѣшенія закурить, вспомнилъ о розѣ, еще разъ поднесъ ее къ лицу, хотѣлъ продѣть въ петлицу, но передумалъ и, положивъ на столъ, досталъ портсигаръ, закурилъ, взглянулъ на Ольгу и подавилъ радостный вздохъ.

Танита встала со своего мѣста. Въ разговорѣ она, какъ бы случайно, взяла розу, отложенную Каринымъ.

— Я пойду наверхъ, мама.

— Только, ради Бога, будь осторожна, дитя мое; лучше я провожу тебя.

— Не надо, увѣряю тебя, что не надо. Я отлично различаю сегодня каждую ступеньку.

Танита осторожно направилась къ мраморной лѣстницѣ, и ей показалось, или это было такъ въ дѣйствительности, что солнце сіяло ярче, чѣмъ наканунѣ, чѣмъ даже утромъ.

— Благодарю васъ, моя дорогая, за то, что я здѣсь, — беря руку Ольги и цѣлуя ее, проговорилъ Каринъ, какъ только они остались вдвоемъ. — Мнѣ кажется, что никогда я не испытывалъ такого радостнаго покоя, какъ вотъ теперь... Ярко, красиво, — указалъ онъ на садъ и озеро, — на душѣ легко и ничего, ничего больше не надо.

Онъ откинулся на спинку стула и, пристально глядя на Ольгу, окуталъ ее долгимъ, благодарнымъ и любящимъ взглядомъ. Изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей глаза его смотрѣли открыто и слегка улыбались.

— А браслетъ? — съ легкой тревогой спросилъ Каринъ.

— Что?

— Зачѣмъ вы сняли браслетъ?

— Мой другъ, я сняла его потому, что онъ своей оригинальной красотой притягиваетъ здѣсь общее вниманіе. Его разсматриваютъ, просятъ снять, и я боюсь, что какъ-нибудь при Танитѣ неосторожно спросятъ, что обозначаютъ эти іероглифы внутри.

— Ну кто же можетъ спросить?! Вѣдь было условлено, что вы никогда не снимете этого браслета... Я огорченъ. Надѣньте его, прошу васъ, мой дорогой другъ.

— Какъ вы становитесь суевѣрны. Вы ли это, Дима?..

— Когда дѣло касается васъ, Ольга, то я могу быть даже суевѣрнымъ. Надѣньте сегодня же мой браслетъ и никогда не снимайте его, какъ я уже просилъ васъ.

— Хорошо, я надѣну.

— Вы стали грустны, Ольга, или задумчивы. Что-нибудь случилось? Когда мы ѣхали съ вокзала, вы были другая.

— Вы ошибаетесь, Дима: я такая же.

— А отчего эта складка между бровей?

— За завтракомъ я смотрѣла на Таниту и думала о ней: такое прелестное существо, столько въ ней обаянія, и вдругъ эта ужасная, такъ туго подлающаяся леченію, болѣзнь! Это такое несчастіе. Сколькихъ радостей она лишена... Здѣсь, среди молодежи, это еще чувствительнѣе.

— А я какъ разъ хотѣлъ сказать вамъ, что нашелъ въ ней очень большую перемѣну: она посвѣжѣла, очень похорошѣла и возмужала, а главное — въ ней появилась та живость, которую я помню въ ней до болѣзни. Все это указываетъ на укрѣпленіе нервной системы и такъ какъ болѣзнь на этой почвѣ, то слѣдовательно должно наступить скорое улучшение.

— Нѣтъ, Дима, я вижу Таниту изо дня въ день и не такъ легко вѣрю въ скорое выздоровленіе. Она посвѣжѣла — это вѣрно, но ея оживленіе — не болѣе какъ порывъ, вызванный сюрпризомъ вашего пріѣзда. Я часто застаю ее въ глубокой и грустной задумчивости... А между тѣмъ, не будь этой болѣзни, природа одарила ее всѣмъ, чтобы быть счастливой самой и сдѣлать счастливыми другихъ.

Изъ открытыхъ оконъ гостиной прозвучали аккорды рояля, и вслѣдъ затѣмъ раздался голосъ Таниты. Она пѣла итальянскій романсъ, недавно ею выученный. Свѣжій мягкаго тембра голосъ неся легкой и звонкой волной.

— Какой у нея красивый голосъ... сколько задушевности, — замѣтилъ Каринъ, прервавъ разговоръ и прислушиваясь къ цѣнію.

— Ей тутъ кружатъ голову итальянцы, что ея мѣсто быть въ оперѣ. Будь это не Танита, пожалуй, и не удержала бы я ее.

— Быть можетъ итальянцы и правы. У нея чарующій

тембръ и масса металла въ звукѣ... Вы слышите?.. вѣдь это прелестно!..

— „Vieni... Vieni all'anima mia... che piangi e spera“*)... вдругъ разнеслось сильной и страстной волной. Ольга и Каринъ замолчали, такъ неожиданно ново звучалъ голосъ Таниты.

«... Vieni!... Vieni!...» прозвучала высокая, призывная, трепещущая ожиданіемъ и неподдѣльной страстью нота и, несясь въ волнахъ яркаго солнечнаго дня, сливалась съ блескомъ солнца и лазурныхъ водъ въ одномъ нераздѣльномъ, торжествующемъ жизнью аккордѣ.

Ольга вся подалась впередъ: неужели это пѣла Танита?.. Неужели этотъ мощный, полный страсти звукъ вырывался изъ груди ея Таниты, нѣжной, воздушно легкой и тихой... Какъ могла она такъ пѣть?.. Она никогда еще такъ не пѣла... Такъ пѣть можно только для кого нибудь, — пронеслось въ мысляхъ Ольги, и опять складка испуга и горечи затрепетали въ улахъ рта.

— Что вы такъ смотрите, моя дорогая? — обратился къ ней Каринъ, увидя широко открытые, испуганные глаза Ольги.

— Я... я поражена, что это поетъ Танита.

— Я тоже удивленъ. У нея голосъ необыкновенно окрѣпъ и столько темперамента!..

— Браво, браво!.. — слышались изъ окна чьи то аплодисменты.

— Che bellissima voce! un vero splendore (что за чудесный голосъ... настоящій восторгъ!) — крикнулъ, высываясь изъ окна, Антоніо, но, увидѣвъ Ольгу и Карина, быстро скрылся.

Танита опять запѣла. Каринъ слушалъ и думалъ о томъ, что Ольга не права, приписывая дочери подавленное

*) Прийди, прийди къ душѣ моей... которая и плачетъ и вѣрить..

состояніе души. Розвѣ можетъ такъ ярко, съ такимъ воодушевленіемъ пѣть человѣкъ съ подавленной душой.

— Хотите пройтись немного, — прервала его мысли Ольга. — Пойдемте черезъ садъ къ пристани, или я васъ поведу въ такой чудный уголокъ, что вы ахнете отъ восторга.

— Куда уютно... только быть съ вами... — чуть слышно добавилъ Каринъ.

XIV.

— Синьорина Танита!... Синьорина Танита!... Venite qua! (идите сюда)... скорѣе, скорѣе.

— Иду, — отвѣтила Танита, показываясь на верхней ступени лѣстницы. Анжелика помогла ей спуститься и, идя подъ руку въглубь сада, съ живостью рассказывала о предстоящей прогулкѣ по озеру, аагѣваемой ихъ отелъной компаніей.

— Поѣдемъ въ Pallanz'u или въ Bellagio, — сверкая глазами и улыбкой говорила Анжелика. — Будемъ тамъ ѣсть мороженное, пить асти-спументе и вообще время проведемъ весело. Ёдетъ только наша компанія, значить, можно будетъ вволю подурачиться... Къ намъ увязывается этотъ противный остзейскій баронъ, — я не знаю, какъ бы его отвадить.

— Я скажу, чтобы онъ со мной остался, — предложила Танита.

— Вы съ ума сошли! Да кто же безъ васъ поѣдетъ?..

— Какъ кто? Всѣ поѣдутъ. Какое удовольствіе я могу доставить?.. Я только стѣсняю. Меня надо вести, вѣчно я спотыкаюсь.

— А вы думаете, что наши кавалеры не готовы драть-ся изъ за счастья вести васъ подъ руку?.. Я все вижу,

все подмѣчаю, хотъ и дѣлаю видѣ, что занята своими разговорами. О, мнѣ все извѣстно! Всѣ ихъ тайны я вижу насквозь, какъ бы они не старались ихъ скрыть. Напримѣръ, я отлично знаю, что «Лоэнгринъ» не высказывался опредѣленно ѣдетъ ли онъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мы рѣшительно не заявили, что безъ васъ не поѣдемъ. Тогда онъ, для приличія выждавъ довольно много времени, т. е. пока не докурить свою сигару, объявилъ, что рѣшилъ принять участіе въ нашей поѣздкѣ, такъ какъ отъ лаунъ-тенниса на сегодня отказывается. Я чуть ему въ лицо не фыркнула; поскорѣе вытатила носовой платокъ и начала трубить носомъ, какъ будто у меня насморкъ... Съ кѣмъ же это онъ въ лаунъ теннисъ играть собрался, если всѣ мы уѣзжаемъ?... Не самъ ли съ собой, или можетъ быть съ баронессой de Faugère? Вотъ такъ партія! — Анжелика залилась звонкимъ заразительнымъ хохотомъ, трясая закинутой назадъ головой и разсыпая изъ волосъ шпильки.

— Анжелика, вы хохочете на весь садъ; всѣ сбегутся сюда...

— Еще громче буду... пусть слышатъ въ Палланцѣ, въ Интрѣ... мнѣ страшно весело сегодня... до безумія...

— Отчего?

— Оттого, что я увѣрена, что monsieur George будетъ мнѣ сегодня на прогулкѣ объясняться въ любви. Я ему скажу, что я влюблена въ стараго орангъ-утанга фонъ Кальбскопфа.

— Анжелика, ну что за ерунда! — смѣялась Таниа, зараженная ея весельемъ.

— Скажите, синьорина, кто этотъ господинъ, что пріѣхалъ сегодня? Только что съ балкона я видѣла, какъ онъ съ вашей мамой пошелъ къ озеру. Это вальъ хорошій знакомый?

— Это нашъ другъ.

— Вы его любите?

— О, да!.. Онъ очень хорошій и очень умный, — поспѣшила добавить Танита, какъ бы оправдывая свой отвѣтъ.

— Прекрасно, я про это сегодня же разскажу Лоэнгрину и Антонио.

— Пожалуйста не надо, Анжелика; мнѣ это будетъ очень непріятно, — неожиданно вспыхнула Танита.

— Почему? А-а! Вы попались!..

— Потому, что я не люблю, когда говорятъ о моихъ къ кому бы то ни было чувствахъ.

— Ну, хорошо, хорошо, я буду молчать. Къ тому же онъ слишкомъ солиденъ для васъ... вотъ Лоэнгринъ или Антонио — это другое дѣло.

— Ну, это ерунда!

— Нѣтъ, не ерунда: Лоэнгринъ безъ ума отъ васъ, — это не я одна замѣчаю. Хотя онъ очень молчаливъ и сдержанъ, а все таки скрыть невозможно. Стоитъ только вамъ запѣть, какъ Лоэнгринъ точно изъ подъ земли вырастетъ и оказывается въ читальнѣ противъ зеркала, чтобы видѣть васъ. Когда вамъ miss Jesob читаетъ вслухъ на площадкѣ, Лоэнгринъ обязательно сидитъ въ пустомъ hall'ѣ противъ открытаго окна такъ, чтобы опять таки видѣть васъ.

— Что вы тутъ одинъ сидите, мистеръ Грей? — нѣсколько разъ я, какъ будто мимоходомъ, спрашивала его.

— Я курю, синьорина, — пресеріозно отвѣчаетъ онъ, а у самого и ситары нѣтъ.

— Анжелика, милая, неужели вы думаете, что мистеръ Грей, такой интересный Лоэнгринъ, можетъ увлекаться слѣпнувшей дѣвушкой? Это ваша фантазія, это не можетъ быть. Въ меня нельзя влюбиться, невозможно... — опуская голову, печально прошептала Танита.

— Что вы выдумали!.. Въ васъ нельзя влюбиться!.. Такъ въ кого же тогда?.. Надо быть дуракомъ барономъ Кальбскопфомъ, чтобы пялить глаза на меня и не понимать, что передъ вами я нуль, — съ чистосердечнымъ энтузіазмомъ доказывала Анжелика, сознавая въ то же время, что и на ея долю останется не мало поклоненія и восхищенныхъ взглядовъ.

— Анжелика... — вдругъ остановилась Танита и, положивъ руку на ея плечо, заговорила измѣнившимся голосомъ, въ которомъ слышалась тревога... — Анжелика, дайте мнѣ клятву, что вы не шутите, что вы увѣрены, что въ меня можно влюбиться, полюбить меня сильно, несмотря на то, что... мои глаза плохо видятъ...

Клянусь вамъ, Танита, *apice mia*, клянусь, что я сама слышала, какъ вами восхищаются. Вѣдь мы всѣ замѣчаемъ, что Джонъ Грей по уши влюбленъ въ васъ, а мой Антоніо?! Бредить вами, только тѣмъ и занять, что рисуетъ ваши глаза, вашъ профиль, вашу голову... Я подсмотрѣла у него въ записной книжкѣ стихи, посвященные вамъ: «*Dolce Madonna, fiorino bianco...*» (нѣжная Мадонна, бѣлый цвѣточекъ), ужъ не помню какъ тамъ дальше... Даже Кальбскопфъ по вашему адресу перевертываетъ какое то Шиллеровское четверостишіе.

— Анжелика, вы думаете, что меня можно полюбить такъ... чтобы... ну, чтобы хотѣть даже жениться на мнѣ? — смущенно допрашивала Танита, наклонивъ голову, чтобы скрыть выступившую на лицѣ краску и обрывая нервными пальцами листочки съ вѣтки акаціи.

— Конечно! Танита, да вы не знаете себѣ цѣны, вы не понимаете, какая вы красавица. Вы вся такая нѣжная, легкая, стройная. Ваши всѣ движенія такъ изящны и такъ тихи; золотые волосы, голубые глаза, черныя брови и длинныя рѣсницы, ротъ, шея... — Антоніо говоритъ, что вся вы — просто классическая красота, а вѣдь Антоніо

хорошій художникъ и красоту понимаетъ. Неужели никто у васъ въ Россіи не говорилъ вамъ, что вы красавица и не сходилъ по васъ съ ума?

— Нѣтъ, никто... Да я мало гдѣ и бывала... Некому было говорить.

— Очень жалъ. Вы потеряли слишкомъ много золотого времени и теперь должны его наверстать и, конечно, наверстаєте... .

— Ну, какъ же? — улыбалась Танита.

— А такъ, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ къ вашимъ ногамъ падутъ двое влюбленныхъ: художникъ Антоніо Микетти и баронетъ Джонъ Грей и будутъ просить вашей руки... Если вы удостоите осчастливить баронета Джона Грей, то у насъ въ отелѣ произойдетъ драма, такъ какъ Антоніо навѣрно отравится съ горя...

Послышались смѣхъ и голоса, зовущіе Таниту и Анжелику.

— Мы здѣсь, — крикнула Анжелика, тихонько толкая Таниту въ сторону густо-заросшей бесѣдки.

— Спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе, — шептала она, фыркая, — я скажу, что у васъ болитъ голова, и вы не выйдете весь день изъ своей комнаты. Посмотримъ, какое лицо сдѣлаетъ Лоэнгринъ, и какъ онъ будетъ теперь откручиваться отъ поѣздки.

Но Танита отстранила руку Анжелики:

— Я не люблю обмана даже въ шуткѣ... вотъ они идутъ.

Компанія въ нѣсколько человѣкъ показалась изъ-за угла аллеи. Кавалеры и дамы въ бѣлыхъ костюмахъ, съ разгоряченными отъ жары лицами и блестящими глазами, были оживлены, шутили и смѣялись.

— Мы всѣ ждемъ васъ у лодки, а вы тутъ секретничаете. Можно узнать о чемъ? — подбѣжала худенькая, очень хорошенькая брюнетка, высокая, съ гибкими змѣи-

ными движеніями и продолговатыми темными глазами, которыми, увѣряла отелъная молодежь, она, какъ змѣя, гипнотизировала свою жертву.

— Я говорила о васъ, Andrée, что вы влюблены въ...

— Въ кого? Я ни въ кого не влюблена. Mon coeur est libre, — картавила, надменно закинувъ маленькую типичную головку, парижанка Andrée и повела тонкими, точно вырисованными бровями.

— Поклянитесь, поклянитесь, Andrée — набросилась на нее Анжелика.

— Est bien, je jure! — вызывающе глядя на всѣхъ, воскликнула Andrée Положивъ ладонь на выгнутое бедро и выставивъ сухую, стройную, затянутую въ бѣлый ботинокъ ножку, она нервно ударяла по носку бѣлымъ хлыстикомъ, съ которымъ не разставалась, называя его эмблемой своей жестокости.

— Je suis cruelle et sans pitié, — говорила она.

— Вы слышите, вы слышите, господа? — жестикулируя, закипѣла негодованіемъ Анжелика. — Она клянется. Она смѣетъ клясться, когда установлено разъ навсегда, что въ нашей компаніи нѣтъ никого съ свободнымъ сердцемъ... И вы смѣете клясться, Andrée, когда мы знаемъ, что это неправда?!

— Si, si, je jure, — настаивала Andrée, продолжая стоять въ вызывающей позѣ Карменъ и все сильнѣе и сильнѣе ударяя себя кончикомъ хлыста по носку.

— Тогда будемъ голосовать, — предложила Анжелика.

Джонъ Грей наблюдалъ за этой живой сценой, стоя у дерева и прислонясь къ нему спиной. Когда очередь дошла до него, онъ сдѣлалъ легкій поклонъ въ сторону Andrée и серьезно заявилъ:

— Mademoiselle Andrée влюблена... въ самое себя и если бы этого не было, то я бы могъ заподозрить, что mademoiselle Andrée лишена эстетическаго вкуса.

— Браво! Браво! — раздавалось вокруг.

При первыхъ словахъ баронета, Andrée вспыхнула и закусила нижнюю губу. Лукавая улыбка скользнула по ея лицу, и изъ полуопущенныхъ рѣсницъ въ сторону Грея сверкнулъ острый, и въ то же время, ласкающій взглядъ:

— Если бы я не была такъ влюблена въ себя, то, конечно, влюбилась бы въ васъ, мистеръ Грей.

— Ecco la verita! (вотъ это правда) — захлопала Анжелика въ ладоши.

— Однако, пора: ждуть лодки.

— А возлѣ лодокъ сидить въ ожиданіи насъ эта отварная форель — Кальбескопфъ.

— Ну, нѣтъ, господа, только безъ него... это невыносимо... никуда отъ него не спрячешься, — съ неподдѣльной досадой въ голосъ, протестовала Анжелика.

— Заведите себѣ хлыстикъ, тогда побоятся надѣдать вамъ, — Andrée взмахнула хлыстомъ и, со свистомъ, прорѣзала имъ вѣтку акаціи.

Танита шла между Антонію и баронетомъ Грей. Антонію, поддерживая ее за локоть, безъ умолку говорилъ. Джонъ Грей молчалъ, заложивъ руки за спину и сосредоточенно глядя себѣ подъ ноги.

— Синьорина Танита, — умолялъ ее Антонію, — подарите мнѣ приколотую у васъ на груди розу. Кто ее вамъ далъ?

— Я сама ее взяла.

— Я васъ прошу, дайте.

— Только не эту.

— Я васъ ревную къ этой розѣ, синьорина. — Антонію сдѣлалъ жестъ, какъ будто хотѣлъ сорвать ее съ груди Таниты. Джонъ Грей бросилъ острый взглядъ въ сторону Антонію. У нея дрогнули ноздри. Танита быстрымъ движеніемъ прижала къ себѣ цвѣтокъ, который пе-

редь этимъ былъ въ рукахъ Карина и который она, прежде чѣмъ приколотъ къ груди, втихомолку прижимала къ своимъ губамъ.

Когда пришли на берегъ и стали размѣщаться въ лодку, баронетъ Грей, стоя на кормѣ, протянулъ Танитѣ обѣ руки. Въ ту минуту, какъ она дѣлала легкій прыжокъ, роза сорвалась и упала на голубую, упругую поверхность озера, искрящагося подъ солнечнымъ лучемъ.

— Теперь эта роза моя, — воскликнулъ Антоніо, бросаясь съ противоположнаго конца лодки, чтобы достать упавшій въ воду цвѣтокъ. Баронетъ Грей быстрымъ движеніемъ освободилъ одну руку, крѣпко продолжая держать другой Таниту, перегнулся, досталъ колеблющуюся на легкой волнѣ алую розу и молча подалъ ее Танитѣ.

— О, мистеръ Грей, благодарю васъ. — Она съ благодарностью пожала сильную руку, поддерживавшую ее.

Дружно ударили по весламъ. Алмазныя капли заискрились радужной бахромой, лодка плавно скользнула по озеру и пестрымъ яркимъ пятномъ врѣзалась въ напыленный блескомъ и тепломъ хрусталь воздуха.

XV.

Джонъ Грей вернулся вечеромъ съ экскурсіи очень усталый, ужиналъ позже всѣхъ и, никого не видя, поднялся къ себѣ въ комнату. Освѣжившись холодной ванной, онъ легъ спать, но жаркая ночь и мысли гнали сонъ. Онъ снова одѣлся и по корридору и лѣстницѣ, съ притушеннымъ электричествомъ, прошелъ черезъ тонушій во мракѣ hall. Осторожно пробравшись межъ столиковъ и креселъ, онъ повернулъ ключъ и вышелъ на террасу. Стояла жаркая, безвѣтренная ночь, темная и ароматная, съ блестящими звѣздами на низко раскинувшемся густо-си-

немъ куполѣ небесъ. На землѣ было тихо и темно. Неподвижное озеро, съ отраженными звѣздами, казалось вторымъ вогнутымъ въ землю куполомъ. Джонъ Грей сѣлъ въ отдаленномъ углу подлѣ парапета, облокотился о него, оперъ голову о сложенные пальцы, закурилъ сигару и погрузился въ свои завѣтные размышленія. Темнота окутала его и слила съ безконечнымъ покровомъ ночи. Легкій вѣтерокъ приносилъ ароматы остывающихъ отъ дневного зноя растений, обвѣвалъ его лобъ, перебирая пряди свѣтлыхъ волосъ и легълъ дальше въ темное пространство ночи.

Джонъ Грей думалъ о Танитѣ. Никому въ голову не могло прийти, что сдержанный, на видъ холодный «Лоэнгринъ», какъ его прозвали въ отелѣ за сходство съ героемъ Вагнеровскихъ оперъ, всегда спокойный, глядящій на всѣхъ и все безстрастными голубыми глазами, — въ душѣ былъ пылкимъ, мечтательнымъ, любящимъ красоту и радость жизни. Съ первыхъ же дней его заинтересовала прѣзжая русская семья. По своей привычкѣ держаться въ сторонѣ, онъ познакомился съ Ольгой и Танитой позже всѣхъ и, въ началѣ знакомства, былъ больше собесѣдникомъ и компаньономъ Ольги, чѣмъ Таниты; однако, все его вниманіе было обращено на Таниту, и чѣмъ ближе онъ знакомился, тѣмъ больше она ему нравилась. Все въ ней притягивало молодого англичанина. Онъ не вѣрилъ въ возможность полной потери ея зрѣнія и, зная отъ miss Jesob подробности ея болѣзни, велъ на эту тему дѣятельную переписку со своимъ другомъ — извѣстнымъ окулистомъ въ Лондонѣ. Со времени прѣзда Карина, Танита стала болѣе оживленной и общительной, чаще принимала участіе въ прогулкахъ и охотнѣе уступала просьбамъ пѣть. Мало-по-малу отельная компанія, къ которой принадлежалъ Грей, стала замѣчать, что его холодная сдержанность таяла въ присутствіи Таниты. Когда она

пѣла, онъ оказывался гдѣ нибудь въ отдаленіи, молчаливо сосредоточенный и неподвижный до тѣхъ поръ, пока она не отходила отъ рояля. Однако, онъ никогда не присоединялся къ тѣмъ, кто выражалъ ей шумные восторги. Его низкій молчаливый поклонъ былъ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

Miss Jesob, сосредоточившая на Танитѣ свои утерянные привязанности и надежды и мечтавшая для нея о томъ счастіи, котораго была лишена сама, приглядывалась къ своему соотечественнику, рассказывала ему о семьѣ, въ которой жила уже пятнадцать лѣтъ, наводила разговоръ о немъ самомъ и, наконецъ, черезъ своихъ лондонскихъ пріятельницъ узнала о немъ всѣ подробности, вполне удовлетворявшія ея честолюбивые планы на счетъ Таниты. Баронъ Джонъ Грей оказался человѣкомъ съ большимъ состояніемъ, съ большими связями, пользовался репутаціей истиннаго джентльмена и принадлежалъ къ высшему лондонскому кругу. Miss Jesob затаила въ глубинѣ сердца мечты, которыми ни съ кѣмъ не дѣлилась, но въ разговорахъ съ Ольгой часто отсылалась о мистерѣ Грей, какъ о достойнѣйшемъ джентельменѣ. Между тѣмъ самому баронету и въ голову не приходило, чтобы кто нибудь раздѣлялъ его мечты. Будучи всегда увѣренъ въ себѣ, онъ въ то же время не былъ человѣкомъ самоувѣреннымъ и если мечталъ о прекрасной русской дѣвушкѣ, то безъ всякой надежды снискать ея вниманіе и быть для нея чѣмъ нибудь большимъ, чѣмъ мимолетнымъ знакомымъ. Онъ не отгадывалъ, что, поглощенная любовью къ Карину, Танита все же относилась къ нему иначе, чѣмъ ко всѣмъ окружающимъ ее въ отелѣ. Онъ внушалъ ей уваженіе, и если бы ей нуженъ былъ другъ, то мысли ея остановились бы на Джонѣ Грей.

Сидя у парапета съ сигарой во рту и закинувъ голову на спинку плетенаго кресла, онъ думалъ о томъ, что ху-

дожникъ Антонио Микетти, — любимецъ всей отельной компаніи за свой несомнѣнный талантъ и живой, переливающей блестящими, умъ, влюбленъ въ Таниту и всячески старается ей это выразить; Танита же остается одинаково ровной ко всѣмъ. . . Однако, какъ угадать, что таится у нея въ глубинѣ души? . . Джонъ Грей зналъ, что miss Jesob, открыто выражавшая ему свои симпатіи и охотно говорившая съ нимъ о своей воспитанницѣ, могла бы помочь ему разобраться въ этомъ вопросѣ, но чувство гордости и корректность не допускали мысли проникать въ постороннюю интимную жизнь, и потому онъ молча наблюдалъ.

Тишина ночи начала убаюкивать его. Сигара потухла въ опущенной рукѣ; утомленный экскурсіей, Джонъ Грей началъ дремать и, наконецъ, заснулъ, окутанный мягкой тьмой ночи.

Тихонько повернулся замокъ двери. Осторожно переступивъ порогъ, Ольга вышла изъ своей комнаты, неслышно прошла часть корридора и, остановясь у двери Карина, слабо постучала въ нее. Черезъ минуту дверь отворилась.

— Пойдемте внизъ, — шопотомъ произнесла Ольга. — Что то не спится. . . душно.

— Да, я тоже не могу спать. Сейчасъ выйду, — поспѣшилъ отвѣтить Каринъ. Онъ уже началъ было раздѣваться, и ему хотѣлось спать, но радость побыть наединѣ съ Ольгой разсѣяла сонъ. Спустившись съ террасы, они прошли впередъ и сѣли на скамейку недалеко отъ парапета и отъ спящаго баронета Грей. Его силуэтъ, тонущій во мракѣ, сливался съ мраморной колонной балюстрады. Обнявъ Ольгу за плечи и прислонивъ къ себѣ ея голову, Каринъ нѣкоторое время сидѣлъ молча, глядя на звѣздное, покрывающееся мелкими облачками, небо.

— Я все собираюсь рассказать тебѣ о miss Jesob, — заговорила Ольга, отрываясь отъ плеча Карина. — Ты зна-

ешь, что она вбила себѣ въ голову? Хотя она и очень дипломатично заводитъ со мной на эту тему разговоры, однако, я понимаю, въ чемъ дѣло.

Смѣясь и оживляясь, Ольга говорила довольно громко; передавая разговоры miss Jesob о баронетѣ Грей, она перешла на англійскій языкъ; въ обращеніяхъ же къ Карину говорила, по заведенной въ Россіи привычкѣ, по французски, забывая, что говоря на русскомъ языкѣ, никакой случайный свидѣтель не могъ бы понять интимнаго обращенія къ Карину на ты.

— Знаешь ли, мой другъ, — заговорилъ Каринъ также по французски, выслушавъ длинные рассказы Ольги о намекахъ miss Jesob на баронета Грей и Таниту, — быть можетъ въ ея фантазіяхъ не такъ много смѣшного. Чѣмъ больше мнѣ приходится говорить съ баронетомъ, тѣмъ симпатичнѣе онъ мнѣ становится. Это настоящій типъ джентльмена хорошей породы, прекраснаго воспитанія и многосторонняго образованія.

— Да, но кто же сказалъ, что онъ интересуется Танитой въ такой мѣрѣ, чтобы строить такіе фантастическіе планы?

— Ну, этого я не знаю. А можетъ быть проникательность miss Jesob проникла въ его тайну, — улыбнулся Каринъ. Въ его мысляхъ, всегда полныхъ преданной заботѣ объ Ольгѣ и ея дочери, все таки мелькнула надежда, что если бы фантазія miss Jesob могла бы стать реальностью, она привела бы, наконецъ, его личную жизнь къ давно желанной пристани.

— А ты бы хотѣла этого? — спросилъ Каринъ Ольгу.

— О, я совсѣмъ не думаю объ этомъ. Грей пріятный человѣкъ, но мнѣ даже смѣшно соединять его имя съ именемъ Таниты.

— Ну, а если бы? .. — настаивалъ Каринъ.

— Если бы Танита его полюбила, и еслибъ онъ оказался достойнымъ ее, развѣ я могла бы ей препятствовать?! Я знаю, о чемъ ты думаешь, — пожимая его руку, замѣтила она.

— Да, Оля, да... я думаю объ этомъ, но, конечно, не иначе, какъ чтобы Танита была вполне счастлива.

Между тѣмъ Джонъ Грей давно не спалъ. Его разбудилъ смѣхъ Ольги. Первой его мыслью было закурить потухшую сигару, чтобы дать знать о своемъ присутствіи, но нѣсколько словъ Ольги съ обращеніемъ на «ты» и имя Таниты, соединенное съ его собственнымъ, заставили его измѣнить это рѣшеніе.

— Если все это слышу только я, значитъ, никто не слышитъ, — рѣшилъ Джонъ Грей. Онъ считалъ невозможнымъ выдать свое присутствіе и тѣмъ поставить въ самое тяжелое и безвыходное положеніе Ольгу, какъ мать и какъ женщину, а потому онъ сидѣлъ, боясь шелхнуться до тѣхъ поръ, пока Каринъ и Ольга не удалились. Онъ слышалъ разговоръ, наполовину по французски, о томъ, что Танита все послѣднее время бодрѣе и веселѣе, и Ольга приходитъ къ спокойной увѣренности, что ихъ отношенія для нея тайна.

— Боже, я такъ счастлива это время, видя оживленное личико моей дѣвочки, такъ свѣтло у меня на душѣ... — говорила Ольга.

Джону Грей стало ясно то, что свято охранялось Каринымъ и Ольгой отъ людей, а главное отъ Таниты.

Вернувшись въ свою комнату онъ раздѣлся, но спать не легъ, а до разсвѣта просидѣлъ на балконѣ.

Съ этихъ поръ Джонъ Грей, незамѣтно для Ольги, сталъ охранять ея тайну ради Таниты, въ чистоту которой глубоко вѣрилъ.

Случалось какъ то такъ, что если Ольга и Каринъ находились вдвоемъ гдѣ нибудь въ аллеѣ или бесѣдкѣ, или

вечеромъ оставались одни въ hall'ѣ или гостиной, Джонъ Грей зналъ это, слѣдилъ за приближеніемъ Таниты, и если она искала мать, то находила ее въ обществѣ не только Карина, но уже и баронета Грей. Въ первую минуту Ольга досадовала, что онъ нарушалъ ихъ одиночество, но при появленіи дочери она мысленно его благодарила за его, какъ она думала, случайный приходъ. Иногда онъ перехватывалъ Таниту на пути, присоединялся къ ней и miss Jesob и нарочно громко говорилъ и смѣялся, чтобы дать знать Ольгѣ о приближеніи дочери. Благодаря этому тайному шпионажу, Танита рѣдко заставала мать наединѣ съ Каринимъ.

Случилось, что Танита въ сопровожденіи англичанки уѣхала съ утра въ Lugano. Джонъ Грей за табль д'отомъ узналъ отъ Ольги, что онѣ должны были вернуться поздно вечеромъ. Сидя въ hall'ѣ у окна съ книгой въ рукѣ послѣ five o'clock tea, Джонъ Грей случайно поднялъ глаза въ противоположную сторону, куда выходилъ балконъ Карина. На одно мгновенье передъ нимъ въ глубинѣ комнаты мелькнулъ силуэтъ входившей Ольги; вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ Карина, задерживавшаго портьеру у своей балконной двери. Баронетъ Грей успѣшилъ отвести глаза, и мысли его сосредоточились на книгѣ. Прошло не болѣе часу. Онъ собирался уйти, какъ вдругъ услышалъ громкій голосъ miss Jesob и смѣхъ Таниты. Онъ выглянулъ въ окно и увидѣлъ ихъ, приближающихся къ отелю. Баронетъ вздрогнулъ. Надо было во что бы то ни стало предупредить Ольгу о внезапномъ возвращеніи дочери. Черезъ секунду напряженнаго размышленія, онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ, ведущей въ этажъ, гдѣ помѣщались комнаты Карина, Ольги и Таниты. Въ корридорѣ было пусто. Онъ приблизился къ двери Карина и ждалъ. Заслышавъ голоса, подымавшихся снизу Таниты и англи-

чанки, Джонъ Грей сталъ громко привѣтствовать ихъ, удивляясь преждевременному возвращенію. Когда въ коридорѣ стихли голоса, Каринъ постучался къ Танитѣ.

— Я увидѣлъ васъ изъ окна и пришелъ узнать, что случилось, что вы такъ скоро вернулись? — спокойно спрашивалъ онъ у Таниты.

— Ничего непріятнаго! — Она радостно пошла къ нему настрѣчу. — Ветлугиныхъ не оказалось дома; у miss Jesov разболѣлся зубъ, а потому, посидѣвъ въ кофейнѣ, я предложила вернуться обратно. Вотъ и все. А гдѣ мама, вы не знаете? Ея нѣтъ въ комнатѣ.

— Часъ тому назадъ я видѣлъ ее въ паркѣ съ книгой въ рукѣ. Если хотите, пойдемте вмѣстѣ ее розыскивать.

— Очень хочу. Погодите минутку. Смотрите, какихъ розъ я привезла мамѣ и вамъ. — Танита протянула Карину букетъ великолѣпныхъ розъ.

— За что вы такъ балуете меня, мой маленькій другъ? — Каринъ взялъ розы и поцѣловалъ руку Таниты.

— За то, что вы исполняете ваши обѣщанія, — съ лукавой улыбкой отвѣтила Танита. Каринъ, поглощенный мыслью объ Ольгѣ, перепуганной внезапнымъ появленіемъ дочери и съ волненіемъ выжидавшей возможности освобожденія отъ плѣна, не понялъ, на что намекала Танита; онъ думалъ лишь о томъ, чтобы скорѣе увести ее въ паркъ.

— Поставьте розы въ воду, а то онѣ завянутъ, — продолжала Танита. Не замѣчая озабоченнаго выраженія въ лицѣ Карина, она вытащила одинъ цвѣтокъ изъ поданнаго ему букета и приколола къ волосамъ. Каринъ, тяжело дыша, стоялъ у порога ея двери.

— Что же, Танита, идемте.

— Да, да... только отнесите цвѣты къ себѣ въ комнату и поставьте ихъ въ воду, а то они, бѣдненькія, исто-

мились безъ воды. Или лучше пусть это сдѣлаетъ miss Jesob, я ее сейчасъ попрошу, а мы пойдемте.

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно возразилъ Каринъ, — я самъ ихъ сейчасъ поставлю на свой письменный столъ. Подождите меня секунду.

Каринъ вышелъ. Войдя къ себѣ, онъ передалъ цвѣты въ дрожащія руки ожидавшей его у двери Ольги. Она была блѣдна.

— Боже мой, уведите ее въ паркъ, — скорѣе угадалъ, чѣмъ разслышалъ Каринъ. Онъ сдѣлалъ головой утвердительный знакъ. Молча, съ выраженіемъ преданности и виноватости въ опечаленныхъ глазахъ, онъ крѣпко, на одно мгновенье, прижалъ къ груди голову Ольги и вышелъ въ корридоръ, гдѣ его ждала Танита.

— Такъ скоро? — удивилась она.

— Да, я поставилъ ихъ въ кувшинъ съ водой, чтобы онѣ хорошенько освѣжились.

Онъ подалъ руку Танитѣ. Почти не слыша ея веселаго щебета, не отгадывая ея радостнаго настроенія, не чувствуя легкаго прикосновенія слегка дрожащихъ пальчиковъ, онъ спѣшилъ увести ее въ паркъ. На ея вопросы Каринъ отвѣчалъ невпопадъ, и Танита смѣялась. Когда они возвращались обратно, то встрѣтили Ольгу съ книгой въ рукахъ.

XVI.

Въ то время, какъ на итальянскихъ озерахъ природа цвѣла въ изобиліи красокъ, свѣта и ароматовъ, въ Петербургѣ люди задыхались отъ пыльной, смрадной духоты. Давили каменные громады домовъ, дымили фабричныя трубы, наполняя воздухъ сѣровой мглой: отовсюду несло запахомъ краски ремонтируемыхъ домовъ и квартиръ, въ

окна бѣдныхъ обитателей заднихъ дворовъ несло острымъ смрадомъ помойныхъ ямъ. Усовершенствованная цивилизація громадныхъ городовъ вытѣснила самое необходимое для человѣка — природу. Люди, въ погонѣ за мнимыми радостями, за мнимымъ блескомъ минуты, покидаютъ благовонныя поля, луга и лѣса, уютные домики съ тѣнистыми садами и серебристой лентой рѣки, чтобы тѣсниться въ каменныхъ домахъ, лишенныхъ воздуха и свѣта. Но съ первыми же лучами весенняго солнца, усталые отъ безсмысленной сутолоки, ихъ охватываетъ тоска, и счастливы тѣ, которые могутъ, съ первыми признаками пробуждающейся природы, снова вернуться въ ея благословенное лоно. Бѣдные обитатели мансардъ, заднихъ дворовъ и подвальныхъ этажей, лишены этой радости, безъ которой вянетъ не только тѣло, но и мозгъ. Истомленные, унылые и озлобленные, они чахнутъ въ душной, лишенной яркаго свѣта и чистаго воздуха, атмосферѣ и несутъ на себѣ послѣдствія логическаго закона кары за отступленіе отъ прямыхъ и чистыхъ законовъ природы. Все, созданное вопреки природѣ, лишено мудрости и падаетъ тяжестью наказанія въ той же самой области, въ которой человѣкъ отступаетъ отъ предначертанныхъ ему свыше законовъ.

Онъ бѣжитъ отъ своего естественнаго жилища, бѣжитъ изъ лѣсовъ, полей, съ береговъ лазурнаго моря къ мнимой цивилизаціи и чахнетъ, какъ чахнетъ оторванное отъ корня растеніе. Зданія, сооруженныя его руками, обваливаются, пожары уничтожаютъ ихъ, насыщенная миазмами атмосфера городовъ порождаетъ отвратительныя повальные болѣзни. Двумя, тремя вздохами земли разрушаются застроенныя крѣпкими зданіями города, погребая подъ обломками сотни тысячъ ослѣпленныхъ цивилизаціей безумцевъ. Презирая способъ естественнаго передвиженія, указанный природой всѣмъ жи-

вымъ существамъ, человѣкъ изобрѣтаетъ паровыя и электрическія машины и гибнетъ отъ нихъ, ежеминутно рискуя быть изувѣченнымъ или убитымъ.

Отрѣшившись отъ простой растительной пищи, человѣкъ беретъ на душу грѣхъ убійства животныхъ, устраиваетъ для этого особыя зданія и даже машины и, въ слѣпой жестокости, чувствуетъ себя правымъ, не внемля стонамъ и воплямъ миллионовъ убиваемыхъ существъ. Но наказаніемъ за эту вѣковую жестокость являются всевозможные недуги, глубоко внѣдрившіеся въ организмъ человѣка и исподволь разрушающіе его.

И все, что бы ни придумалъ лукавый мозгъ, называя геніальнымъ изобрѣтеніемъ циклъ забытыхъ и вновь пробужденныхъ къ жизни знаній — электричество, порохъ, законы зодчества, паръ, составы химическихъ соединений, газы, — все это падаетъ обратнымъ ударомъ на его же неразумную голову. Цивилизація вытѣснила культуру духа, основанную на слѣдованіи чистыхъ и прямыхъ законовъ природы, въ мудрой глубинѣ которыхъ черпается покой и гармонія человѣческаго существованія...

Въ душную спальню, съ открытымъ окномъ, выходящимъ на грязный дворъ, пахнуло вѣтромъ, не свѣжимъ, несущимъ ароматы лѣса и полей, а душнымъ, насыщеннымъ міазмами грязныхъ задворокъ. Затрепетала легкая занавѣсь окна. Елена Кирилловна, мгновенно очнувшись отъ сна, сѣла на кровать и, потрясенная и взволнованная, съ опущенной головой и закрытыми глазами, долго сидѣла, переживая съ полной ясностью только что видѣнное во снѣ.

Ей снилась маленькая могилка за густымъ садомъ проданнаго послѣ смерти мужа имѣнія. Тамъ было похоронено ея первое дитя — четырехлѣтняя блѣкоурая и голубоглазая, кроткая и нѣжная дѣвочка. Съ тѣхъ поръ, какъ имѣніе было продано, Елена Кирилловна, лишен-

ная средствъ и поглощенная заботами о существованіи и воспитаніи своихъ дѣтей, не имѣла возможности посѣтить родную могилку. Она часто думала объ умершей крошкѣ, перебирала въ памяти тѣ далекіе дни ея перваго горя, когда была сильная и любимая рука мужа, о которую можно было опереться. Вѣря въ безсмертіе духа, она не мучилась отъ мысли, что далекая могилка стоитъ одиноко, и ничья близкая рука не убираетъ ее цвѣтами, не расчищаетъ заросшую травами тропинку.

Что значить странный сонъ? Почему снился онъ? — спрашивала себя Елена Кирилловна. Весь день онъ снова и снова, со всѣми мельчайшими подробностями, вставалъ въ ея воображеніи. Душныя комнаты, освѣщенные осколкомъ солнечнаго луча, падавшего изъ за угла вплотную примыкавшаго дома, со всей тихой однообразно сѣренькой жизнью, отодвигались, и передъ глазами ея выплывала орѣшниковая аллея, лужокъ, выходящая среди сочной травы утоптанная тропинка и въ концѣ ея, поросшая яркой травой, маленькая могила... Темнѣетъ. Густыя сумерки спускаются на землю и окутываютъ далекія поля, садъ, лужокъ и одинокій тихій холмикъ, съ простымъ бѣлымъ крестомъ у изголовья. Елена Кирилловна, съ трепетомъ непонятнаго предчувствія чего то страннаго и жуткаго, медленными шагами приближается къ вѣчной колыбелькѣ усопшаго дитяти. И вдругъ, пораженная страхомъ, она останавливается, боясь подойти вплотную: поверхъ зеленого холмика лежитъ въ бѣломъ платицѣ и чепчикѣ съ розовыми бантами, протянувъ ножки въ бѣлыхъ туфелькахъ, ея бѣлокурая крошка. Медленно, медленно приподнялась ручка и, какъ бы въ полуснѣ, дитя закинуло ее за головку.

— Она жива... она жива... — шепчутъ дрожащія губы матери. Она подходитъ, тихонько наклоняется: у крошки закрыты глаза, личико спокойно. Мать склоняетъ

ся еще ниже, любовно заглядывая въ дорогое, обвѣянное сномъ личико... Сразу открываются голубые глазки, и маленькія, худенькія ручки тянутся къ ней.

— Мама... мамочка... я все ждала тебя... зачѣмъ ты не приходила?.. — слышитъ она тихій, слабый голосокъ. Горячія слезы капаютъ изъ глазъ матери. Она садится на край могилки и осторожно, боясь нарушить чудное очарованіе, подкладываетъ руку подъ плечи дитяти. Рука ея ощущаетъ теплое тѣльце и легкую тяжесть живой матеріи. Тоненькія ручки обвиваются вокругъ ея шеи, и Елена Кирилловна прижимаетъ къ груди свое любимое, давно утерянное дитя. Крошка молча прильнула къ ней, и въ этой минутѣ неожиданнаго чудеснаго счастья потонули всѣ скорби пережитаго, былаго...

— Кисанька моя, какъ же ты лежишь здѣсь... одна... на могилкѣ?.. — робкимъ голосомъ спрашиваетъ Елена Кирилловна, и ей жутко услышать какой нибудь непонятный для живыхъ отвѣтъ, вернушагося изъ потусторонняго міра дитяти.

— Лежу... одна лежу... — слышитъ она монотонный, такой знакомый ей голосокъ.

— А какъ же, моя кисанька, ты лежишь, если... дождикъ идетъ? Вѣдь онъ мочить тебя, моя крошка? — глотая слезы, опять спрашиваетъ она.

— Мочить... я лежу мокрая... — опять звучитъ тихій, но ясный и спокойный голосокъ.

— А... если, кисанька... морозъ?.. Вѣдь холодно... — горькія слезы, какъ капли дождя текутъ изъ глазъ матери на бѣленькій чепчикъ съ розовыми бантиками.

— Крѣпкій морозъ, мамочка... а я лежу...

— Боже мой, Боже мой! — шепчетъ Елена Кирилловна, сдерживая подступающія рыданія! Что же это?.. Столько лѣтъ прошло и она лежитъ здѣсь. И дождь, и снѣгъ, и морозъ, и зной!..

Ужасной болью сжалось сердце матери. Еще одинъ вопросъ, который ей страшно вымолвить, страшно услышать на него отвѣтъ.

— А что же ты... кушала, кисанька моя?.. — какъ шелестъ вѣтра прозвучалъ вопросъ.

— Вотъ это кушала... — маленькій пальчикъ указываетъ на крошечный обломокъ сухаря, лежащаго на краю могилы на жестяной круглой крышечкѣ.

— Кто же приносить?

— Не знаю... всегда приносить...

Головка малютки плотнѣе прильнула къ груди матери. Елена Кирилловна молчитъ, сраженная и тоской, и сознаниемъ непонятной ей великой тайны. Долго длится молчаніе. Теплая ночь окутываетъ мать и дитя. Изъ за кучи темныхъ дубовъ по ту сторону луга медленно выплываетъ мѣсяць. Теплый вѣтеръ несетъ ароматы травъ.

— Ты больше ужъ не уйдешь отсюда? — неожиданно прозвучалъ кроткій, просящій голосокъ...

Передъ открытыми глазами Елены Кирилловны была душная спаленка, съ чахлымъ лучомъ солнца, съ бьющеюся у окна бѣлой занавѣской. Она проснулась, не успѣвъ отвѣтить своему дитяти, но отвѣтъ этотъ, какъ бы безъ нея вѣдома, понемногу слагался въ сердцѣ. Когда настала ночь, и Елена Кирилловна, окончивъ молитву, положила голову на подушку и закрыла глаза, съ тихой и ясной увѣренностью прозвучалъ отвѣтъ:

— Нѣтъ, я не уйду...

Мы можемъ видѣть сны каждую ночь; иногда они бываютъ бессмысленные, полные хаотическихъ беспорядочныхъ образовъ, иногда же въ сонномъ мозгу они развертываются въ стройной логичности. Просыпаясь, мы ихъ сейчасъ же забываемъ, или же, вспомнивъ, не придаемъ имъ никакого значенія и вскорѣ опять забываемъ. Однако есть сны, которые поражаютъ, смущаютъ нашъ духъ,

въ которыхъ мы чувствуемъ какое то тайное значеніе, котораго зачастую не можемъ понять, тщетно напрягая мысль. Такіе сны никогда не забываются и на всю жизнь сохраняются въ памяти съ полной ясностью. Мы чувствуемъ въ такихъ снахъ намекъ на какую то связь съ инымъ, чуждымъ нашей матеріи, но близкимъ нашему духу, міромъ.

Елена Кирилловна почти всю ночь не спала. Это не была томительная, раздражающая нервы бессонница, — нѣтъ: бодрствующій духъ какъ бы поглотилъ потребность сна, въ напряженной работѣ мозга не замѣчалось теченія часовъ. Вся жизнь Елены Кирилловны день за днемъ проходила въ ея воображеніи; единственнымъ клочкомъ счастья, выпавшимъ на ея долю, были немногіе годы, прожитые въ деревнѣ при жизни мужа; они казались ей далекимъ, далекимъ сномъ. . . Давно утерянное дитя; рожденное и похороненное на землѣ мимолетныхъ свѣтлыхъ дней, зоветъ ее вернуться туда же. . . Въ кроткихъ и ясныхъ отбѣтахъ малютки не скрывается ли великая мудрость, указывающая, что лишенія физическія — ничтожны; потребности тѣла, сведенныя до крайности, не имѣютъ никакого значенія для яснаго и чистаго покоя души. Не перевоплотилась ли ея дитя въ скромное существо, постигшее мудрость отрѣшенія отъ мірскихъ потребностей? . . Она мокнетъ въ непогоду, зябнетъ отъ мороза, питается скудной пищей, но духъ ея ясенъ и кротокъ. . . Это ли значить ея странный сонъ? Или, быть можетъ, изъ міра вѣчнаго покоя, душа ребенка зоветъ ее прочь изъ этихъ прокопченныхъ, душныхъ клѣтушекъ въ зеленый садъ, подъ лучи яркаго солнца, указывая ей, что бѣдность не страшна и не безобразна тамъ, гдѣ человѣкъ сливаетъ свою жизнь съ жизнью природы. . .

Чѣмъ больше думала Елена Кирилловна, тѣмъ яснѣе и тверже укрѣплялась въ рѣшеніи измѣнить обстановку

своей настоящей жизни. Безъ колебаній и смущенія она написала Ольгѣ письмо, проси выслать ей денегъ, которыя она не знаетъ, въ какой срокъ сможетъ ей возвратить. Она сообщила подругѣ, что бросаетъ Петербургъ, чтобы навсегда поселиться гдѣ нибудь по близости отъ своего бывшаго имѣнія, что просимыя деньги ей нужны для ликвидаціи послѣднихъ маленькихъ дѣлъ и оплаты дороги. Отправивъ письмо, Елена Кирилловна испытала радостное чувство облегченія: первый камень для закладки новаго зданія былъ ею положенъ.

XVII.

Было совсѣмъ раннее утро, когда, среди необозримаго пространства полей, по убитой дорогѣ, мелкой рысцей ѣхалъ небольшой тарантасикъ, накануне присланный на станцію старикомъ священникомъ. Елена Кирилловна, откинувъ вуаль, подставляла лицо свѣжему утреннему вѣтерку, вдыхала чистый воздухъ, съ улыбкой оглядывала поле, синѣвшую вдали полосу лѣса, отъ котораго начиналось когда то принадлежавшее ей имѣніе, стѣдила за нырявшимъ во ржи жаворонкомъ и не находила въ сердцѣ своемъ ни тоски, ни тревоги, которыхъ ожидала, когда думала въ поѣздѣ о минутахъ первой встѣчи съ давно покинутыми родными сердцу мѣстами. Она испытывала лишь радость заключеннаго, которому неожиданно распахнули окно изъ темницы въ зеленый садъ. Ей казалось, что, послѣ долгихъ пасмурныхъ и угрюмыхъ дней, насталь яркій праздникъ. Она закрывала глаза и, слегка откидывая голову, подставляла прозрачно-блѣдное лицо розоватымъ теплымъ лучамъ, восходящаго надъ снѣлой рожью, солнца. На душѣ было легко и бодро и неопредѣленность ожидавшей ее жизни нисколько не тревожила и не смущала Елену Кирилловну. До имѣнія было

версть пятнадцать, и когда, выѣхавъ изъ лѣсу, стали спускаться къ рѣкѣ, солнце уже совсѣмъ взошло. Показались издали колокольня маленькой знакомой церкви, а вдали зачернѣлъ большой садъ усадьбы. Елена Кирилловна отгадывала впередъ каждый поворотъ, спускъ, мостикъ, мельницу, знала, что въ концѣ деревни будетъ видна вся усадьба. . . но сердце было спокойное: ни тоски, ни тоски. Пережитое горе какъ бы поглотило всякія сожалѣнія о невозвратномъ; давно прошедшее казалось сномъ, уже не тревожившимъ замолкшія струны сердца.

Отъ своего возницы Елена Кирилловна узнала, что священникъ, къ которому она теперь ѣхала, давно овдовѣлъ, дочь выдалъ замужъ и живетъ одинъ все въ томъ же домикѣ близъ деревни. Не чувствуя усталости отъ проведенной въ вагонѣ ночи, она легко выпрыгнула изъ тарантаса, завидѣвъ старика священника, идущаго ей навстрѣчу. Высокій, сухощавый, съ небольшою сѣдой бородой, загорѣлый, съ черными умными и строгими глазами, всегда опрятно одѣтый въ черную рясу, отецъ Илья сразу внушалъ къ себѣ уваженіе и довѣріе.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогая гостья, — проговорилъ онъ спѣшными шагами подошедшей къ нему Еленѣ Кирилловнѣ. Лицо его оставалось попрежнему строгое, но глаза улыбались. Онъ благословилъ склоненную голову и, взявъ за руку, пристально поглядѣлъ въ лицо.

— Годовъ-то, годовъ сколько пролетѣло. . . и горя-то сколько извѣдать вамъ пришлось, моя голубушка. Обо всемъ освѣдомленъ, все знаю. А сохранились вы удивительно. Какой помню, такой точно и остались. Вотъ только глаза не тѣ. . . грусти въ нихъ много и точно изъ глубины глядятъ. Не чаялъ я имѣть такую желанную гостью. — Отецъ Илья говорилъ съ разстановкой, не спуская строгихъ пронизательныхъ глазъ съ лица своей го-

стью. Вѣтеръ развѣвалъ волосы его рыски и сѣдые, аккуратно расчесанные волосы.

— Для меня большое счастье и большая поддержка, что вы здѣсь, дорогой батюшка. Я все вамъ разскажу. Знаю, что вы поймете и поддержите меня.

— И пойму и поддержу васъ въ добрыхъ начинаніяхъ. А теперь пожалуйста освѣжитесь съ дороги и покушать. Комнату вамъ Домна приготовила и если устали — можно и отдохнуть, покушавши.

Отецъ Илья ввелъ Елену Кирилловну черезъ маленькое крылечко въ хорошо знакомыя ей комнатки, гдѣ было, какъ и прежде, все чисто прибрано и уютно.

— Какъ хорошо у васъ, батюшка.

— Все по старому. Давно вотъ бобылемъ живу, а комнатки сохраняю, какъ были при покойницѣ моей: и цвѣточки на окнахъ — какъ она любила, и чтобъ занавѣски всегда чистыя были. . . вотъ коврикъ поистерся, да, думаю, хватить его на мой короткій вѣкъ.

— Сколько солнца, батюшка! Тихо такъ. . . и вонь виднѣются поля и лѣсъ. . . — Елена Кирилловна точно вдругъ сразу ослабѣла, опустилась на полинявшій диванчикъ и, со слезами на глазахъ, смотрѣла въ открытое оконце, на которомъ колыхались отъ вѣтра, принесшаго съ полей и лѣсовъ ароматы утра, легкая, бѣлая занавѣска.

— Тихо у меня, матушка, и жизнь моя тихая, — задумчиво проговорилъ отецъ Илья, заслонивъ отъ солнца ладонью глаза и глядя вдаль желтѣющихъ полей.

Въ прибранной для нея крохотной комнаткѣ Елена Кирилловна освѣжилась, переодѣлась съ дороги и вышла въ садикъ, гдѣ ее ожидалъ отецъ Илья. На деревянномъ столѣ подъ широкимъ кленомъ была накрыта чистая скатерть, съ краснымъ бордюромъ пѣтушками; кигѣль самоваръ, морщинистая маленькая старушка Домна хлопот-

ливо разставляла чашки, свѣжее деревенское, только что сбитое масло, лепешки изъ разсыпчатого тѣста, горячую булку, сливки и вчерашній пирогъ съ творогомъ. Отецъ Илья, сдвинувъ очки на конецъ носа, читалъ газету, въ ожиданіи гости.

— Управляющій нынѣшній, даромъ что нѣмецъ, а человекъ любезный, — заговорилъ онъ, увидя Елену Кирилловну и откладывая газету. — Каждое утро присылаетъ мнѣ вчерашнюю газету. Образованный нѣмецъ, держитъ себя не примѣръ лучше бывшимъ тутъ раньше. Что я ему?! А вотъ и газету присылаетъ, и яицъ съ господскаго курятника, и цыплятъ, и ягодъ, и муки... и не то, чтобы я просилъ — никогда. Мы, говорить, у себя привыкли чтить духовенство, — рассказывалъ отецъ Илья, наливая чай изъ безносаго чайника въ приготовленную для Елены Кирилловны большую чашку, съ разрисованнымъ на ней яркимъ розаномъ и желто-зелеными листьями. — Держитъ себя съ достоинствомъ и строго, никого не обижаетъ, и всѣ къ нему доступъ имѣютъ. Черезъ него я и ваше дѣльце обдѣлалъ, матушка Елена Кирилловна, — продолжалъ отецъ Илья, придвигая въ сторону гости сливки и лепешки. — За небольшую плату нанялъ я вамъ домокъ; обрадуетесь, коли узнаете какой. Ну-те ка, отгадайте.

— Въ деревнѣ или ближе?

— До деревни нѣмецъ не касается. Нѣтъ, ближе, къ парку; почти что у самаго парка.

— Неужели флителекъ покойнаго Прохорыча?

— Онъ самый и есть.

— Какая радость! Именно то, что мнѣ нужно. И отъ могилки близко, и отъ васъ... кругомъ зелень, рѣка, видны поля... Этого я никакъ не ожидала. Благодарю, что похлопотали за меня, батюшка.

— И хлопотъ никакихъ не было. Только замолвилъ, а онъ сейчасъ такъ любезно: помилуйте, говоритъ, батюшка, возможно ли прежней владѣлицѣ отказать?! Пусть на здоровье живетъ. За десять рублей въ мѣсяцъ сговорились; я и задатку два рубля далъ.

— А новые владѣльцы не будутъ въ претензіи?

— Ужъ онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Все имѣніе на его рукахъ. Помѣщица-то новая, видно не изъ умѣлыхъ; ни до чего не касается; врядъ ли много и жить тутъ будетъ. Не то Петербургская, не то изъ-за границы пріѣхала.

— Какъ фамилія, не знаете, батюшка?

— Генеральша Стоцкая, вдова. Важная барыня. Говорятъ, страсть, какъ избалована. Имѣніе куплено мѣсяца три, а только на прошлой недѣлѣ пожаловала и ужъ гостей ждутъ изъ за границы. Не знавали такой въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, не знаю. Да гдѣ мнѣ знать было: вѣдь я жила совсѣмъ одиноко, ни съ кѣмъ не видѣлась, кромѣ пріятельницы Ольги. Помните ее, батюшка? Она пріѣзжала ко мнѣ съ мужемъ гостить. Книжки все вамъ дарила и для церкви лампаду золотую пожертвовала.

— Какъ не помнить!

— Мы съ ней не разъ васъ вспоминали, батюшка. Помните, какъ въ шахматы, бывало, весь вечеръ съ ея мужемъ играли?

— Помню, помню. Хорошій онъ былъ человѣкъ, царствіе ему небесное. А дочка у него жива?

— Жива. Очень красивая. Теперь онъ заграницей. У дочери зрѣніе что то плохо, лечатъ ее тамъ.

— Такъ, такъ... Много воды утекло съ тѣхъ поръ. — Отецъ Илья задумался. Изъ деревни неслись шумы наступающаго трудового дня.

Въ маленькомъ садикѣ, съ рядкой незатѣшливыхъ, простыхъ цвѣтомъ и единственной дорожкой, весело чи-

рикала на вѣткѣ птичка надъ самой головой Елены Кирилловны.

— Какъ разросся вашъ садикъ, батюшка, — сказала она, съ любовью оглядывая этотъ знакомый ей клочекъ земли, воздѣланный трудами отца Ильи. — При мнѣ онъ похожъ былъ на палисадникъ, а теперь въ немъ столько тѣни.

— А молодой садъ, что за паркомъ вашъ супругъ покойный засадилъ, вы и не узнаете: разросся и рѣку совсѣмъ скрылъ за густыми деревьями. Подлѣ вашего флигелька теперь и тѣнь, и прохлада будетъ. Вотъ, не чудны ли дѣла Господа, матушка Елена Кирилловна. Тогда вы для старика Прохорыча хлопотали, за долготѣтную и вѣрную службу ему домикъ построили, садъ развели, а выходить, что сами того не вѣдая, готовили себѣ тихое жилье послѣ житейскихъ бурь. Творивши добро убогому и нищему старику, по мудрости Господа, себѣ же покойное пристанище создали.

— Да, странно, очень это странно! — въ раздумѣ о давно минувшемъ, проговорила Елена Кирилловна.

— Если госпожа Стоцкая особа любезная, то вамъ пріятно будетъ знакомство съ ней завести. . .

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, этого я ни въ какомъ случаѣ не ищу и не желаю. Сами вы говорите, что къ ней гости пріѣзжаютъ, значить, она дама свѣтская, а я ищу спокойствія и уединенія.

— Конечно, дѣлайте, какъ вамъ по душѣ. Я вѣдь не знаю, что за особа эта помѣщица и даже не видалъ ее; говорятъ, что еще молода и красива; а вотъ съ дочкой ея — познакомился. Очень привѣтливая и, видимо, кроткаго нрава дѣвица. Въ субботу ко всеобщей пожаловала, а въ воскресенье днемъ и меня навѣстила. «Пришла, говорить, батюшка, съ вами познакомиться». Букетъ цвѣтовъ изъ парка принесла, полюбопытствовала, имѣю ли

книжки для чтенія, и пообѣщала снабжать, потому, говорить, я много, очень много, читаю, и мнѣ на дняхъ полный ящикъ ихъ привезутъ. Надоѣло, говорить, въ Германіи жить. Россію очень любить и рада, что въ деревню попала. Любезная дѣвица, не красива, а лицо доброе и симпатичное. Говорить, буду часто навѣщать васъ, батюшка. Еленой Михайловной звать ее.

— Богъ съ ними, батюшка, — продолжая думать о своемъ; проговорила Елена Кирилловна. — У нихъ своя жизнь, а у меня моя — тихая и для нихъ, конечно, совсемъ не интересная.

— Это вѣрно. Устраивайтесь, какъ вамъ лучше и спокойнѣе; я вѣдь только такъ, къ слову. Сегодня днемъ нѣмецъ-управляющій зайти обѣщаль, чтобы съ вами лично переговорить на счетъ флигеля и кой-какой мебели. Говорить, что найдется у нихъ, коли недоставать вамъ чего нибудь будетъ. А столоваться, коли желаете, матушка Елена Кирилловна, отъ души предлагаю вамъ у себя.

— Вотъ за это спасибо вамъ, батюшка. Вы избавляете меня отъ скучной заботы возни съ кухней.

— И мнѣ веселѣе будетъ. Очень ужъ я одинокъ; не съ кѣмъ разумнымъ словомъ перекинуться. Отъ васъ прогулка недалекая будетъ. Побесѣдовать и почитать будетъ мнѣ теперь съ кѣмъ. — Строгіе глаза отца Ильи смотрѣли привѣтливо въ лицо Елены Кирилловны. — Такъ-то матушка, Елена Кирилловна. Думали ли мы съ вами много лѣтъ тому назадъ, когда вы обласкали пріѣзжаго новаго батюшку, что судьба сведетъ насъ — одинокихъ — къ одной и той же пристани? . .

Оба задумались. На вѣткѣ надъ самой головой Елены Кирилловны щебетала птичка, покачиваясь на вѣткѣ. Горячее золото высоко поднявшагося солнца трепетало въ густой листьѣ развѣсистаго клена, бросая яркіе блики

узорной свѣто-тѣни на дорожку садика, на скатерть и на раску священника.

— А на могилку когда? — тихо спросилъ батюшка.

— Вечеромъ. Я тамъ до утра останусь.

— А не сыро ли будетъ?

— Я не боюсь.

Когда насталь вечеръ, отецъ Илья, посвященный во все пережитое Еленой Кирилловной, благословилъ ее на новую жизнь и проводилъ окружнымъ ходомъ до конца парка, гдѣ начиналась орѣшниковая аллея.

Не желаете ли, чтобы я побылъ съ вами на могилкѣ? — обратился онъ къ Еленѣ Кирилловнѣ, когда она на секунду остановилась, чувствуя какъ забилося въ тревогѣ сердце.

— Нѣтъ, батюшка, я не боюсь; вы не безпокойтесь за меня. Мнѣ кажется, что я наяву переживаю сонъ, который привелъ меня въ эти мѣста.

Батюшка еще разъ бережно благословилъ ее, поклонился и тихо пошелъ обратно. Елена Кирилловна, приложивъ руку къ сильно бьющемуся сердцу, прошла совсѣмъ потемнѣвшую въ вечернихъ сумеркахъ орѣшниковую аллею и вышла на лужокъ, заросшій густой травой и окаймленный съ одной стороны дубами, съ другой низкорослымъ кустарникомъ и плетнемъ, отдѣлявшимъ его отъ безконечнаго пространства полей. Низкій холмикъ съ бѣлымъ мраморнымъ крестикомъ выдѣлялся среди моря зелени. Тропинка къ нему заросла. Елена Кирилловна, какъ легкая тѣнь, волоча по травѣ мягко спадающія складки чернаго длиннаго платья, точно плыла въ густѣющихъ сумеркахъ, легко ступая по высокой травѣ. Подойдя къ могилкѣ, она опустилась передъ ней на колѣни, припала лбомъ къ землѣ, поцѣловала родную землю и поднялась. Могилка была аккуратно прибрана, на крестѣ былъ надѣтъ большой вѣнокъ изъ розъ; бѣлыя и

розовые гвоздики лежали на изголовьи. Обойдя вокруг, Елена Кирилловна сѣла на край холмика и застыла. Спустилась ночь. Изъ за чернѣющихъ верхушекъ дубовъ показался мѣсяцъ. Съ полей повѣяло прохладой. Надъ рѣкой, протекавшей сейчасъ за плетнемъ, медленно подымался прозрачный, колеблющійся бѣловатыми тѣнями туманъ. Далеко гдѣ-то пронесся протяжный звукъ и замеръ въ тишинѣ ночи. Елена Кирилловна припала грудью къ холмику и обняла его обѣими руками. Черная большая шаль, окутывавшая плечи, свѣсилась съ обѣихъ сторонъ и, какъ громадными крыльями, покрыла края могилы. Усталыя вѣки смежила легкая дремота. Грудь мѣрно дышала, сливаясь въ одномъ біеніи жизненнаго пульса съ всепоглощающей и вновь возрождающей землей.

XVIII.

На слѣдующій день Елена Кирилловна водворилась въ своемъ новомъ жилищѣ, когда то построенномъ ея заботливой рукой для старика Прохорыча — вѣрнаго слуги ея семьи и семьи ея отца. Маленькій, бѣлый домикъ въ три комнатки терялся среди моря зелени теперь разросшагося сада, тоже засаженнаго въ былые годы ею и ея мужемъ. Сейчасъ же за садомъ протекала рѣка, не широкая, но довольно глубокая, полная раковъ и рыбы, густо заросшая по берегамъ тростникомъ и плакучими ивами. Берега шли повышаясь; за паркомъ, надъ живописнымъ обрывомъ, стояла бесѣдка, вся заросшая виноградомъ. Отъ нея по крутымъ берегамъ была высѣчена каменная лѣстница къ рѣкѣ, гдѣ было особенно глубоко и дико. Мѣстные крестьяне боялись этого мѣста: по преданію здѣсь когда-то, кто-то утопился, и въ глухіе ночи, увѣряли они, «утопельникъ» выплываетъ, тщетно сѣлаясь взобраться по густо заросшимъ крутымъ берегамъ.

Съ помощью отца Ильи и старухи Домны, Елена Кирилловна быстро устроилась во флигелькѣ. Потекли дни за днями, — тихіе, свѣтлые, полные покоя. Боясь праздности и бесполезной жизни, Елена Кирилловна сейчасъ же отыскала бездомную маленькую дѣвочку-сиротку и, пріютивъ ее у себя, занялась ею: учила ее шить и сама принялась обшивать оборванную и загнанную дѣвочку; обчистила, обмыла ее и начала учить грамотѣ. Обласканный и пригрѣтый ребенокъ, тихій и молчаливый, все чаще и чаще подымалъ на Елену Кирилловну всегда опущенные глаза, и въ ихъ застѣнчивомъ взглядѣ свѣтился иногда лучъ дѣтской радости и ласки. Она помогала расчищать траву вокругъ могилки, засаживать ее цвѣтами и поливать. Быстро семенили маленькія, босыя ножки, спѣша къ колодезю за водой, и загорѣлыя рученки проворно копошились, разгребая землю для новыхъ посадокъ или выкапывая траву. Еленѣ Кирилловнѣ было отрадно видѣть, съ какой охотой и любовью маленькая Настя хлопотала надъ могилкой ея дитяти.

Еще чья-то ласковая рука аккуратно черезъ день надѣвала вѣнокъ изъ свѣжихъ розъ на бѣлый крестикъ и разсыпала у изголовья могилки душистые цвѣты. Елена Кирилловна поручила Настенькѣ непременно подсторожить и узнать, кто былъ этотъ ласковый другъ ея могилки. На другой же день дѣвочка, вся запыхавшись, рассказала ей, что барышня изъ господскаго дома приходила на лужокъ изъ сада, перекрестилась у холмика и цвѣты положила, а старые убрала и унесла съ собой.

— Такъ вотъ кто цвѣты носитъ! — подумала Елена Кирилловна. — Милая и добрая дѣвушка...

Черезъ отца Илью она просила передать ей свою благодарность.

Однажды, когда Елена Кирилловна была у отца Ильи, постучались въ дверь и вошла Нелли Стоцкая. Она дер-

жала въ рукахъ нѣсколько, перевязанныхъ бичевкой, книгъ и корзинку съ вишнями. На ней было бѣлое пикейное платье, опоясанное широкой черной лентой и большая бѣлая соломенная шляпа съ васильками. Некрасивое лицо дѣвушки выглядѣло свѣжо въ этомъ нарядѣ, а пріятливая улыбка красила его и дѣлала привлекательнымъ.

— Я принесла вамъ, батюшка, вишенъ изъ нашего сада. А вотъ и книги, что я вамъ обѣщала, — только вчера привезли со станціи. — Нелли слегка покраснѣла при видѣ незнакомой ей личности.

— Благодарствуйте; сердечно признателенъ за ваше вниманіе, милая барышня. Милости просимъ — садитесь. Позвольте познакомить васъ съ прежней владѣлицей вашего имѣнія — Еленой Кирилловной. Ея пребываніе здѣсь большая для меня радость.

Отецъ Илья взялъ изъ рукъ Нелли корзинку съ вишнями и книги и придвинулъ ей стулъ къ столу, гдѣ они пили чай со свѣжимъ сотовымъ медомъ.

— Откушайте съ нами чайку, Елена Михайловна; медъ только что принесенъ, — самый свѣжій.

Еленѣ Кирилловнѣ сразу понравилась эта немного застѣнчивая, худенькая дѣвушка, съ добрыми глазами. Она поблагодарила ее за цвѣты, такъ аккуратно приносимые на могилку крошки. Нелли опять смутилась.

— Отчего вы никогда не гуляете въ паркѣ? — спросила она Елену Кирилловну, оправившись отъ смущенія.

— Потому, что онъ мнѣ не принадлежитъ, — съ улыбкой отвѣтила Елена Кирилловна.

— Развѣ это можетъ имѣть какое нибудь значеніе! — поспѣшно возразила Нелли. — Къ тому же онъ почти всегда пустъ. Тамъ много бываю я, да изрѣдка баронъ Фихтенголь; тамап дальше главной аллеи предъ террасой никогда не ходить.

— Скажите, Елена Михайловна, ваша мама не недовольна, что мы сдали флигелекъ за паркомъ?

— Я думаю, что мама этого и не знаетъ: ее совсѣмъ не интересуесть, что и какъ дѣлается въ этомъ имѣніи.

— Такъ зачѣмъ же она его купила? — удивилась Елена Кирилловна.

— Право не знаю... это одна изъ непонятныхъ фантазій мамы. Лично я очень благодарна ей за эту фантазію, такъ какъ имѣніе мы очень нравится, и я такъ счастлива, что хоть на время вырвалась въ русскую деревню изъ противнаго Дрездена... Мама просила передать вамъ, батюшка, что будетъ очень рада, если вы придете къ намъ позавтракать въ воскресенье.

— Поблагодарите отъ меня вашу матушку и скажите, что и я въ свою очередь очень былъ бы радъ ея посѣщенію нашей сельской церкви.

— Я передамъ мамѣ, — тихо отвѣтила Нелли, и кончикъ ея носа сталъ розовѣть, что случилось у нея въ минуты сильнаго смущенія или волненія. Нелли сомнѣвалась, что бы мать исполнила просьбу отца Ильи: Стоцкая относилась съ брезгливымъ пренебреженіемъ ко всему русскому, включительно до русскихъ церквей и въ особенности — духовенства. Въ ней по матери текла нѣмецкая кровь, и послѣ смерти мужа, она не скрывала въ семьѣ своихъ симпатій въ пользу лютеранскаго вѣроисповѣданія. Нелли нѣсколько разъ въ разговорахъ съ матерью упоминала имя отца Ильи и отзывалась о немъ, какъ о симпатичномъ, образованномъ и умномъ человѣкѣ, но Стоцкая дѣлала видъ, что не понимаетъ намековъ дочери.

— Мы кажется, мама, — слегка робѣя, обратилась однажды Нелли къ матери, — это не хорошо, что вы не знакомитесь со здѣшнимъ батюшкой. Онъ можетъ обидѣться, тѣмъ болѣе, что онъ достаточно уменъ и обра-

зованъ и совсѣмъ не похожъ на простыхъ деревенскихъ священниковъ.

— Это мнѣ все равно. Тебѣ я не мѣшаю его посѣщать, но прошу тебя не навязывать мнѣ этого знакомства. J'ai eu horreur tous ces porcs.

Присутствовавшій при разговорѣ фонъ Фихтентоль отвелъ глаза отъ газеты «Berliner Tageblatt», которая аккуратно высылалась ему въ деревню, куда онъ пріѣхалъ погостить, выждалъ окончанія разговора, отложилъ на край пепельницы дымящуюся сигару и обратился къ Стоцкой:

— Я думаю, что въ данномъ случаѣ, вамъ слѣдуетъ побѣдить вашу антипатію, выполнѣ законную, къ попамъ и все таки выразить какое нибудь вниманіе мѣстному священнику, за котораго могутъ быть обижены здѣшніе крестьяне. Надо быть дипломатичнымъ и никого здѣсь не обижать, — добавилъ онъ холодно-металлическимъ голосомъ, отчеканивая, по привычкѣ, каждый слогъ.

— Я думаю, что это совсѣмъ неважно, — съ гримасой пренебреженія отвѣтила Стоцкая.

— А я думаю иначе, — послѣ короткой паузы вѣско произнесъ фонъ-Фихтентоль. — Пригласите его завтракать въ воскресенье.

— Какъ это скучно! — съ досадой пожала плечами Стоцкая. — Онъ намъ весь завтракъ испортить.

— Bleiben Sie ruhig; мы его такъ обкуримъ сигарами, что онъ поспѣшитъ сейчасъ же послѣ завтрака уйти отсюда. — Изъ подъ бѣлокурыхъ усовъ мелькнула недобрая улыбка.

Нелли была обижена за отца Илью, однако, смолчала боясь не сдержаться и сказать что нибудь рѣзкое Фихтентолу, съ которымъ за послѣднее время у нея очень обострились отношенія, и не разъ пикировки доходили до ссоръ. Фихтентоль становился ей все болѣе и болѣе

антипатиченъ. Она не могла больше выносить его высокомерной манеры по отношенію къ матери и себя, его явнаго презрѣнія ко всему русскому, его странной власти которую онъ проявлялъ въ ихъ дѣлахъ и жизни. Она догадывалась, что у матери была связь съ нимъ и въ то же время не могла понять, отчего съ обѣихъ сторонъ не чувствовалось ни нѣжности, ни даже любви; какъ будто бы ея мать принадлежала этому высокомерному нѣмецкому барону не по любви, а по обязательству. За послѣднее время взаимная ненависть между Нелли и барономъ замѣтно росла и безпрестанно прорывалась. Робкая и застенчивая по натурѣ, Нелли становилась рѣзка и даже дерзка съ барономъ. Стоцкая строго выговаривала дочери, но Нелли на всѣ выговоры матери упрямо твердила:

— Я его ненавижу, тамап, и не позволю ему такъ обращаться со мной.

Нелли боялась, что Фихтентоль позволить себѣ за завтракомъ какое нибудь невѣжество по отношеніи отца Ильи, а потому порученіе матери пригласить его къ завтраку, она выполнила скрѣпя сердце.

— Если у васъ много гостей будетъ, то лучше бы отложить мое посѣщеніе до другого раза, — замѣтилъ отецъ Илья въ отвѣтъ на переданное ему приглашеніе. — Я вѣдь отвыкъ отъ людей и могу показаться обузой въ большомъ и свѣтскомъ обществѣ.

— За завтракомъ, кромѣ меня и тамап, будутъ три нѣмецкихъ гостя изъ Берлина. Они пріѣхали на все лѣто. Одинъ изъ нихъ — баронъ фонъ-Фихтентоль — большой пріятель тамап, затѣмъ другъ барона инженеръ, которому тамап поручила осушить болота и еще одинъ нѣмецъ, тоже пріятель барона. Я не люблю всю эту нѣмецкую компанію... вообще я терпѣть не могу нѣмцевъ и очень жалѣю, что они сюда пріѣхали, — договорила Нелли со сдержаннымъ раздраженіемъ.

— По русски они говорятъ, могу я надѣяться? — спросилъ отецъ Илья.

— Фихтентоль говорить прекрасно, а тѣ двое порядочно коверкають.

• — А зачѣмъ ваша матушка изволила пригласить для осушки болотъ германскаго инженера? Развѣ своего русскаго не нашлось бы? .. — съ легкой укоризной въ голосъ спросилъ отецъ Илья.

— Это по совѣту барона.

— Жаль, очень жаль... и у насъ въ Россіи есть ученые люди.

— Я согласна съ вами, батюшка, но у татап бываютъ фантазіи, которыхъ нельзя переупрямить.

— И не надо. Вы молоды, а ваша матушка вправѣ поступать какъ ей угодно.

Нелли понравилась Еленѣ Кирилловнѣ настолько, что она не избѣгала встрѣчъ съ нею. Отъ отца Ильи она узнала, что бѣдная дѣвушка очень жалуется на свою жизнь и часто плачетъ. Нелли высказывала Еленѣ Кирилловнѣ такъ много вниманія, что Елена Кирилловна пригласила ее къ себѣ. Нелли очень обрадовалась этому приглашенію и съ тѣхъ поръ стала посѣщать ее все чаще и чаще; вскорѣ не проходило дня безъ того, чтобы Нелли днемъ или вечеромъ не заходила къ Еленѣ Кирилловнѣ. Хотя Нелли и не жаловалась ей, но Елена Кирилловна, видя ее изо дня въ день и наблюдая за нею, понимала, что живетъ ей тяжело.

— Какъ только я переступаю порогъ вашего флигелька, — сказала ей однажды Нелли, — мнѣ кажется, что я попадаю въ тихій и свѣтлый уголокъ жизни.

— Развѣ комфортъ и роскошь, къ которымъ вы привыкли, Нелли, не составляютъ для васъ необходимую сторону жизни?

— О, нѣтъ. Для меня всего дороже спокойствіе, котораго я не имѣю, такъ какъ тамап вѣчно окружаетъ себя людьми глубоко для меня антипатичными и кромѣ того... Нелли запнулась и у нея навернулись на глаза слезы, — тамап не любитъ Россію, которую я очень, очень люблю, и вбила себѣ въ голову непремѣнно выдать меня замужъ за нѣмца. Это ужасно!

— Если это окажется симпатичный человѣкъ, то можетъ быть вы и полюбите его, Нелли.

— Никогда, Елена Кирилловна. Я терпѣть ихъ не могу. Прошлой зимой мы пробыли до начала весны въ Петербургѣ, и тамап, къ моей большой радости, какъ будто измѣнила свой планъ: она очень хлопотала, чтобы я поправилась одному очень симпатичному господину. Онъ не очень молодъ, но такого человѣка я могла бы полюбить всей душой...

— Кто же это, Нелли, если не секретъ?

— Его фамилія — Каринъ, онъ...

— Владиміръ Сергѣевичъ?

— Да. Неужели вы его знаете?

— Знаю, и довольно хорошо. Это очень благородный, очень честный и добрый человѣкъ.

— Я такъ и чувствовала. — У Нелли заблестѣли глаза. — Вы знаете, Елена Кирилловна, что я очень застѣнчива и не умѣю показывать, если кто нибудь мнѣ нравится; такъ было и съ Владиміромъ Сергѣевичемъ, когда его не было, я мечтала о томъ, какъ онъ къ намъ придетъ, о томъ, что я непремѣнно буду любезна и много буду говорить съ нимъ, но какъ только онъ входилъ въ гостиную, у меня точно языкъ отнимался; я волновалась, краснѣла, тамап бросала на меня строгіе взгляды, и, конечно, онъ составилъ обо мнѣ самое нелестное понятіе. А между тѣмъ онъ былъ единственный человѣкъ, который мнѣ очень нравился... Потомъ мы какъ-то вдругъ собра-

лись и уѣхали въ этотъ противный Дрезденъ. Матап больше не упоминала о немъ и такъ все и кончилось. — Нелли грустно улыбнулась и тихонько вздохнула. — Если бы я была умнѣе и интереснѣе, — быть можетъ, онъ и обратилъ бы на меня вниманіе.

— Нѣтъ, Нелличка, хотя бы вы были первая красавица въ мірѣ, для Карина вы бы не существовали: онъ давно связанъ любовью съ одной очень интересной женщиной.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло... — удивленно протянула Нелли. — А матап меня винила въ томъ, что онъ не обращаетъ на меня вниманія. Ну вотъ, значить, единственный человѣкъ, что мнѣ нравился, и тотъ для меня недостижимъ; а вся эта нѣмецкая, вѣчно окружающая насъ компанія, мнѣ просто невыносима; и если матап будетъ мучить меня съ приставаніями выйти за когонибудь изъ нихъ замужъ, я просто сбѣгу отъ нея.

— Полно, Нелличка, не разстраивайтесь. Ваша матап не будетъ же насильно васъ уговаривать выходить замужъ за человѣка для васъ непріятнаго.

— Ахъ, вы не знаете матап. Она совершенно подвліяніемъ этого отвратительнаго Фихтентоля и готова въ угоду ему на что угодно. Я ненавижу этого нѣмца и вижу, какъ онъ исподтишка, гдѣ можетъ, мститъ мнѣ за эту ненависть. Онъ неблагородный и злой человѣкъ.

— Живите своей жизнью, Нелли, и не обращайтесь на него вниманія.

— Это невозможно, потому что онъ суетъ свой носъ не только во всѣ дѣла матап, но даже и въ домашнія. Теперь онъ пріѣхалъ сюда, и вы не можете представить себѣ, какъ онъ сразу сталъ всѣмъ распоряжаться. Я отлично знаю, что управляющій приходитъ съ докладомъ къ матап только для виду, потому что Фихтентоль все забралъ въ свои руки. Вы думаете, отецъ Илья пригла-

шенъ къ завтраку по желанію татап? Нисколько. Это Фихтентоль настояль изъ какихъ то дипломатическихъ соображеній по отношенію къ крестьянамъ.

— Это онъ правъ, Нелличка. Видно, что вашъ Фихтентоль уменъ и тактиченъ.

— О, что онъ уменъ, — это несомнѣнно, но его умъ направленъ всегда въ сторону личной пользы.

— Ну, какая же ему польза отъ посѣщенія отца Ильи?

— Этого я еще не знаю, но увѣрена, что нибудь да есть, — задумчиво произнесла Нелли. — Я прослѣжу. Вообще, я рѣшила съ нѣкоторыхъ поръ хорошенько послѣдить за нимъ...

Нелли задумалась и нѣсколько минутъ молчала, что то обдумывая съ напряженнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лица.

— Елена Кирилловна, — заговорила она, подсаживаясь ближе къ своей новой пріятельницѣ и кладя ей руку на колѣни, — будьте мнѣ другомъ, я такъ одинока...

— Я уже другъ вашъ, Нелли, — вы можете быть откровенны со мною и вѣрить мнѣ.

— О, я очень, очень вѣрю вамъ. Мнѣ отецъ Илья такъ много о васъ говорилъ, да и сама я чувствую, что вы можете быть истиннымъ другомъ... Елена Кирилловна, милая, я хочу показать вамъ одну бумажку, случайно подобранную мной у татап въ кабинетѣ послѣ ухода Фихтентоля. Какъ вы думаете, что это можетъ значить?

Нелли достала изъ рабочаго мѣшечка кошелекъ и вынула изъ него аккуратно сложенный маленькій листикъ бумаги.

Мелкимъ, четкимъ почеркомъ сверху листка стояло: «Свеаборгъ. Морскія работы. Составъ акціонерной компаніи». Затѣмъ столбцомъ шелъ перечень фамилій съ помѣткой подданства. Послѣ чисто русскихъ фамилій стояла въ скобкахъ помѣтка: «нежелательно» и взамѣнъ ея

стояла фамилія нѣмецкая. Возлѣ фамилій нѣмецкихъ съ пометкой «русскій подданный» стояло: «желательно подданство Германіи». На другой сторонѣ бумажки подъ нотабенами стояли, очевидно для памяти, наскоро наброшенные, замѣтки: «Планы новыхъ просьбъ третьяго участка препроводить — Berlin, Unter den Linden, Friedrich von Plathoff. Требовать немедленное уничтоженіе документа по дѣлу патроннаго завода. Планъ южной башни крѣпости Ив.-Городъ». Затѣмъ стояло нѣсколько нѣмецкихъ фамилій съ адресами въ Берлинѣ и, наконецъ, фамилія одного русскаго извѣстнаго административнаго лица съ обозначеніемъ его имени отчества.

— Какъ вы думаете, Елена Кирилловна, что это можетъ значить?

Елена Кирилловна отвѣтила не сразу.

— Такая странная записка, что я не знаю, право, что и думать...

— Вамъ ничего не приходитъ въ голову... особеннаго?

— Я не хочу допустить мысли, Нелли, что... — Елена Кирилловна не договорила.

— Значить, у васъ та же мысль, что и у меня, — вволнованно проговорила Нелли.

Нѣсколько минутъ обѣ молчали.

Отчего комната Фихтентоля всегда заперта на ключъ, и онъ не разстается съ этимъ ключемъ? Кромѣ его лакея Фрица, котораго онъ всегда и всюду съ собой возить, никто не допускается въ его комнату. Отчего по большей части не онъ къ татап, а татап ходить къ нему въ комнату для какихъ то переговоровъ обѣ имѣніи, до котораго татап нѣтъ никакого дѣла? Ахъ, я не знаю, не знаю, что мнѣ думать обо всемъ этомъ!.. Если бы вы знали, Елена Кирилловна, сколько тяжелаго я переживаю за это время... — Нелли закрыла лицо руками и заплакала.

Елена Кирилловна не знала, какъ утѣшать ее. Она боялась высказывать свое мнѣніе, отгадывая, что Нелли что нибудь знаетъ объ отношеніяхъ своей матери къ ненавистному ей барону.

— О чемъ говорятъ они?! — продолжала Нелли сквозь слезы. — Стоить имъ издали услышать мои шаги, какъ разговоръ обрывается... Мамал часто имѣетъ какой то пришибленный видъ... она шагу не дѣлаетъ безъ руководства этого нѣмца... А въ Дрезденѣ?! За чѣмъ Фихтентоль безпрестанно вызываетъ ее въ Берлинъ? Мамал воображаетъ, что я все еще глупая дѣвочка и меня можно обманывать всяческими вымыслами. Я все вижу. Бѣдная мамал часто плачетъ; я чувствую, что она страдаетъ отъ чего то и подчиняется Фихтентолю, котораго не любить... Ахъ, не удивляйтесь, Елена Кирилловна, что я такъ говорю про мамал. Я все понимаю и такъ устала всегда молчать и молчать и копить въ себѣ. Знаете, что было въ Дрезденѣ передъ отъѣздомъ сюда? Когда я узнала, что вслѣдъ за нами явится сюда и этотъ баронъ, я объявила мамал, что не поѣду и останусь въ Дрезденѣ ожидать ея возвращенія. Сперва она не соглашалась, но когда я рѣшилась откровенно высказаться и созналась, что присутствіе Фихтентоля для меня невыносимо, что я питаю къ нему глубочайшую антипатію, мамал сдалась и оставила меня въ покоѣ. Поймите мое возмущеніе, когда черезъ нѣсколько дней за обѣдомъ, узнавъ изъ нашего разговора, что я не ѣду въ деревню, Фихтентоль поднялъ удивленно брови и, намѣренно не считаясь съ моимъ присутствіемъ, объявилъ мамал, что это неприлично и что я должна ѣхать. Мамал слабо попробовала не согласиться съ нимъ; тогда онъ, съ раздражающей миной презрительнаго высокомерія, котораго я не терплю въ немъ, сказалъ мамал, что всѣ ея рѣшенія, принятые безъ его совѣта, всегда легкомысленны и безтактны. Я вспыхнула.

Это была наша первая открытая ссора. Кончилось тѣмъ, что маман измѣнила свое рѣшеніе и заставила меня ѣхать. Я видѣла, что Фихтентоль торжествовалъ. Съ тѣхъ поръ онъ въ отношеніяхъ со мной сдѣлался еще небрежнѣе. Я чувствую, что, несмотря на всю мою застѣнчивость, между нами скоро разыграется драма. . .

— Не совѣтую вамъ, Нелли, наживать врага. Судя по тому, что вы говорите, онъ можетъ быть опаснымъ врагомъ.

— Онъ уже давно врагъ мнѣ. . . можетъ быть и не одной мнѣ. . . — загадочно добавила Нелли. — Какъ бы то ни было, у меня есть одинъ планъ, и я его выполняю. Я должна это сдѣлать и сдѣлаю.

— Что вы затѣяли, Нелли? Подѣлитесь со мной.

— Я рѣшила осторожно подобрать ключъ къ его комнатѣ, и когда онъ уѣдетъ на охоту, забраться къ нему и перерыть его бумаги.

— Нелли, я васъ прошу, во имя дружбы ко мнѣ, не дѣлать этого. Можете быть увѣрены, что всѣ свои бумаги онъ держитъ подъ замкомъ, можетъ быть у него и бумагъ нѣтъ никакихъ. . .

— Какъ нѣтъ?! — съ живостью перебила Нелли. — Изъ боковой дорожки сада отлично виденъ его письменный столъ; когда онъ тамъ занимается, я, проходя мимо, не разъ видѣла, какъ онъ перелистывалъ цѣлыя кипы какихъ то бумагъ. О, нѣтъ, бумагъ у него много и у меня есть данныя предполагать, что онъ очень оберегаетъ ихъ отъ посторонняго взгляда.

— И всетаки не совѣтую вамъ рисковать. Изъ чувства мести онъ можетъ быть способенъ на какой угодно поступокъ.

— Какъ же мнѣ быть? Я должна знать, что такое Фихтентоль, — съ несвойственнымъ ей упрямствомъ, настаивала Нелли.

— Предоставьте все случаю.

— Нѣтъ, я и безъ того слишкомъ долго ждала. Я не могу жить и мучиться сомнѣніями... Знаете, Елена Кирилловна, — заговорила Нелли послѣ продолжительнаго молчанія, — у меня была подруга въ институтѣ, которую я страшно любила, и мы другъ другу дали клятву, что если до двадцати одного года мы не выйдемъ замужъ, то непременно поступимъ въ монастырь. Она умерла черезъ годъ послѣ выпуска, но я увѣрена, что она поступила бы въ монастырь и не нарушила бы клятвы. Я ее нарушаю. и Господь меня наказываетъ, посылая мнѣ горькую жизнь въ домѣ матери. Замужъ я не выйду, потому что я некрасива, неинтересна и никто меня не полюбитъ, а ради какихъ-то расчетовъ Фихтентоля ни за что за нѣмца не пойду. Значить, мнѣ одна дорога — монастырь... — чуть слышно dokonчила Нелли.

— Вы сегодня настроены такъ мрачно, Нелличка, что я не знаю, что и отвѣчать вамъ. Пойдемте лучше къ отцу Ильѣ. Я ему несу печенья, привезенныя изъ города; будемте у него пить чай, и, можетъ быть, ваша тоска разсѣется.

— Елена Кирилловна поднялась съ мѣста, взяла зонтикъ, пакетикъ съ печеньемъ, и онѣ прошли черезъ заднюю часть парка, мимо амбаровъ, къ рѣкѣ, а оттуда свернули на дорогу, ведущую черезъ село къ домику отца Ильи.

XIX.

Нелли сидѣла въ саду на боковой дорожкѣ, изъ которой виденъ былъ въѣздъ къ парадному крыльцу. Книжка лежала на колѣняхъ. Она волновалась и не могла читать. Черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ придти отецъ Ильи; Нелли поджидала его, чтобы встрѣтить у подъѣзда

и вмѣстѣ съ нимъ войти въ гостиную, гдѣ завтракала ея мать и прїѣзжіе гости въ ожиданіи завтрака.

Вскорѣ показалась на прямой, засаженной густыми тополями, аллеѣ, высокая, прямая фигура отца Ильи. Нелли поднялась со скамьи и почти бѣгомъ направилась къ нему. Волненіе ея увеличивалось. Она боялась для отца Ильи предстоящаго завтрака и въ то же время чувствовала, что, при малѣйшей насмѣшкѣ или неуваженіи къ нему со стороны кого либо изъ гостей, — она станетъ на его защиту, и это неминуемо повлечетъ ссору съ Фихтентолемъ. Она и боялась и, въ то же время, желала крупной ссоры, которая выяснила бы ему, наконецъ, что она уже не ребенокъ и требуетъ къ себѣ уваженія.

Нелли нагнала отца Илью на ступеняхъ крыльца. Снявъ бѣлую соломенную шляпу съ черной лентой, онъ отиралъ чистымъ бѣлымъ платкомъ потъ съ высокаго загорѣлаго лба. Изъ подъ черной поношенной, но опрятно вычищенной рясы выглядывалъ бѣлый воротничекъ.

— Здравствуйте, батюшка. Я васъ поджидала.

— Съ добрымъ утромъ, милая Елена Михайловна. Жарко сегодня.

— Пройдемте поскорѣе въ гостиную, — тамъ у насъ всегда прохладно.

Черезъ залъ, въ которомъ солнце играло яркими бликами на паркетѣ и на крышкахъ двухъ роялей Нелли провела отца Илью въ гостиную.

Фихтентоль и инженеръ, прїѣхавшій осушать болота, дѣлать гати и просѣки, маленькій, толстый нѣмецъ, съ глазами пивного цвѣта, куркій и подвижной, сидѣли въ отдаленномъ углу за шахматной доской. Стоякая сидѣла на качалкѣ подлѣ открытаго въ садъ окна, на которомъ красовалась великолѣпная саксонская ваза, съ большимъ букетомъ розъ. Противъ нея, покуривая папиросу, сидѣлъ пожилой, представительный нѣмецъ съ сѣдыми усами,

коротко подстриженными волосами, щеголевато одѣтый, со сдержанными манерами. Это былъ фонъ-Пиллау, другъ Фихтентоля, занимавшій въ Берлинѣ довольно видный постъ въ генеральномъ штабѣ.

При появленіи отца Ильи, Стоцкая, съ манерой свѣтской женщины, поднялась съ кресла и, любезно улыбаясь, пошла навстрѣчу священнику.

— Очень рада, батюшка, видѣть васъ у себя. Позвольте вамъ представить моихъ гостей. Пожалуйста, садитесь сюда, — здѣсь у окна вамъ будетъ прохладаѣе.

Отецъ Илья протянулъ Стоцкой руку, пристально и серьезно посмотрѣлъ на нее, сдѣлалъ общій поклонъ и, вынувъ изъ кармана завернутую въ бумагу просфору, подалъ ее хозяйкѣ дома.

— Не уютно ли вамъ нашей просфоры. Вынулъ за обѣдной частицу о вашемъ здравіи. — Отецъ Илья сѣлъ на указанное ему у окна мѣсто. Нелли сѣла позади матери.

— Надолго ли пріѣхали погостить сюда или, быть можетъ, совсѣмъ поселиться тутъ надумали? — обратился онъ къ Стоцкой.

— Думаю пробыть до конца сентября, но поселиться въ деревнѣ никогда не могла бы. Я слишкомъ привыкла къ жизни въ большихъ городахъ.

— Да, надо имѣть большую привычку, чтобы мириться съ деревенской жизнью, — просто отвѣтилъ отецъ Илья и замолкъ. Взглядъ его, строгій и внимательный, поочередно останавливался на каждомъ изъ присутствовавшихъ гостей.

— Вы шифете тафно стѣсь? — мягкимъ акцентомъ коверкая русскій языкъ, обратился Пиллау къ отцу Ильѣ.

— Давно. Болѣе двадцати лѣтъ.

— Это слишкомъ много для такого... деревенскаго мѣстожительства, — ища слова, говорилъ Пиллау. Обык-

новенно въ домѣ говорили по французски или по нѣмецки. Ради визита священника надо было говорить по русски.

— Развѣ вы не могли бы, батюшка, хлопотать о переводѣ васъ въ другое мѣсто, въ городъ какой нибудь? — стараясь поддерживать неинтересный для нея разговоръ, спросила Стоцкая.

— Случаи представлялись, но я отклонялъ ихъ.

— Вамъ такъ нравится эта глухая деревенька?

— Я рѣшилъ остаться здѣсь до моего конца.

— У васъ семья здѣсь?

— Была, теперь я одинокъ.

— Это очень трудно. Деревня, никакой культуръ, никакой библіотека. . .

— Главнымъ образомъ, конечно, тяжело безъ книгъ.

— Ви много шитайте? Ви любите шитать? — одобрительно помоталъ головой Пилау.

— Въ молодости читалъ много, а теперь приходится читать мало, за неимѣніемъ книгъ.

— Пожалуйста, батюшка, располагайте нашей библіотекой. Книгъ здѣсь очень много, — любезно предложила Стоцкая.

— Здѣсь все ученые книги: философы, наши философы, auch französische, классики. . .

— Эту всю библіотеку я давно перечиталъ при жизни владѣльца ея, здѣшняго помѣщика, съ которымъ мы ее и составляли.

Фихтентоль, имѣвшій способность заниматься чѣмъ нибудь и въ то же время слѣдить за разговоромъ, съ удивленіемъ поднялъ глаза на отца Илью.

— Что же вы скажете о нашихъ философахъ? — съ твердымъ, но чистымъ акцентомъ, не выдающимъ иностранца, обратился онъ къ отцу Ильѣ, прерывая игру.

— Люблю читать ихъ и уважаю ихъ глубокий умъ. хотя и не во всемъ съ ними соглашаюсь.

— Вы читали Ницше?

— Читалъ.

— Какого вы о немъ мнѣнія?

— Философія Ницше представляется мнѣ плодомъ геніальнаго ума, повергнутого въ безысходную тьму.

Нелли начинала испытывать успокоеніе: она видѣла по лицу Фихтентоля и Пилау, что они удивлены встрѣтить въ священникѣ маленькаго захолустнаго мѣстечка столько начитанности и такого умѣнія держать себя просто и съ достоинствомъ. Въ каждомъ движеніи и взглядѣ отца Ильи было что то, внушающее къ нему уваженіе. За завтракомъ, который подавалъ лакей, привезенный съ собой Стоцкой изъ Дрездена, разговоромъ управлялъ Фихтентоль. Онъ выказалъ много любознательности по отношенію земства, уклада жизни крестьянъ, ихъ нуждъ, ихъ запросовъ и съ большимъ интересомъ слушалъ толковыя и подробныя разъясненія отца Ильи на всѣ, интересующіе его вопросы.

Въ концѣ завтрака, когда уже былъ поданъ кофе, Нелли вполголоса спросила у матери, получена ли почта?

— Да, сегодня много привезли со станціи, — отвѣтила мать. — Есть письма отъ Мери Игнагъевой и ея матери, и отъ дяди Жоржа есть письмо.

— Я хотѣла бы прочесть. Гдѣ письма?

— У меня въ кабинетѣ; кажется, на письменномъ столѣ.

Нелли встала, чтобы пойти за письмами. Въ эту минуту Фихтентоль, казавшійся поглощеннымъ разговоромъ съ отцомъ Ильей о земледѣльческихъ машинахъ, но отлично слышавшій разговоръ Нелли съ матерью, бросилъ на Стоцкую холодный и строгій взглядъ. Она, не понявъ его, незамѣтно пожала плечами.

— Die Tür ist zu. (дверь заперта), — скороговоркой бросил онъ въ ея сторону, но Нелли разслышала сквозь зубы произнесенные слова.

— Дайте ключъ, мамал, — тихонько спросила она, стараясь не мѣшать общему разговору.

— Ахъ, Боже мой, я комнату не закрывала. Пойди и возьми письма.

— Der Schlüssel ist bei mir. Bitte ruhig zu bleiben, Sie stören mich. (Ключъ у меня. Пожалуйста успокойтесь и не мѣшайте мнѣ). — Фихтентоль быстро обернулся къ Нелли, стоявшей за его спиной и ожидавшей ключа отъ матери. Лицо его выражало досаду, въ глазахъ было холодное пренебреженіе.

— Можете оставить ключъ у себя, — блѣднѣя подъ оскорблявшимъ ее взглядомъ отвѣчала Нелли, — я открою ключемъ отъ моей комнаты.

Она повернулась и быстро вышла изъ столовой. Никто, кромѣ Стоцкой, не слышалъ этого короткаго, на видъ спокойнаго разговора. Черезъ нѣсколько секундъ Фихтентоль дѣлая видъ, что не находитъ въ карманѣ портъ-сигара, поднялся и тоже вышелъ. Онъ нагналъ Нелли въ корридорѣ.

— Вы не умѣете себя держать, mein Fräulein... васъ надо учить... — злымъ голосомъ произнесъ онъ, останавливая ее.

— Что такое?.. Какъ вы смѣете!.. Вы забываетесь!.. я не позволю... — задыхаясь отъ мгновенно нахлынувшего на нее гнѣва, произнесла Нелли, отступая съ него.

— Какъ я смѣю?.. О, mein Fräulein, я все смѣю. Вижу, что вы желаете, чтобы я это доказалъ вамъ. Берегитесь. Вы начинаете мѣшать мнѣ. Помните, что людей, которые мнѣ мѣшаютъ, я обрасываю съ своего пути безъ пощады. Будьте кротки и послушны, или...

— Я ненавижу васъ, баронъ...

— Тѣмъ хуже для васъ, потому что такъ или иначе, а я заставлю васъ подчиниться моей волѣ.

— Никогда!.. Этого никогда не будетъ!.. Скорѣе я умру, — сверкая глазами и топнувъ ногой, воскликнула Нелли. Она точно переродилась. Баронъ былъ пораженъ и вдругъ ему стало ясно, что эта застыбчивая дѣвушка, потерявъ самообладаніе въ ненависти къ нему, можетъ быть опасна.

— Берегитесь, — вѣско произнесъ онъ, пристально разглядывая ея возбужденное гнѣвомъ, пылающее лицо, — для дѣвушекъ, теряющихъ рассудокъ, и въ Россіи, и въ Германіи существуютъ сумасшедшіе дома. — Онъ обдалъ Нелли взглядомъ, полнымъ холодной ненависти, повернулся и быстро пошелъ обратно въ столовую.

Нелли нѣсколько минутъ стояла прижавшись къ стѣнѣ корридора, съ неподвижно устремленнымъ въ одну точку взглядомъ. Въ послѣднихъ словахъ Фихтентоля и въ особенности въ звукѣ его голоса, прозвучала страшная угроза челоуѣка, увѣреннаго въ собственной силѣ и власти.

— Вонъ, вонъ отсюда... лучше монастырь, лучше смерть, чѣмъ эта жизнь... Матап мнѣ не защита... какой ужасъ! Боже, Боже, какъ я несчастна!.. — Нелли заплакала безпомощными слезами. Плечи ея вздрагивали, рыданія тѣснили грудь; сквозь тѣсно сжатые пальцы струились слезы. Она рѣшилась тотчасъ же по уходѣ отца Ильи объясниться съ матерью. Такъ какъ дверь ея кабинета оставалась запертой, Нелли прошла на маленькую террасу, примыкавшую къ кабинету и спальнѣ Стоцкой. Дверь въ спальню также была закрыта; черезъ стекло Нелли увидала на кругломъ столѣ посреди комнаты раскрытый портфель Фихтентоля, нѣсколько распечатанныхъ большого формата, конвертовъ и нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги. Окно изъ спальни было открыто.

● — Пролѣзть черезъ окно въ спальню... отгудѣ войти въ кабинетъ... узнать, что это за бумаги, которыя онъ такъ охраняетъ... — внезапно родилась у Нелли мысль. Сердце забилося тревожно. Она подошла къ окну, но чувство порядочности удержало ее.

— Надо дѣйствовать открыто. Попробую открыть комнату своимъ ключемъ.

Нелли быстро пробѣжала черезъ садъ на большую террасу, оттуда черезъ гостиную къ своей комнатѣ. Ключа въ двери не оказалось. Нелли стояла пораженная.

— Какая дерзость! Надо положить конецъ его власти... уѣду... скажу татап, что не могу и не хочу больше терпѣть, — шептала Нелли, кусая губы и глотая слезы. Она вернулась на терраску подлѣ кабинета матери, рѣшивъ дожидаться ее тамъ. Стоя у открытаго въ спальню окна, она вскорѣ услышала, какъ поворачивали ключъ въ замкъ двери и вслѣдъ затѣмъ холодный голосъ Фихтентоля:

— Ваша разсѣянность, *meine gnädige Frau*, непростительна. Если бы не моя привычка слѣдить за каждымъ вашимъ поступкомъ и словомъ, *dieses unfertägliche Fräulein* вошла бы въ вашу комнату и, конечно, не отказала бы себѣ въ удовольствіи рыться въ бумагахъ.

— Нелли деликатна... ее не могутъ интересовать ваши бумаги... — возразила Стоцкая виноватымъ голосомъ.

Нелли сѣла на подоконникъ и вся обратилась въ слухъ. Въ эту минуту она отбросила мысль, что совершаетъ неблаговидный поступокъ подслушиванія.

— Вы говорите глупости. Эти бумаги — тайна, и никто не долженъ знать о ихъ существованіи.

— Ахъ, Боже мой, да просто забыла, что вы ихъ оставили у меня...

— Тѣмъ хуже. Вы не имѣете права забывать то, что касается государственной тайны, за которую награждаетесь нашимъ кайзеромъ очень щедро. Кромѣ того, я очень

серьезно заявляю вамъ еще разъ, что считаю Fräulein Нелли крайне опасной. У нея скверный характеръ, слишкомъ много любви къ Россіи и ненависти ко мнѣ; всѣ эти данныя заставляютъ меня еще разъ напомнить вамъ, что одно ея неосторожное предательское слово можетъ погубить и всю организацію и насъ самихъ. Здѣсь вопросъ многихъ жизней. Если вы не озаботитесь такъ или иначе удалить ее, то придется ваяться за дѣло мнѣ самому. Вы ее дурно воспитали. Если бы это была моя дочь или сестра, я бы давно сумѣлъ ей внушить уваженіе къ моей волѣ. Она не знаетъ своего мѣста. Когда я вышелъ вслѣдъ за ней изъ столовой она нагрубила мнѣ. Прошу васъ проучить ее.

— Но что же я могу сдѣлать, топ ами? — Голосъ Стоцкой слегка дрожалъ. — Вѣдь Нелли двадцать два года. Я не могу заставить ее любить васъ...

— Этого я и не требую. Заставьте ее уважать меня и подчиняться мнѣ.

— Какъ?..

— Когда на карту ставится безопасность государственныхъ услугъ, то не приходится выбирать способовъ. Наказывайте ее, затворяйте на ключъ въ комнатѣ, бейте ее, что хотите дѣлайте...

— О, этого я не умѣю... — чуть слышно произнесла Стоцкая.

— А я умѣю, — прозвучалъ рѣзкій, холодный отвѣтъ. — До сихъ поръ я нигдѣ не могу найти клочка бумаги съ замѣтками. Вы искали у себя?

— Я все перешарила и не нашла.

— Я увѣренъ, что ее нашла и спрятала у себя ваша дочь.

— Что за фантазія! Если бы она нашла, то, конечно, отдала бы вамъ или мнѣ.

— Вы плохо знаете вашу дочь, мало ее наблюдаете. Рекомендую вамъ выдать ее замужъ. von Müller ждетъ съ

вашей стороны хоть легкаго намека, что не будетъ от-
вергнуть, чтобы сдѣлать предложеніе вашей дочери. Пар-
тія прекрасная, и мы будемъ, наконецъ, свободны отъ ея
присутствія. На эту тему я говорю въ послѣдній разъ, но
предупреждаю васъ, gnädige Frau, что не остановлюсь ни
передъ чѣмъ, — Фихтентоль вѣско подчеркнулъ послѣд-
нія слова, — чтобы гарантировать безопасность нашего
дѣла. — Фихтентоль собралъ со стола въ портфель бума-
ги и вышелъ изъ комнаты.

Нелли продолжала сидѣть на подоконникѣ, присло-
нивъ голову къ рамѣ. Она была какъ въ оцѣпененіи. Ея
мозгъ отказывался воспринять ужасъ всего, что она слы-
шала минутой тому назадъ. Она чувствовала себя сбро-
шенной въ темную пропасть, изъ которой ей не было вы-
хода. Все рушилось, все погибло вокругъ нее. Для нея
теперь было ясно, что ея мать за одно съ Фихтентолемъ
служили интересамъ германскаго правительства, преда-
вая Россію. Ужасъ и позоръ заледенили ея мозгъ. Темныя
роковыя тѣни выступили изъ яркаго солнечнаго дня и
окружили ее. Зловѣщія предчувствія тѣснили сердце...
Нелли осторожно встала съ подоконника, сошла съ тер-
расы въ садъ, ничего не видя на своемъ пути, прошла къ
себѣ въ комнату, прикрыла дверь и легла на кровать ли-
цомъ въ подушки. Слезъ не было. Въ ней и вокругъ нея
была холодная, зловѣщая, смертельная пустота. Такъ про-
лежала она до ночи, отказываясь выйти къ обѣду и ве-
чернему чаю, ссылаясь на мигрень. Мать заходила къ
ней два раза, но Нелли притворилась спящей: ей было
страшно видѣть лицо матери, предающей ея родину не-
навиственному нѣмцу.

Была глухая полночь, когда Нелли, вся ослабѣвшая,
съ острой болью отчаянія, поднялась съ кровати, зажгла
у письменнаго столика свѣчи и блѣдная, съ беспорядоч-
но падавшими на лобъ волосами, со странно остановив-

шемся взглядомъ, достала листъ бумаги и принялась писать въ лихорадочномъ порывѣ. Перо быстро мелькало со строчки на строчку. Исписавъ четыре листа, Нелли достала изъ сумочки утеранный Фихтентолемъ клочекъ бумаги, присоединила къ написанному, вложила въ конвертъ, надписала, спрятала въ сумочку, потушила свѣчи, растворила окно, въ которое ворвался свѣжій ночной воздухъ, опустилась рядомъ въ кресло, откинула на спинку голову и, закрывъ глаза, застыла безъ движенія и безъ сна до самаго утра.

XX.

Утренній кофе разносился по комнатамъ; до завтрака жизнь въ деревенскомъ домѣ шла врозь. Гости представлены были самимъ себѣ, и Стоцкая до часу дня не выходила изъ своихъ комнатъ. Нелли знала, что это было единственное время, когда можно было говорить съ матерью безъ помѣхи. Освѣжившись и оправивъ на скорую руку свой туалетъ, помятый послѣ безсонной ночи, все съ тѣмъ же острымъ чувствомъ страданія и сознанія безысходности положенія, Нелли, не испытывая больше робости, какъ бывало прежде передъ серьезнымъ объясненіемъ съ матерью, прошла черезъ гостиную и залъ въ коридоръ, куда выходили комнаты Стоцкой и двери кабинета и спальни Фихтентоля. Проходя мимо его двери, она услышала металлическій голосъ, отдававшій приказанія:

— Немедленно пошлите нарочнаго на станцію... сдать пакетъ заказнымъ...

Нелли вздрогнула. Теперь она знала, что содержали всѣ эти такъ аккуратно отправляемые за границу пакеты. Она быстро скользнула мимо и постучала въ дверь матери.

— На кого ты похожа, Нелли? Что съ тобой? Ты со-

всѣмъ больна, — встревоженнымъ голосомъ произнесла Стоцкая, поднявъ на дочь глаза.

— Мнѣ лучше.

— На тебѣ лица нѣтъ, мой другъ... — Стоцкая дотронулась до лба дочери. — Жару нѣтъ, но ты такъ блѣдна...

Нелли отклонила руку матери и, съ неподвижнымъ, путающимъ Стоцкую взглядомъ, сѣла противъ нея.

— Мамал, я рѣшила уѣхать отсюда, — тихимъ, но твердымъ голосомъ произнесла Нелли.

— Уѣхать? Куда же ты уѣдешь? — съ изумленіемъ переспросила Стоцкая.

— Все равно куда, но я уѣду... Сложу свои вещи и завтра же уѣду.

— Нелли, мой другъ, что ты затѣяла? Я знаю въ чемъ дѣло. Вчера ты опять повздорила съ барономъ, онъ говорилъ мнѣ. Ты не права. Ты должна быть вѣжливей и любезнѣе съ нимъ... Ты знаешь, что это мой другъ... мой единственный другъ...

— Этотъ нѣмецъ вашъ другъ, мамал? — поднявъ на мать пристальный, полный укора взглядъ, значительно произнесла Нелли.

— Нѣмецъ или русскій — это никакого значенія не играетъ. Онъ достойный человѣкъ, и я...

— Фихтентоль низкій человѣкъ... Я презираю его... — не повышая голоса, рѣшительно проговорила Нелли.

— Что съ тобой случилось?.. Я не узнаю тебя! Твоя ненависть, совершенно ни на чемъ не основанная, переходитъ всякія границы.

Стоцкая была поражена. Никогда Нелли не позволяла себѣ такъ говорить съ матерью. Она видѣла, что съ дочерью происходитъ нѣчто странное.

— Послушай, мой другъ, — мягко обратилась она къ ней, *tu es de l'âge, quand les jeunes filles doivent être mariées.*

Зачѣмъ ты отстраняешь отъ себя молодыхъ людей, ищущихъ тебя. von Müller прекрасная партія, и я была бы очень довольна...

— Этого, тамап, никогда не будетъ. Ни за какого нѣмца замужъ я не выйду, да и вообще... я теперь не думаю объ этомъ... Прошу васъ не заботиться о моей будущности.

— Что же ты придумала?

— Я ухожу въ монастырь.

— Что такое?!. Изъ за ссоры съ Фихтентолемъ ты въ монастырь собираешься? Что за глупое ребячество! Пожалуйста перестань.

— Фихтентоля я презираю, и его личность не можетъ играть никакой роли въ моихъ рѣшеніяхъ. Прошу васъ, тамап, не мѣшать мнѣ. Я все равно уѣду.

— Да куда ты поѣдешь? Что за глупости! — вспылила Стоцкая.

— Я вамъ сказала, тамап, куда.

— Никуда ты не поѣдешь! Изволь примириться съ барономъ и держать себя корректно по отношенію его и всю эту ерунду, пожалуйста, выкинь изъ головы.

— Не только мириться съ барономъ я не могу, но даже и руки ему больше не подамъ. Если вы, тамап, не отпустите меня, я уйду сама, или...

— Ты положительно съ ума сошла, или ты больна и не отдаешь себѣ отчета въ томъ, что ты говоришь. Такія дѣла не рѣшаются въ одну минуту. Дай мнѣ обдумать...

— Вы будете совѣтоваться съ барономъ, — горькая улыбка мелькнула на губахъ Нелли. — Я это хорошо знаю, но это не поможетъ, тамап: я сдѣлаю то, что сказала вамъ.

— Сдѣлай милость, не терзай меня! — раздраженно воскликнула Стоцкая, — и не устраивай *scandale de famille*, можешь возвращаться въ Дрезденъ.

— Въ Германію я больше ни за что не поѣду.

— *Définitivement tu deviens folle.*

— Я это вчера уже слышала отъ барона.

— *Et bien, il a raison.* Уйди, оставь меня въ покоѣ. — Стоцкая встала съ кресла, подошла къ окну и съ раздраженіемъ распахнула его.

Нелли молча направилась къ двери. Она была на порогѣ, когда мать ее остановила.

— Скажи, пожалуйста, тебѣ случайно не попадался на глаза ключекъ бумаги, съ нѣсколькими, очень нужными по дѣлу барона замѣтками?

Нелли, держась за ручку двери, медленно повернула въ сторону матери голову и нѣсколько минутъ, какъ бы обдумывая свой отвѣтъ, молчала.

— Да, этотъ листокъ я нашла, — тихо отвѣтила она, наконецъ.

— Отчего же ты до сихъ поръ не возвратила его и молчишь? — съ замѣтной тревогой спросила Стоцкая.

— Я не знала, что это такъ важно.

— Не важно, а нужно. Сейчасъ же принеси его.

— Нѣтъ, мамал, этотъ листокъ исписанъ рукой барона, пусть онъ и спрашиваетъ его у меня.

— Тебѣ угодно новой ссоры? Баронъ крайне раздраженъ потерей этихъ замѣтокъ и если узнаетъ, что ты нашла ихъ и держишь почему то при себѣ, — онъ наговорить тебѣ, совершенно заслужено, массу непріятныхъ вещей. Дай ихъ сюда. Я скажу, что нашла у себя въ столѣ.

— Мнѣ совершенно безразлично, что бы ни наговорилъ баронъ; тѣмъ болѣе, что завтра меня здѣсь не будетъ, апатично, какъ бы съ усиліемъ продолжая объясненіе, проговорила Нелли.

— Наконецъ, это ни что не похоже! Объяснись наконецъ, что произошло съ тобой? Что значать эти трагикомедіи.

— Я вамъ сказала все, маман, — Нелли потушила взглядъ.

— Въ такомъ случаѣ, пеняй на себя, если услышишь отъ барона дерзости. Ты дѣйствительно становишься невыносима, я начинаю съ нимъ соглашаться. — Стоцкая съ раздраженіемъ хотѣла перебросить шелковую подушку съ одного кресла на другое. Подушка упала на полъ. Нелли подняла ее и вышла изъ комнаты. Она вернулась къ себѣ, достала изъ ящика письменнаго стола мѣшочекъ, въ которомъ было запрятано письмо, написанное ночью, и, не желая никого встрѣтить, окольными дорожками прошла черезъ паркъ къ Еленѣ Кирилловнѣ. Она застала ее за работой воздуховъ для алтаря деревенской церкви. Передъ ней на подоконникѣ раскрытаго въ садъ окна, лежали мотки блестящихъ яркихъ шелковъ. По бѣлому атласу ложились подъ искусными пальцами букетики розъ съ нѣжными, зелеными листками.

— Къ вамъ можно, Елена Кирилловна? — прикрывая за собою дверку, тихо спросила Нелли и остановилась у входа.

— Нелли, вы больны? У васъ ужасный видъ.

— Мнѣ надо кое о чемъ попросить васъ и вообще... поговорить...

Елена Кирилловна, услышавъ этотъ заглушенный, точно надтреснутый голосъ и всмотрѣвшись въ измѣнившееся лицо, со строгимъ остановившимся взглядомъ, поняла, что случилось что то очень серьезное и нехорошее.

— Бѣдная Нелли, что съ вами?

Нелли, какъ бы не имѣя силъ двинуться, оперлась спиной и головой о стѣну, опустила вдоль тѣла руки и закрыла глаза.

— Нелли!.. Нелли!.. — бросилась къ ней Елена Кирилловна.

— Я умерла... умерла... Пусто, все пусто... во-

кругъ меня и во мнѣ такая страшная пустота... — она медленно подняла руку и прижала ее къ груди... Я ухожу отсюда навсегда... завтра же уѣду...

— Куда, Нелли? — У Елены Кирилловны на глазахъ заблестѣли слезы.

— Зарыться въ монастырь... Куда никуда далеко, чтобы все, все забыть...

— Что за внезапное рѣшеніе! Что никуда случилось, Нелли?

— Да, случилось ужасное... не въ монастырь я бы хотѣла, а умереть, исчезнуть... Ради Бога не спрашивайте меня ничего...

— Но, дорогая моя, вы не можете такъ одиноко страдать. Вѣдь я другъ вамъ... облегчите себя. — Елена Кирилловна обняла ее за плечи.

— Нѣтъ, нѣтъ... мое страданіе никто и ничто облегчить не можетъ. Я пришла къ вамъ вотъ зачѣмъ: когда вы получите отъ меня извѣстіе, что я въ монастырь, прошу васъ, передайте сами, или черезъ довѣренное лицо это письмо Владиміру Сергѣевичу Карину. Оно очень важно, и его нельзя довѣрять почтѣ. Прошу васъ, дорогая, изъ рукъ въ руки. Это просьба умирающей. Идя въ монастырь, я вычеркиваю себя изъ списка живыхъ, а можетъ быть Господь сжалятся надо мной и пошлетъ мнѣ смерть.

— Нелли, я готова исполнить вашу просьбу, но выслушайте меня, вашего друга, и не разсердитесь за то, что я вривалась въ жизнь вашего сердца. Вы говорили мнѣ, что могли бы полюбить Карина. Если вы пишете ему объ этомъ, то, зная его, предостерегаю васъ: не дѣлайте этого. Онъ можетъ подумать, что отчасти онъ причина вашего удаленія отъ міра и, конечно, будетъ мучиться. Зачѣмъ доставлять ему это ненужное страданіе?

Нелли покачала головой:

— Если бы сейчасъ я узнала, что Владиміръ Сергѣевичъ свободенъ и полюбилъ меня, то это не измѣнило бы моего рѣшенія похоронить себя отъ жизни и не облегчило бы моего страданія. Все кончено для меня.

— Нелли, сядьте, попробуйте поговорить со мной; вамъ необходимо успокоиться.

Нелли сдѣлала слабый отрицательный жестъ головой.

— Пойдите къ отцу Ильѣ. Онъ все пойметъ, и, какъ на исповѣди, вы можете ему все довѣрить.

— Не сейчасъ; я приду вечеромъ попрощаться съ нимъ. Мнѣ надо быть одной... Прощайте, Елена Кирилловна. Молитесь иногда за меня. Вотъ что еще: скажите Карину, что мою мать я поручаю его доброму и благородному сердцу.

Нелли, не проронивъ ни одной слезы, простилась съ Еленой Кирилловной. Ея сердце будто умерло и не могло больше отзываться ни на какія чувства.

Вернувшись въ свою комнату, Нелли велѣла принести дорожный чемоданъ и, закрывъ на задвижку двери, уложила самыя необходимыя вещи. Къ завтраку она не вышла. Покончивъ съ укладкой, она сѣла у окна, сложила руки и опять застыла въ неподвижности. Всегда пышно причесанные волосы были теперь гладко и небрежно подколоты у затылка; осунувшееся лицо, съ черными вокругъ глазъ и висковъ тѣнями, стало совсѣмъ не красивымъ. Она опустила голову и закрыла глаза, но сквозь опущенныя вѣки солнечный свѣтъ раздражалъ истомленные безсонницей глаза. Нелли задернула темную штору. Понемногу легкая дремота стала навѣвать забвеніе, и скорбныя мысли одна за другой таяли въ легкихъ полуснахъ о чемъ то тихомъ, радостномъ и легкомъ. Прощель часъ, другой. Стукъ въ дверь разсѣялъ дремоту. Нелли сразу очнулась, и въ полумракѣ комнаты цѣпкіе когти ужаса и тоски острѣе впились въ сердце.

— Что надо? Кто стучить? — Нелли чувствовала, как забилось въ непонятномъ страхѣ ея сердце.

* — Fräulein Нелли, Herr Baron просить васъ прійти сейчасъ же въ бесѣдку надъ рѣкой, — говорилъ лакей Фихтентоля. — Что прикажете доложить?

— Sagen Sie, dass ich komme gleich, *), — отвѣтила Нелли. Сердце продолжало усиленно биться. Она предчувствовала тяжелую сцену, но твердо рѣшила, побѣдивъ минутный страхъ, высказать Фихтентоллю свое презрѣніе и его причины. Оправивъ волосы и выпивъ воды, Нелли черезъ боковое крыльцо, не желая никого встрѣтить, вышла въ паркъ. Пока она шла къ бесѣдкѣ, находившейся въ самой отдаленной его части, волненіе улеглось и холодная рѣшимость заступила мѣсто страха.

— Опершись о деревянныя перила бесѣдки, спиной къ обрыву, со скрещенными на груди руками, стоялъ Фихтентоль. Его лицо было блѣдно, ноздри вздрагивали. Глаза, холодные и злые, смотрѣли въ упоръ на приближавшуюся дѣвушку. Нелли остановилась у порога бесѣдки и молча смотрѣла на Фихтентоля. Въ ея глазахъ онъ не прочелъ ни робости, ни страха. Злоба кольнула его.

— Что вамъ угодно? — холодно спросила Нелли.

— Мнѣ угодно знать, принесли ли вы утерянный мной листокъ? — не измѣняя позы отвѣтилъ Фихтентоль вопросомъ на вопросъ.

— Нѣтъ, я его не принесла.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь принести его. Я подожду.

— Я бы хотѣла сперва объясниться.

— Это будетъ потомъ.

— Нѣтъ, я хочу сперва сказать вамъ, что...

*) Скажите, что я сейчасъ приду.

— Ни слова, Fräulein! Слышите ли: ни слова, — гнѣвно сверкая глазами и дѣлая шагъ впередъ, остановилъ ее Фихтентоль, слегка повышая голосъ. — Я предвижу, что объясненіе наше будетъ очень серьезно. Вы забываете, что мы въ паркѣ, гдѣ случайно кто нибудь можетъ насъ услышать.

— Сюда никто никогда не ходитъ.

— Это не гарантія, что именно теперь кто нибудь можетъ случайно проходить мимо. Слѣдуйте за мной. Тамъ дѣйствительно никто не услышитъ.

Фихтентоль быстро спустился по ступенямъ, ведущимъ по обрыву, внизъ, къ рѣкѣ. Заросшія мхомъ и плѣсенью ступени были скользки. Нелли, осторожно ступала по нимъ, хватаясь за густо росшія по бокамъ вѣтки кустарника. Фихтентоль спустился въ самый низъ къ рѣкѣ и стоялъ на крутомъ густо заросшемъ берегу. Здѣсь царила тишина, полумракъ и прохлада. Плакучія березы роняли въ зеленую гладь рѣки свои вѣтви, высокіе водоросли, сочные и упругіе, тихонько покачивались, ивы и кустарники плотной стѣной росли по всему обрыву. Нелли съ большимъ трудомъ пробиралась по крутому спуску. Колочія вѣтви цѣплялись за ея платье и за волосы. Она должна была поминутно останавливаться, ища, куда поставить ногу. Фихтентоль ожидалъ, стоя спиной къ ней и, въ явномъ раздраженіи, со свистомъ помахивалъ въ воздухѣ только что сорваннымъ гибкимъ пруткомъ ивы. Изъ подъ ногъ Нелли сорвался камень и съ плескомъ упалъ въ рѣку, нарушая таинственную тишину этого глухого, жуткаго мѣста. Фихтентоль обернулся. Нелли стояла въ двухъ шагахъ отъ него и смотрѣла на темно-зеленую, почти неподвижную гладь рѣки, со всѣхъ сторонъ окруженную высокими водорослями.

— Что вы имѣете сказать мнѣ? — Фихтентоль опять

скрестилъ руки; чуть замѣтнымъ движеніемъ кисти онъ слегка ударялъ себя по ногѣ прутомъ ивы.

— Что вы низкій и безчестный человѣкъ.

— Fräulein Нелли! . . — угрожающе, сквозь зубы произнесъ Фихтентоль, нервно сжимая кулакомъ пруть.

— Я знаю все. . . я слышала вашъ разговоръ съ маман, читала эти ваши замѣтки. . . уже въ Дрезденѣ я кое что начинала понимать, теперь же — мнѣ ясна ваша роль, я знаю, кто вы. — У Нелли блеснули глаза, на лицѣ выразилось глубочайшее презрѣніе.

— Вы знаете, кто я? Значить, наши карты открыты. Тѣмъ лучше! — Фихтентоль откинулъ голову и смотрѣлъ на Нелли наглыми и злыми глазами взбѣшеннаго звѣря. — Я вчера еще предупреждалъ васъ, Fräulein, что людей, неудобныхъ на моемъ пути, я отбрасываю прочь.

— Меня это не касается. Завтра же я уѣду отсюда и никогда больше не вернусь къ маман.

— О, нѣтъ, вы не уѣдете. — Фихтентоль злобно засмѣялся. — Вы владѣете тайной, принадлежащей не вамъ, а мнѣ, слѣдовательно вы лишены свободы; я васъ не выпущу изъ подъ своего взгляда ни на шагъ, а если вы вздумаете идти наперекоръ моей волѣ, то помните, что пощады вамъ не будетъ. Я запрячу васъ такъ далеко, что всѣ о васъ забудутъ.

Нелли исподлобья смотрѣла на Фихтентоля. Казалось, она обдумывала что то свое, не слушая его угрозъ.

— Больше намъ объясняться нечего. Сказано все. Идите въ свою комнату, я слѣдую за вами; немедленно вручите мнѣ мои замѣтки.

Нелли, не отрывая отъ него пристальнаго взгляда и не двигаясь съ мѣста, отрицательно покачала головой.

— Что такое?!. Идите. . . да идите же! . . — Фихтентоль грубо схватилъ ее за руку.

— Записки вы не получите, — глухо проговорила Нелли. Бѣшенство исказило красивое и холодное лицо барона.

— Я заставляю васъ отдать! — Онъ топнулъ ногой и потряхнулъ изо всѣхъ силъ ея руку. Нелли покачнулась.

— Вы съ ума сошли! Какъ вы смѣете!...

— Какъ я смѣю?! — Фихтентоль злобно оскалилъ зубы. Какъ лезвіе ножа блеснуло что то острое и жестокое въ его взглядѣ. Онъ размахнулся и ударилъ Нелли по щекѣ.

— Ахъ!... — глухо вскрикнула она. Въ ужасѣ протянувъ обѣ руки впередъ, Нелли закачалась и чуть было не упала, но Фихтентоль схватилъ ее за плечо.

— Записку... сейчасъ записку верните! — задыхаясь отъ нарастающаго бѣшенства повторялъ онъ.

— Ея нѣтъ... — чуть слышно прошептала Нелли.

— Лжете!... — Фихтентоль размахнулся вторично и со всего размаха опустилъ руку на заалѣвшую щеку дѣвушки. Нелли вскрикнула.

— Молчать!... Гдѣ записка? Я изобью васъ... Тяжелыя пощечины одна за другой сыпались на вспухшія щеки помертвѣвшей отъ ужаса и оскорбленія Нелли.

— Ну?... Гдѣ записка? Говорите... или я буду бить васъ вотъ этимъ хлыстомъ. — Фихтентоль со свистомъзмахнулъ длиннымъ прутомъ ивы.

— Оставьте, оставьте меня!... — глухо рыдала Нелли. — Записку вашу я разорвала... нарочно разорвала... чтобы... чтобы на зло вамъ сдѣлать.

— Лжете!...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не лгу... Оставьте меня... Если вы еще дотронетесь до меня, я не знаю, что я сдѣлаю... — Дрожащими руками Нелли закрывала вспухшее лицо. Волосы ея растрепались и распустились, глухія истеричныя рыданія потрясали все тѣло. Фихтентоль былъ блѣ-

день. Верхняя губа, съ тщательно подкрученными усами приподнялась, открывая бѣлые стиснутые зубы, глаза горѣли страшнымъ, злобѣщимъ огнемъ вражды и ненависти.

— Молчите! Вы въ моей власти. Помните: малѣйшее неповиновеніе, и я буду васъ бить какъ мою собаку... сегодня же вечеромъ я повезу васъ въ Дрезденъ... Ступайте въ вашу комнату! — повелительнымъ жестомъ Фихтентоль указалъ ей на подъемъ обрыва.

Слѣпое отчаяніе овладѣло Нелли. Ненависть къ низкому шпіону и чувство гордости парализовали страхъ.

— Въ Дрезденъ, съ вами?!. Никогда! Сейчасъ, сію минуту я расскажу все, что произошло здѣсь, священнику и той дамѣ, что живетъ во флигелѣ. Я докажу, что вы низкій шпіонъ, что вы продаете Россію, что ваше мѣсто...

— Довольно... надо кончить... — сжимая кулаки прошепталъ Фихтентоль. Въ потемнѣвшихъ глазахъ мелькнулъ страшный огонекъ. Нелли не успѣла докончить своей угрозы. Желѣзной рукой онъ схватилъ ее за распутившіеся волосы. Голова ее откинулась назадъ, вмѣсто крика вырвался хрипъ. Другой рукой Фихтентоль перехватилъ ее поперекъ тѣла и въ одно мгновеніе сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ краю круто срѣзаннаго берега. Не выпуская туго захваченныхъ въ стиснутый кулакъ волосъ и жестоко перегибая голову, онъ выпустилъ ее станъ. Нелли тяжело упала на колѣни, продолжая глухо хрипѣть и выбиваться. Фихтентоль приволокъ ее къ самому краю откоса и сильнымъ пинкомъ колѣна и другой свободной рукой толкнулъ ее внизъ. Нелли тяжело упала въ воду. Глухой всплескъ, потревоженной въ таинственномъ покоѣ, рѣки, глубоко и сонно катящей свои воды, на минуту нарушилъ полную тишину одиноко заросшихъ береговъ. Вокругъ на мгновеніе образовавшейся воронки поплыли расходящіеся круги. Нелли тяжело

пошла ко дну. Черезъ секунду на поверхности показалась голова и слабый взмахъ бѣлой руки. Фихтентоль съ камнемъ въ рукѣ, порывисто дыша, весь подавшись впередъ, вытянувъ шею, напряженно слѣдилъ. Онъ нацѣлился и хотѣлъ бросить камень, но маленькая рука, трепетавшая надъ водой, исчезла и голова погрузилась. Опять поплыли круги, слабые и медленно расходящіеся. Фихтентоль стоялъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не исчезли, и легкая рябь не покрыла сонную и безмолвную поверхность рокового изгиба рѣки, откуда по ночамъ на крутые берега выходилъ утопленникъ.

XXI.

Стоцкая, стоя у туалетнаго стола, полировала овалъно подрѣзанные миндалевидные ногти, когда кто то, не постучавъ въ дверь, стремительно вошелъ въ кабинетъ. Шагнувъ отъ туалетнаго стола, она заглянула въ кабинетъ. Это былъ Фихтентоль. Неся высоко, какъ побѣдитель, голову, блѣдный, со страннымъ взглядомъ, напоминавшимъ блескъ холоднаго металла, со вздрагивавшими ноздрями, онъ рѣшительно вошелъ въ спальню Стоцкой и заперъ за собой дверь.

— Что? Что такое? — Она попятилась къ столу. Такого тяжелаго и жестокаго взгляда она еще никогда у него не видала.

— Я говорилъ съ вашей дочерью. Замѣтокъ нѣтъ. Она говоритъ, что порвала на зло мнѣ.

— Не можетъ быть!..

— Возможно, что она лжетъ. Сейчасъ же идите въ ея комнату и тщательно все обыщите.

— Я съ ней поговорю...

Фихтентоль почувствовалъ дnovый приливъ злобы, не утихавшей съ того момента, какъ Нелли вошла въ бе-

сѣдку. Совершенное преступленіе не отрезвило его, а разожгло воспаленный ненавистью мозгъ, и эту ненависть въ данную минуту онъ переносилъ на мать за то, что она, противясь его указаніямъ, не выдала дочь насильно замужъ, не сумѣла обезвредить ее и теперь, благодаря своей какъ онъ считалъ, слабости, причинила ему столько хлопотъ и непріятностей.

— Нечего съ ней больше говорить. Дѣлайте то, что я вамъ указываю! — нетерпѣливо воскликнулъ онъ.

— Гдѣ она?

— Я вамъ говорю, идите и общите ея комнату.

— Но, мой другъ, зачѣмъ же это дѣлать безъ нея? Позовите ее ко мнѣ.

— Однако, я теряю терпѣніе... Вы забываете наши условія. Вы позволяете себѣ не исполнять моихъ требованій, когда дѣло касается важнаго документа... Ступайте... — У Фихтентоля начала дрожать нижняя челюсть. Онъ сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы сдержатъ себя и не дать воли необузданному, все нарастающему гнѣву. Его пугала мысль, что Нелли солгала, что записки не уничтожены и могутъ случайно попасть кому нибудь въ руки.

Стоцкая, испуганная и взволнованная, пошла къ двери.

— Хорошо, я пойду, но прошу васъ все таки прислать туда Нелли, — проговорила она, берясь за ручку двери.

— Не надо, — злобно бросилъ Фихтентоль.

— Однако, мой другъ, я не считаю возможнымъ чтобы вы становились между мной моей дочерью... — обидѣлась Стоцкая и въ ту же секунду со стономъ упала въ близъ стоящее кресло. Фихтентоль не могъ сдержатъ накопившагося бѣшенства и тяжелой пощечиной отвѣтилъ на ея упрекъ. Онъ замахнулся вторично. Ему хотѣлось избить до крови эту нарядную, раздушенную женщину. Онъ чувствовалъ дикую потребность дать волю своему

звѣрски холодному гнѣву. Второй ударъ пришелся на то же мѣсто. Вся щека густо зааалѣла. Стоцкая, съ тѣмъ же жестомъ ужаса, что быть у Нелли, протянула впередъ руки. Соскользнувъ съ кресла, она упала на колѣни и, схвативъ трясущимися руками конвульсивно сжатый въ злобѣ кулакъ, прильнула къ нему.

— Прости, прости. . . — Я сдѣлаю все, что прикажешь. — Стоцкая неуждержимо рыдала. — Мнѣ страшно. . . Не бей, я умоляю тебя. — Фихтентоль отдернулъ руку. Видъ покорной и униженной женщины слегка отрезвилъ его.

— Ваша дочь оказалась менѣе покорной и жестоко наказана за это.

— Неужели ты? . . Неужели вы? . .

— О, да! Я билъ ее, много билъ, — Фихтентоль усмѣхнулся злорадно и презрительно.

— Гдѣ она? — упавшимъ голосомъ спросила Стоцкая.

— Въ бесѣдкѣ. Когда кончите поиски въ ея комнатѣ, можете идти утѣшать ее. Скажите ей, что удары хлыста еще больнѣе. И сами это запомните.

Стоцкая поднялась съ колѣнъ и, опустивъ голову, придавленная желѣзной волей купившаго ея свободу, безмолвно направилась въ комнату дочери.

Къ вечеру разнеслась вѣсть объ исчезновеніи Нелли. Ее искали повсюду. Мать утѣшала себя мыслью, что она, оскорбленная Фихтентолемъ, нашла способъ уѣхать. Однако, послѣ тщательныхъ разслѣдованій, выяснилось, что садовникъ видѣлъ ее, идущей въ паркъ по направленію къ бесѣдкѣ, но выходящей изъ парка ее никто не видалъ.

Фихтентоль со спокойной, дѣловитой систематичностью, взялъ на себя хлопоты поисковъ. Были разосланы нарочные на станцію и въ лѣсъ, обыскали весь паркъ. Къ вечеру управляющій принесъ черепаховый гребень, найденный крестьянами, обыскивавшими паркъ, внизу об-

рыва надъ берегомъ рѣки. Фихтентоль показаль его Стоцкой. Та въ ужасѣ схватила за голову:

— Нелли утопилась!.. Она не перенесла оскорбленія...

— Не оскорбленія, а заслуженнаго наказанія, — холодно замѣтилъ Фихтентоль.

Было приказано баграми обыскать рѣку. Густой толпой направились крестьяне къ роковому мѣсту во главѣ съ Фихтентолемъ, приѣзжими нѣмцами и управляющимъ. Крестьяне, полные суевѣрнаго страха, перешептываясь и крестясь, неохотно принялись за работу.

Фихтентоль, спокойно переговариваясь съ Пиллау и инженеромъ, давалъ дѣльные указанія спустившимся на лодку крестьянамъ.

— Нешто тутъ можно найти?! — угрюмо замѣтилъ одинъ изъ нихъ. — Глубину до дна и не измѣришь, а тамъ подалыше водоворотъ. Мѣсто проклятое... Лучше и не подступаться...

Поиски оказались безплодны, однако у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что Нелли утопилась. Стоцкая истерично рыдала, запершись у себя въ спальнѣ. Фихтентоль былъ серьезенъ и строго молчаливъ. Отецъ Илья и Елена Кирилловна, съ наступленіемъ сумерокъ, спустились съ обрыва къ рѣкѣ и долго молились. На потемнѣвшемъ небѣ зажглись звѣзды. Безмолвная тишина сторожила тайну рѣки. Плакучія ивы, какъ скорбныя тѣни, склонялись къ водѣ, молчаливо заглядывая въ ея холодную и темную глубину.

XXII.

Каринъ, съ только что полученными изъ Россіи газетами, сидѣлъ въ опустѣвшемъ hall'ѣ. Передъ нимъ на вычурномъ, окрашенномъ въ голубую краску плетенomъ столикѣ со стекляннмъ верхомъ стояла недопитая чаш-

ка чаю и лежало нѣсколько распечатанныхъ, уже прочитанныхъ, писемъ. На маленькой эстрадѣ, гдѣ только что игралъ струнный оркестръ, замѣшканный скрипачъ торопливо запыралъ на ключъ футляръ со скрипкой, спѣша въ кафе, гдѣ его дожидались товарищи.

— Танита, не споткнитесь... осторожнѣе. — Каринъ всталъ, чтобы подать руку входившей съ террасы дѣвушкѣ.

— Какъ, уже всѣ разошлись?!. Я думала послушать музыку.

— Опоздали, — уже скоро шесть часовъ.

— Я вамъ не мѣшаю?

— Нисколько. Садитесь, дружокъ.

Танита сѣла, опустила на колѣни руки, радостно вздохнула и съ улыбкой посмотрѣла на Карина.

— Такъ хорошо сегодня!.. Я въ первый разъ различила съ берега стоящія у пристани лодки и такъ ясно видѣла голубой цвѣтъ озера...

— Какое счастье, мой дружокъ. И глаза у васъ сегодня совсѣмъ хорошіе, — такіе блестящіе.

— Это правда?.. Вы правду говорите?.. — волнуясь, спрашивала Танита.

— Развѣ вы замѣтили, чтобы я когданибудь лгала?

— О, нѣтъ, я вѣрю вамъ... Все это время у меня на душѣ такъ хорошо, такъ ясно... — продолжала Танита въ какомъ то радостномъ порывѣ. — А когда мы пріѣхали сюда я такъ тосковала, такъ тосковала, что даже не разъ плакала.

— О чемъ же вы плакали, Танита? Здѣсь всѣ любятъ васъ, стараются угодить вамъ.

— О чемъ я плакала?.. — Танита опустила глаза, и нѣжная, загадочная улыбка дрожала на ея губахъ. — Вѣроятно я плакала о томъ, что слѣпну; я не вѣрила въ возможность выздоровленія. А теперь я опять начинаю

видѣть солнце, голубое небо... васъ вижу, Владиміръ Сергѣевичъ... Вотъ сейчасъ, въ эту минуту, такъ ясно васъ вижу.

Танита слегка подалась впередъ и, сдерживая радостное волненіе, въ упоръ смотрѣла нѣсколько секундъ на Карина. Онъ отвѣтилъ на ея пристальный взглядъ ласковой улыбкой, радуясь ея счастливому сознанію, что зрѣніе возвращается. Танита опустила глаза и смутилась; она такъ давно не видѣла этихъ добрыхъ и умныхъ глазъ, этой ласковой улыбки...

Каринъ, не замѣчая смущенія Таниты и забывъ о потухающей сигарѣ, задумался о томъ, что Танита скоро совсѣмъ выздоровѣетъ, что баронетъ Джонъ Грей все чаще и чаще бываетъ съ ней, что Ольга съ затаенной и загадочной улыбкой слѣдитъ за оживающей для счастья дочерью и что, быть можетъ, мысли ея, подобно его мыслямъ, забѣгаютъ впередъ, и она робко отгибаетъ край завѣсы близкаго, полного взаимнаго счастья, будущаго...

— Владиміръ Сергѣевичъ!.. Владиміръ Сергѣевичъ...
— окликнула Танита, погруженнаго въ свои думы, Карина.

Онъ слегка вздрогнулъ и очнулся.

— О чемъ вы такъ задумались?

— О васъ, дружокъ. Я радъ, что вамъ лучше.

Благодарная улыбка озарила лицо Таниты, и опущенные глаза потемнѣли отъ волненія. Она хотѣла что то сказать, но не рѣшалась, подымала на Карина глаза и опять опускала ихъ.

— Мама сказала мнѣ, что скоро мы уѣдемъ отсюда,
— наконецъ заговорила она. — Вы поѣдете съ нами на югъ Франціи?

Въ ея голосѣ звучала просительная нотка.

— Право, не знаю, дружокъ мой, какъ еще сложатся мои дѣла. Объ этомъ я долженъ еще подумать.

— Прошу васъ, поѣдьте всѣ вмѣстѣ... Владиміръ Сергѣевичъ... прошу васъ... — Танита тихонько сжимала сложенные на колѣняхъ дрожащія пальцы.

— Быть можетъ, я и смогу поѣхать...

— Я такъ хочу, чтобы вы поѣхали... чтобы тамъ было бы, какъ и здѣсь... Скажите, да...

— Я почти увѣренъ, что да.

Танита до боли сжала пальцы, хотѣла что то еще сказать, но раздался смѣхъ и оживленный голосъ Анжелики. Что то горячо рассказывая Ольгѣ, она вошла вмѣстѣ съ нею.

— Онъ плутуетъ, я отлично знаю, что онъ плутуетъ... Предвидя, что ударъ пройдетъ мимо, онъ кричитъ «out». — Я поймала его, онъ разобидѣлся и перессорился со всѣми... — жестикулируя и смѣясь говорила Анжелика, помахивая ракетой. Ея полный, свободный отъ корсета бюстъ вздрагивалъ подъ тонкимъ батистомъ бѣлой блузки. Она была очень мила въ костюмѣ lavn-tennis'a. На смуглое, раскраснѣвшееся лицо, съ горячимъ взглядомъ южныхъ глазъ, беспорядочно и красиво падали завитки темныхъ волосъ, непринужденно подхваченныхъ въ узелъ. Гибкая и крѣпко сложенная, Анжелика притягивала къ себѣ мужское вниманіе. Въ ней сказывался громадный темпераментъ, здоровье и неисчерпаемая жизнерадостность. Рядомъ съ ней Танита казалась нѣжнымъ, хрупкимъ цвѣткомъ, бѣлой лиліей.

Ольга, въ соломенной шляпѣ съ большими полями, отдѣланной яркими розами, вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ, загорѣвшая подъ южнымъ солнцемъ, съ разсѣянно мелькающей улыбкой на губахъ, чуть чуть тронутыхъ карминомъ, слушала Анжелику. Она сильно похорошѣла за это лѣто, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Каринъ. Каждый разъ, какъ она чувство-

вала на себѣ его осторожно любующійся взглядъ; легкая краска разливалась по ея щекамъ, рѣсницы вздрагивали, и мягкая линія рта складывалась въ неуловимую улыбку. Отъ этого она становилась еще привлекательнѣе и знала это. Какъ только она вошла, Каринъ окуталъ ее этимъ любующимся взглядомъ, въ которомъ она прочла всегда сдерживаемое къ ней желаніе. Особенно остро читала она это желаніе здѣсь, далеко отъ обычныхъ условій жизни, въ рамкѣ южной красоты. Во всемъ отелѣ царила за послѣднее время заражающе влюбленная атмосфера. Всѣ поголовно были влюблены. У всѣхъ были приподняты нервы, блестяли глаза, алѣли губы, смѣялись и что то не договаривали, загадочно улыбались глаза, прислушивались къ брошенному шопотомъ слову... Въ Ольгѣ тоже замѣчалась эта приподнятость и возбужденность. Первый разъ послѣ смерти мужа она шла такой полной чашей радость сознанія взаимной любви. Чѣмъ спокойнѣе и непроницаемѣе въ своихъ чувствахъ казался Каринъ для окружающей его публики, тѣмъ яснѣе и горячѣе окутывалъ онъ Ольгу своей неизмѣнной любовью, когда, поздней ночью, какъ тѣнь, проскользнувъ по коридору, слегка задыхаясь отъ волненія и страха, что ее могутъ увидѣть, она тихо, войдя въ его комнату, встрѣчала его объятія, его горячій шопоть, его бесконечно нѣжную ласку. Днемъ у нихъ была наружная жизнь съ затаенными воспоминаніями минувшей ночи. Каринъ, сдержанный и ровно спокойный, былъ все тотъ же, что и всегда, но въ Ольгѣ чувствовалась глухо сдерживаемая волна страсти.

Каринъ всталъ, чтобъ уступить мѣсто Ольгѣ.

— Нѣтъ, я не сяду, Владиміръ Сергѣевичъ. Я хотѣла предложить вамъ пройтись вдоль озера. Теперь не жарко.

— Съ удовольствіемъ.

— А мы съ Танитой пойдемъ въ садъ. Presto, presto! Мнѣ надо сказать одинъ секретъ. Вашу руку, Танита.

Arivederci! — Анжелика взяла подъ руку Таниту, и, черезъ террасу и площадку, онѣ прошли въ паркѣ.

— Антонію сегодня опять мраченъ. Вы не видѣли его, Танита?

— Нѣтъ. Онъ, кажется, уѣхалъ съ утра на парусной лодкѣ.

— Ничуть не бывало. Заказалъ ее съ вечера, а сегодня утромъ послалъ сказать, что никуда не поѣдетъ и сидитъ, запершись въ своей комнатѣ. Звали его въ lawn tennis играть, даже не отвѣчаетъ. Совсѣмъ съ ума сошелъ.

— Что же онъ тамъ у себя дѣлаетъ?

— Навѣрное въ тысячѣ экземпляровъ чертитъ вашъ профиль и пишетъ вамъ стихи.

— Что за пустяки! — Танита засмѣялась.

Анжелика сдѣлала серьезное лицо.

— Я хочу поговорить съ вами, Танита. Пожалуйста, не думайте, что я дурачусь. Я хочу, чтобы вы мнѣ сказали одну правду, одинъ секретъ.

Танита смутилась. Ей пришло въ голову, что Анжелика будетъ говорить о Каринѣ.

— Вы скажете правду? — настаивала Анжелика.

— Право, я не знаю, о чемъ вы хотите спрашивать?!. Вѣроятно, я скажу.

— Сага, боппа амиса, скажите. Клянусь, что я ни за что никому не повторю.

— Хорошо, Анжелика.

— Вы влюблены въ баронета Грей?

— О, нѣтъ. Совсѣмъ не влюблена. Онъ мнѣ очень нравится, но я не влюблена.

— А что!.. а что!.. Я говорила Антонію. Онъ увѣренъ, что вы влюблены въ Грея, и ревнуетъ васъ ужасно. Вчера вечеромъ вы сидѣли съ баронетомъ надъ озеромъ и о чемъ то долго говорили. Дуракъ Антонію рѣшилъ, что онъ вамъ сдѣлалъ предложеніе, и потому вы съ нимъ вмѣ-

стѣ прошли къ вашей мамѣ, а сегодня до завтрака не выходили изъ своей комнаты.

Танита громко разсмѣялась.

— Вотъ фантазеръ! Что за глупости! Я не выходила до завтрака, такъ какъ мыла волосы, а вчера мы говорили о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Мистеръ Грей рассказывалъ мнѣ о своей жизни въ Лондонѣ, о знакомствахъ, объ охотахъ...

— Ахъ, сага апіса, несмотря на вашу болѣзнь, вы, всетаки, счастливыѣ меня, съ внезапно набѣжавшимъ облачкомъ грусти проговорила Анжелика. — У васъ есть мать, красивая, нѣжная, которую вы, кажется, очень любите...

— Мою мамочку я обожаю. Это моя добрая фея. Мы съ ней очень дружны... — съ нѣжностью въ голосѣ произнесла Танита, въ ту же минуту подумавъ о томъ, что она, съ дѣтства довѣрявшая матери каждую мысль и каждый поступокъ, почему то ревниво таила отъ нея свою любовь къ Карину. Она чувствовала себя виноватой передъ матерью за это молчаливое нарушеніе обоюднаго довѣрія, но какая то сила удерживала ее открыть матери тайну своего сердца.

— А моя маминочка умерла. Хотя тетя меня и очень любить, но это совсѣмъ не то, что любовь матери. Теперь она вбила себѣ въ голову, чтобы я вышла замужъ за этого противнаго Кальбскопфа. Она увѣряетъ меня, что, выйдя за него замужъ, я буду дѣлать что хочу, потому что онъ старъ и глупъ и что съ моею живой натурой, любящей веселье и блескъ, мнѣ нужны милліоны, которыми обладаетъ эта отвратительная фореель. Тетя увѣряетъ, что я — ея портретъ, и предсказываетъ мнѣ такую же бурную жизнь, какъ и ея. Конечно, я люблю блескъ, туалеты и веселье, но неужели кромѣ этой выцвѣвшей мочалки не найдется никого другого?!. Тетя обнадеживаетъ

его, потому онъ и притащился сюда за нами. Ахъ, какъ онъ мнѣ надоѣлъ! Куда я — туда и онъ. Въ васъ влюбленъ Антоніо, мистеръ Грей...

— Это неправда. Мистеру Грей нравится наша семья, мама...

— Нѣтъ, вы. Какъ онъ тамъ ни старается скрыть, а я отлично вижу. Въ васъ готовы всѣ влюбляться, а ко мнѣ никто подойти не можетъ изъ за этого стараго мѣшка съ золотомъ, потому что онъ не отходитъ отъ меня ни на шагъ... Ужъ я предчувствую, что тетя настоитъ на своемъ, и я выйду за него замужъ. Но ужъ я не пощажу ни его миллионъ, ни его: на другой же день послѣ свадьбы наставлю ему вотъ такіе рога!... — Анжелика звонко расхохоталась.

— Конечно, Антоніо хорошій художникъ и навѣрное будетъ знаменитымъ, — заговорила она послѣ минутнаго молчанія, — но все таки онъ дуракъ, и мнѣ его очень, очень жалъ. Вѣдь онъ страшно влюбленъ въ васъ и очень страдаетъ. На дняхъ я нашла его записную книжку, т. е. не нашла, а стащила у него изъ кармана. Тамъ новые стихи, посвященные вамъ. Надъ вашимъ портретомъ онъ сидитъ часами и, я увѣрена, нарочно не доканчиваетъ, чтобы не разстаться съ нимъ. Когда онъ узналъ, что вы собираетесь скоро уѣзжать отсюда, онъ чуть не расплакался. Я видѣла, какъ слезы выступили у него на глазахъ.

— Не можетъ быть, Анжелика. Вы говорите все это нарочно.

— Клянусь вамъ. Сознаюсь вамъ, что вчера вечеромъ, послѣ того, какъ вы ушли съ мистеромъ Грей къ вашей матери, Антоніо, слѣдившій за вами, сорвался съ мѣста и, какъ сумасшедшій бросился бѣжать въ свою комнату. Я за нимъ. Онъ хотѣлъ захлопнуть дверь, но я помѣшала и ворвалась. Антоніо бросился на кровать, зарылъ голову въ подушки и словно умеръ. Я долго теребила его за

плечи. Когда онъ, наконецъ, поднялъ голову, я увидѣла по лицу, что онъ плакалъ. Я сѣла къ нему на кровать, обняла его, и онъ откровенно во всемъ признался мнѣ: онъ безумно влюбленъ въ васъ, *mia adorata*, и ревность къ баронету Грей мучить его день и ночь.

— Но вѣдь это его фантазія, Анжелика... При чемъ тутъ мистеръ Грей?...

— Онъ безъ слезъ не можетъ говорить о разлукѣ съ вами...

— Ахъ, какъ мнѣ это больно! — сдвигая темныя, раскидистыя брови, задумчиво прошептала Танита. — Я не хочу, ни за что не хочу, чтобы кто нибудь страдалъ изъ за меня. Было такъ весело, такъ ясно все это послѣднее время... Анжелика, милая, пойдите къ Антонію и скажите ему, что въ баронета Грей я не влюблена. Скажите ему, что онъ славный и хорошій, что вѣдь Россія не такъ далеко, и онъ сможетъ пріѣхать въ Петербургъ; мы будемъ видѣться, я ему покажу все, что у насъ есть интереснаго. Подите, поговорите съ нимъ. У меня на сердцѣ сегодня такъ ярко, такъ хорошо, и я хочу, чтобы всѣмъ было весело.

— Хорошо, я пойду къ нему. Или нѣтъ: лучше я позову его къ вамъ. Скажите ему сами.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анжелика, не надо...

— Нѣтъ, непременно надо. Сядьте вотъ здѣсь за бесѣдкой, пусть онъ придетъ, и вы объясните ему все. Теперь сюда никто не зайдетъ.

— Послѣ, Анжелика, лучше послѣ...

— Нѣтъ, сейчасъ... — Анжелика замахала рукой и убѣжала.

Танита опустилась на скамейку, защищенную съ трехъ сторонъ густымъ кустарникомъ. Она волновалась, не зная, какъ говорить съ влюбленнымъ въ нее Антонію послѣ того, какъ она опредѣленно узнала объ этомъ изъ устъ

его сестры. Ей казалось, что Антонио какъ художникъ, увлекается обстановкой и красками, сознательно раздуваетъ восторги передъ ней и самъ любитъся созданными картинами и положеніями. Но, чтобы онъ дѣйствительно страдалъ и даже плакалъ, Танита никакъ не ожидала.

Изъ за поворота дорожки послышались голоса Анжелики и Антонио. Сестра, ведя подъ руку Антонио, убѣждала его, что она не обманываетъ его, что Танита сама велѣла позвать его къ ней. Антонио слушалъ ее, недоувѣрчиво качая головой.

— Это ты сама придумала. Я не вѣрю.

— Stupido!.. Tі giuro!.. (какой глупый... клянусь тебѣ). — Анжелика расхохоталась. — Signorina! — крикнула она, — скажите ему, что я не обманываю его, что вы зовете его.

— Это правда, синьоръ Микетти, — смущенно отвѣтила Танита.

Антонио Микетти стоялъ передъ Танитой съ разстроеннымъ лицомъ и нервно кусалъ губы. Въ бѣлыхъ фланелевыхъ панталонахъ и такой же батистовой рубашкѣ, съ открытымъ воротомъ, слегка обнажавшимъ крѣпкую смутлую грудь, съ правильными чертами выразительнаго, подвижнаго и мужественнаго лица, съ черными, грустно глядящими въ эту минуту глазами, алой линіей рта подъ черными усами, Антонио, очень схожій съ сестрой, былъ ярко выраженнымъ типомъ здоровой южной красоты. Глядя на него, вспоминались гондолы Венеціи и серенады беззаботныхъ гондольеровъ.

— Вотъ вашъ Гамлетъ, Офелія. Я застала его мрачно стоящимъ среди комнаты съ вопросомъ: — «быть или не быть»...

— Анжелика, перестань говорить ерунду... Уйди... — досадливо отстранилъ ее Антонио.

— Садись у ногъ Офеліи... вотъ здѣсь и расскажи ей

все... что она уже знаетъ. — Анжелика тянула брата за руку, заставляя его опуститься подлѣ скамьи на траву.

— А теперь я ухожу. — Но едва она сдѣлала шагъ въ сторону, какъ, быстро семеня ногами и вытирая вспотѣвшее лицо, съ обрюзглыми щеками и выпѣвшими глазками, показался на аллеѣ фонъ Кальсгофъ, котораго вся молодежь отеля переименовала въ Кальбскопфа за его необыкновенную ограниченность. Лысѣющая голова на длинной, высушенной шеѣ всегда была въ безпокойномъ движеніи нервнаго тика готова высвободиться изъ туго накрахмаленнаго, всегда безупречной бѣлизны, воротничка. Одѣвался онъ, замѣтно молодясь, очень щеголевато. Антоніо быстро поднялся съ земли, а Анжелика, съ жестомъ комическаго отчаянія, подняла руки къ небу:

— Ecco lo questo, mio sposo! (вотъ онъ — мой супругъ).

— А я васъ вездѣ ищу. Мнѣ сказали, вы пошли въ hall. Пошелъ туда, — нѣтъ, пошелъ въ залъ, — нѣтъ, на пристань, — нѣтъ...

— Я всегда бываю тамъ, гдѣ васъ нѣтъ. Надо было догадаться и придти сюда, тогда бы вы сразу нашли. Ай-ай-ай!.. Паукъ, какой громадный паукъ!.. — вдругъ закричала Анжелика, отскакивая отъ Кальсгофа.

— Паукъ?.. Гдѣ паукъ?.. — испуганно завертѣлся онъ на одномъ мѣстѣ, отмахиваясь платкомъ. Кальсгофъ органически не переносилъ вида паука, и какъ ребенокъ боялся ихъ.

Въ это время Анжелика, пользуясь его испугомъ, сдѣлала ему за спиной комичную гримасу, вытянула пальцами длинный носъ и въ нѣсколько прыжковъ исчезла за поворотомъ аллеи.

— А гдѣ же signorina Анжелика?.. — недоумѣвающе озирался старикъ, убѣдясь, что никакого паука нѣтъ.

— Развѣ вы не слышали? Анжелика, уходя, крикнула вамъ, что идетъ на теннисъ доканчивать партію, —

отвѣтилъ Антонію, спѣша спровадить скучнаго обожателя своей сестры.

— На теннисъ? Опять на теннисъ? Но я только что тамъ былъ. Тамъ никого нѣтъ. Синьорина какъ вѣтерокъ: ее не поймаешь. . . — Онъ раскланялся съ Танитой и Антонію и побѣжалъ къ теннису, разбитому въ противоположной части парка.

— Слава Богу, ушелъ! — Антонію облегченно вздохнулъ и снова опустился на траву къ ногамъ Таниты. Это была его любимая поза.

— Какъ давно я не видалъ васъ. . . почти сутки. — Онъ осторожно взялъ руку Таниты, дотронулся губами и сейчасъ же выпустилъ ее. — Какъ вы себя чувствуете сегодня, *mia regina*? (моя королева).

— Отлично. Сегодня я вижу почти хорошо.

— А мое лицо вы хорошо видите?

Танита слегка нагнула голову впередъ и прищурилась:

— Да, я вижу.

— А вы видите, что глаза мои печельны, что въ нихъ нѣтъ радости, хотя я и вижу васъ. . . — глѣбучимъ голосомъ тихо проговорилъ Антонію, глядя снизу вверхъ на Таниту жгучими глазами, съ изсиня-молочными бѣлками.

— Не надо, не надо быть печальнымъ, синьоръ Антонію. Посмотрите, какъ все хорошо и радостно вокругъ. Вонъ тамъ синѣютъ горы, озеро сегодня блѣдно-зеленое, какъ переливы опала. Вы ходужникъ, вы любите красоту, и она вокругъ насъ. . . — ласково уговаривала его Танита, перебирая лепестки чайной розы, приколотой къ груди.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что вы скоро уѣзжаете, я не вижу ни горъ, ни солнца. Чѣмъ больше солнца въ насъ самихъ, тѣмъ оно ярче свѣтитъ намъ на небѣ. Мое солнце меркнетъ и на все спустились тѣни.

— Синьоръ Антонію, я васъ умоляю... зачѣмъ все это?!

— Зачѣмъ? Затѣмъ, *mia adorata* Офелія, что съ первой же встрѣчи съ вами, съ той минуты, какъ, помню, подъ руку съ вашей красивой матерью вы вошли въ залъ къ табль д'оту, меня, какъ художника, какъ артиста, поразила ваша утонченная, классическая красота. Мнѣ тогда показалось, что вы сотканы изъ легкаго дѣвственнаго облака на снѣжной вершинѣ горы, окрашеннаго первымъ розовымъ лучемъ солнечнаго восхода. Я не могъ оторвать глазъ отъ этихъ золотыхъ прядей, вѣнчающихъ, какъ ореоломъ, вашу маленькую, классическую головку. Въ тотъ же вечеръ я зарисовалъ ее на полотнѣ, но главнаго уловить не могъ. Главное — это ваши глаза...

— Ахъ, эти бѣдные мои глаза!.. — съ тихимъ вздохомъ прошептала Танита, проводя пальцами по вѣкамъ.

— У васъ удивительные глаза. Въ нихъ — бездонная пропасть, какая то тревожащая, манящая глубина, какъ у русалки. Они загадочны и грустны, какъ ваша улыбка. Чѣмъ больше я видѣлся съ вами, тѣмъ неотразимѣе было влеченіе къ вамъ, *madonna mia*. Я полюбилъ васъ за вашу тихую рѣчь, за вашу рѣдкій смѣхъ, который звучитъ будто чьи то пальцы осторожно проводятъ по нѣжнымъ, чистымъ струнамъ... Полюбилъ вашу робкую, осторожную походку, съ простертой впередъ рукой... Полюбилъ васъ за красоту, за грусть, за то, что ваши глаза не видятъ радости сіянія дня, отражая въ своихъ зрачкахъ яркую красоту души. Вскорѣ я понялъ, что люблю васъ, какъ свое искусство; что, если бы я смѣлъ слить любовь къ вамъ и любовь къ живописи въ одно цѣлое, на всю жизнь неотдѣлимое, — я бы... я бы взоромъ проникъ въ небеса, и на полотнѣ моемъ отразилась бы Божественная красота...

— Синьоръ Антоніо, въ васъ говоритъ утонченный художникъ... Вы любите, созданный вашей фантазіей, идеаль.

— Нѣтъ, я люблю васъ, моя Офелія... васъ, живую, чудную, манящую... О, если бы вы могли только намекнуть мнѣ, что когда нибудь, хоть и не скоро, ваше сердце откликнется на мою безконечную, неисчерпаемую, бездонную любовь!.. Я не посмѣлъ бы, *mia regina*, говорить вамъ все это, если бы не принадлежалъ къ хорошему италіанскому роду. Наша семья — хорошая и честная. Мой отецъ, всѣми уважаемый, заслужившій славу, художникъ.

— Я знаю, знаю... я слышала о немъ...

— И я пробую себѣ тропу къ славѣ, я завоюю жизнь, она не сломить меня. Но полного счастья безъ васъ, *regina mia*, быть не можетъ... за это я вамъ ручаюсь. — Антоніо энергично тряхнулъ головой и сверкнулъ глазами.

— Синьоръ Антоніо, вы забываете самое главное: — мое зрѣніе. Сегодня я вижу хорошо, а кто знаетъ, что будетъ завтра?

— Завтра будетъ еще лучше...

— Нѣтъ... доктора этого обѣщать не могутъ, — покачала головой Танита.

— А я знаю, я увѣренъ, что вы будете совсѣмъ здоровы и навсегда.

— А до тѣхъ поръ?

— До тѣхъ поръ для каждаго, понимающаго красоту, не можетъ быть высшаго счастья, какъ оберегать, ходить за вами и, любовно держа васъ за эти длинные, нѣжные пальчики, осторожно направлять ваши шаги по жизненному пути. Быть вашимъ хранителемъ и супругомъ... *Amore mio!* За это счастье можно отдать все...

— Вы думаете, синьоръ Антоніо, я то, я, съ этими глазами, имѣю право на любовь? Что я могу быть чьей нибудь... женой?.. — Танита шопотомъ договорила последнее слово и низко опустила лицо, залитое румянцемъ.

— Что вы говорите, *adorata* Офелія?.. Что за сомнѣнія!.. Во первыхъ, вы видите и будете со временемъ совсѣмъ здоровы, а во вторыхъ, хотя бы эти чудныя звѣзды отъ рожденія видѣли бы ночь, для насъ, видящихъ солнце, вы — самое яркое, самое недосыгаемое свѣтило. Развѣ я одинъ очарованъ вами?! Но не будемъ, не будемъ говорить объ этомъ!..

Танита, закрывъ руками склоненное лицо и сѣясь подавить волненіе, сидѣла молча. Антоніо ждалъ. Въ его груди какъ будто подымались и опускались волны. Сердце билось и, казалось, вотъ вотъ не выдержитъ напряженія и лопнетъ. Онъ чувствовалъ себя стоящимъ на колеблющейся границѣ двухъ бездонныхъ пропастей. Одинъ слабый толчекъ, одно слово, и онъ полетитъ или въ бездну отчаянія, или въ бездонную, сіяющую глубину неземного счастья.

— Слово... одно лишь слово... — чуть слышно прошепталъ онъ.

Танита молчала.

— *Madonna mia*, что бы вы ни сказали мнѣ, все будетъ безропотно принято мной. Несчастье и печаль, идущія отъ васъ, святы для моего сердца.

— Синьоръ Антоніо, мнѣ больно, что я не могу отвѣтить тѣмъ же чувствомъ на ваши чувства...

— О, *regina mia*!!! — Антоніо сразу поблѣднѣлъ и схватился за сердце.

— Я не могу... Вы хорошій, добрый, я восхищаюсь вашей утонченной натурой крупнаго художника, я...

— Ахъ, синьорина, лучше бы я былъ нищимъ, рабочимъ, но... любимъ вами! Стало все пусто и темно вокругъ меня... какъ я страдаю!..

— И я страдаю, синьоръ Антоніо... давно страдаю, потому, что... люблю.

— Грей? .. мистеръ Грей? .. — Антоніо вскочилъ и, тяжело дыша, смотрѣлъ на Таниту. Она отрицательно покачала головой. Антоніо облегченно вздохнулъ и опустился на скамейку рядомъ съ Танитой.

— Отчего же вы страдаете, сага синьорина? Для такой, какъ вы, любовь должна приносить только счастье и радость.

— Онъ не знаетъ, что я его люблю.

— Синьорина, *Ophelia adorata*, вы говорите, что страдаете, и я забываю свою скорбь, я хочу только вашего счастья; я хочу, чтобы на вашихъ коралловыхъ устахъ всегда порхала радостная улыбка. Я готовъ всю жизнь мучиться, лишь бы я зналъ, что вы счастливы. Я другъ вашъ, преданный, готовый на жертвы другъ. Мое сердце можетъ вмѣстить такъ много, такъ много! .. — Антоніо сдѣлалъ красивый жестъ руками, какъ бы раскрывая свою грудь навстрѣчу новыхъ необъятныхъ чувствъ.

— Синьорина, какъ можетъ человѣкъ, котораго вы любите, не понять, не почувствовать, что ваше сердце бьется для него? .. Это мнѣ не понятно.

— Ему это не приходитъ въ голову, — мечтательно улыбнулась Танита. — Онъ всегда занятъ, онъ живетъ для другихъ, онъ всего себя отдастъ на служеніе людямъ и идеѣ добра... ему не приходитъ въ голову, что сердце маленькой дѣвочки стало сердцемъ женщины, и образъ его какъ тогда, такъ и теперь неизмѣнно живетъ въ этомъ сердцѣ. Синьоръ Антоніо, если бы вы знали душу этого человѣка, вы бы поняли меня. — У Таниты оживилось лицо.

— Синьорина, я увѣренъ, что вы способны отдать свое сердце только человѣку съ высокими душевными качествами. Но все таки, я не понимаю, какъ можетъ онъ не чувствовать вашей любви? ..

— Онъ слишкомъ привыкъ видѣть во мнѣ маленькую Таниту, и, кромѣ того, его мысли всегда такъ далеки: онъ извѣстный большой ораторъ. . .

Танита умолкла, отдаваясь теченію своихъ мыслей. Антоніо, блѣдный, съ сурово сжатыми бровями, машинально обрывалъ лепестки съ цвѣтка олеандра. За поворотомъ аллеи приближались къ бесѣдкѣ, закрывавшей Таниту и Антоніо, Ольга и Каринь. Въ паркѣ стоялъ пряный запахъ олеандра и магноліи, и было тихо. Кипарисы темно-зеленой колонадой защищали бесѣдку отъ взора приближающихся.

— Синьорина, вы давно полюбили его? — уныло спросилъ Антоніо.

— Я полюбила его, когда еще и сама не знала, что мое чувство зовется любовью. . .

Ольга, завернувъ за уголъ аллеи и услышавъ голосъ дочери, остановилась. Каринь хотѣлъ идти дальше, но Ольга потянула его за рукавъ и приложила палецъ къ губамъ.

— Съ кѣмъ Танита? — нагибаясь къ самому уху Карина, беззвучно спросила Ольга.

— Не вижу. Вѣроятно, Анжелика, — также тихо отвѣтилъ Каринь.

— Я чувствовала себя радостной и счастливой только въ его присутствіи. Когда онъ уходилъ, я думала лишь о томъ, когда снова увижу его. . .

Ольга стояла, опустивъ голову, опершись руками о высокую ручку зонтика.

— Я говорю объ этой любви вамъ первому, — вы сами страдаете и потому поймете меня. Съ годами чувство это росло; онъ бывалъ у насъ не часто, и я очень тосковала. . .

Ольга вздрогнула. Она вся подалась впередъ. Съ каждымъ послѣдующимъ словомъ Таниты ея глаза расширя-

лись все больше и больше. Ужасъ вливался въ нихъ и дѣлалъ ихъ громадными.

— Въ этомъ году, — тихо продолжала свою исторію Танита, — когда я начала слѣпнуть и плохо различать черты его лица, улыбку, глаза, я поняла, что это для меня большое горе. Чѣмъ болѣе ухудшалось мое зрѣніе, тѣмъ острѣе росло во мнѣ желаніе видѣть его, быть съ нимъ, и тѣмъ глубже я запрятывала въ себѣ эту любовь: меня ужасала мысль, что отвѣтнымъ чувствомъ ко мнѣ можетъ быть только жалость. О, чѣмъ болѣе я тушила въ себѣ эту любовь, тѣмъ больше она росла, и теперь я вижу, я знаю, что никогда, никого не полюблю кромѣ него. . . Вы помните, синьоръ Антоніо, какъ я была грустна здѣсь первое время? Это было потому, что онъ былъ далеко, и я не имѣла возможности написать ему хоть слово привѣта. . .

— Signorina сага, можно задать вамъ одинъ вопросъ?

— Да.

— Скажите мнѣ, кто онъ?

— Другъ нашего дома, — Каринъ. . .

— Синьоръ Каринъ? — Антоніо съ удивленіемъ смотрѣлъ на Таниту. — Но вѣдь онъ уже не молодежь! . . Для васъ онъ даже старъ. . .

— Я люблю его, мнѣ никого другого не надо. Онъ самый умный и самый лучший человекъ во всемъ мірѣ.

Ольга, схватившись обѣими руками за сердце и откинувъ голову назадъ, дѣлала тщетныя усилія поймать воздухъ открытымъ ртомъ. Она задыхалась, падая на руки Карина. Каринъ, блѣдный, тяжело дыша, дрожащими руками поддерживалъ ее за плечи. Въ его головѣ дѣлался сумбуръ. Сразу все перевернулось: радость протекшихъ дней и надежды будущаго точно смело порывомъ неожиданнаго ворвавшагося вихря.

— Пусть Господь пошлетъ вамъ, дорогая Офелія, ско-

рое и полное счастье. Я смиряюсь передъ неизбежнымъ, — тяжело вздохнулъ Антоніо. — Я навсегда сохраню о васъ/самую свѣтлую, чистую память. Любовь моя къ вамъ никогда не умретъ. . . конечно, синьоръ Каринъ скоро пойметъ, т. е. почувствуетъ, какое громадное счастье идетъ къ нему навстрѣчу. . .

— Ахъ, будетъ ли это! . . — сжимая пальцы рукъ, тихо вздохнула Танита.

— Синьорина, помните, я просилъ у васъ однажды розу, приколотую на вашей груди? Вы не хотѣли мнѣ дать ее и бережно прижимали къ сердцу. Помните? Я былъ тогда увѣренъ, что ее далъ вамъ мистеръ Грей, и готовъ былъ поколотить его, когда онъ поднялъ ее изъ воды.

— Да, помню. Ту розу я взяла изъ рукъ любимого мной человѣка. Вотъ она. . .

Танита достала изъ-за корсажа тоненькій кружевной платочекъ. Она осторожно развернула его и, вынувъ засохшій цвѣтокъ, благоговѣйно прижала его къ губамъ.

Изъ груди Ольги вылетѣлъ тихій стонъ. Она выпустила зонтикъ, закрыла лицо руками и, беззвучно рыдая, упала головой на плечо Карина.

... „L'amore senza bacio... non c'è nulla... non c'è nulla“ — разлились, въ прохладѣ наступающихъ сумерекъ, теплые звуки итальянской пѣсни прохожаго пѣвца, подъ мягкіе и слабые аккорды мандолины. Въ воздухѣ еще сильнѣе пахло дурманящимъ ароматомъ магнолій, розъ и олеандра. Розовый отблескъ заката окрасилъ, удаляющуюся по ту сторону озера, гряду горъ нѣжными пурпурными тонами и отразился въ лазурной глади озера розовато-золотистымъ, неуловимо тонкимъ налетомъ. Природа послѣ зноя и блеска дня окутывала себя покоемъ наступающей ночи. Еще невидимыя, но близкія тѣни уже сторожили угасающій день.

XXIII.

— ... Боже мой! ... Боже мой... — со стономъ твердила Ольга, шагая изъ одного конца своей комнаты въ другой и не находя словъ и исхода своему отчаянію. Прижавъ пальцы къ вискамъ, она не замѣчала, что ходила такъ уже часъ и что слезы все текли и текли по ея щекамъ. Мысли, одна безотраднѣе другой, толпились и путались въ ея смятенномъ мозгу. Вся жизнь скомкалась; она не видѣла и страшилась будущаго.

— ... Несчастное дитя!.. моя дѣвочка... я виновата передъ тобой... что я надѣлала?!. — ломая руки, шептала Ольга — И Дима, бѣдный Дима... Столько страданій имъ обоимъ изъ-за меня... — Она охватывала голову руками и, прижавшись лицомъ къ стѣнѣ, напряженно думая, стояла такъ долго, будто застывъ; потомъ опять принималась нервно, торопливо ходить, сиюсь въ движеніи заглушить подступающій къ сердцу взрывъ отчаянія. — Но что же дѣлать? Господи, научи меня, что дѣлать!.. Разстаться съ нимъ навсегда?.. А Танита? Вѣдь она любитъ... Какой ужасъ! Танита, моя чистая Танита любитъ человѣка, которому столько лѣтъ принадлежитъ ея мать!.. Зачѣмъ я боролась съ собой, зачѣмъ, наперекоръ его желаніямъ, не вышла за него замужъ?!. Теперь ничего подобнаго не могло бы случиться... Спасти Таниту, отвлечь ее... Наглухо забить, заколотить свое сердце... забыть, что пудовыя гири смертельной тоски будутъ неотступно волочиться за мной... забыть, что для меня нѣтъ больше радости, нѣтъ больше жизни... все, все забыть и помнить лишь одно: разсѣять, отвлечь, увлечь кѣмънибудь другимъ Таниту... Мистеръ Грей?.. Но вѣдь мы должны уѣхать отсюда... или остаться?.. нѣтъ... нѣтъ, не могу!.. Здѣсь все полно имъ и нашей

любовью... Прочь отсюда, скорѣе, скорѣе... Надо бѣжать, надо двигаться, стремиться впередъ, искать спасенія... А Дима?! Несчастный человѣкъ. Что будетъ съ нимъ? Какъ переживетъ онъ этотъ незаслуженный, ужасный ударъ судьбы?! Какъ же онъ будетъ жить безъ меня? Ему нечѣмъ жить!... Господи, помоги, укажи, что дѣлать!..

Мысли, какъ лепестки, подхваченные вихремъ, кружились, мелькали, уносились далеко и опять падали на землю, трепеща и не находя опоры. Ольга казалось, что ея мозгъ не выдержитъ такого напряженія, что она сойдетъ съ ума. Изъ рамокъ, стоящихъ на ея письменномъ столѣ, за ней какъ будто бы слѣдили два взгляда: дочери — свѣтлый, слегка улыбающійся, нѣжный и довѣрчивый, и грустный, усталый взглядъ Карина. въ ея слабая руки судьба вложила счастье этихъ двухъ, дорогихъ для нея людей. Она бережно несла свѣтлый хрустальный сосудъ, въ которомъ было заключено счастье ея дочери. И вдругъ чья-то невидимая рука вырвала и разбила этотъ цѣнный сосудъ...

Ольга металась стонала и плакала. но свершившееся не отступало ни на шагъ и грозно стояло, прижавшись вплотную къ ея, переполненному ужасомъ и страхомъ, сердцу...

Кто то рѣшительно постучалъ въ дверь. Она метнулась, схватилась за голову, точно боясь, что на лицѣ ея каждый прочтетъ то, что творилось въ душѣ. Сдѣлавъ шагъ къ двери, она остановилась, не будучи въ силахъ справиться съ собой.

Стукъ повторился, и вслѣдъ за нимъ раздался голосъ Карина.

— Это я. Мнѣ надо поговорить съ вами.

Ольга повернула ключъ и, сразу потерявъ силы, опустилась на близъ стоящее кресло. Въ заплаканныхъ гла-

захъ стояла скорбь. Вошелъ Каринъ. Лицо его было очень блѣдно; изъ подъ сдвинутыхъ тяжелыхъ бровей глаза смотрѣли печально и строго. За эти нѣсколько часовъ онъ постарѣлъ. Онъ остановился передъ кресломъ Ольги и, въ упоръ глядя на нее полнымъ сосредоточенной печали взглядомъ, молчалъ. Казалось, увидя Ольгу, онъ забылъ то, для чего пришелъ къ ней, или же медлилъ ей это высказать.

— Дима... Дима... какіе мы несчастные... — простонала Ольга, протягивая къ нему руки. Каринъ тяжело вздохнулъ, будто очнулся, провелъ рукой вдоль лба и дальше по волосамъ, на секунду закрылъ глаза, притянулъ стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Оля, я пришелъ къ тебѣ, чтобы сказать, что я уѣзжаю... Завтра же уѣзжаю въ Петербургъ. Такъ надо. А ты оставайся здѣсь...

— Не могу... Дима, я не могу здѣсь остаться... Не станеть силъ...

— Олюшка, это необходимо. Спаси ее, себя и меня. Останься здѣсь, поговори съ Танитой, о ней самой и... обо мнѣ. Мало-по-малу вложи ей мысль, что я усталый, отходящій отъ жизни человѣкъ, что мнѣ нуженъ покой, и, въ то же время, приблизь мистера Грей; пусть онъ пойметъ, что ты оттадываешь и не противодѣйствуешь.

— Я не сумѣю, Дима...

— Поговори съ miss Jesob. Она сумѣетъ... Скажи этой милой дѣвушкѣ, что мы съ тобой говорили о ея жизни, о замужествѣ... что я, какъ и ты, вижу въ Джонѣ Грей достойнаго ея руки человѣка. Я увѣренъ, что Танита, всегда склонная къ мечтательности и фантазіи, преувеличиваетъ чувство ко мнѣ и сердечную дружескую привязанность окрашиваетъ иными красками. Ее надо встряхнуть, указать реальную жизнь, смыть съ моей личности яркія краски ея же фантазіи и направить ея мы-

сли и сердце по иному пути. Сдѣлай это, Олюшка. Юныя дѣвушки такъ часто заблуждаются въ своихъ сердечныхъ чувствахъ. Все это пустое, но необходимо пресѣчь въ-время могущее развиться чувство. Джонъ Грей въ этомъ поможетъ, я увѣренъ.

Ольга, привыкшая въ словахъ и совѣтахъ Карина черпать успокоеніе, безусловно во всемъ вѣрившая его жизненному опыту, на этотъ разъ не испытывала облегченія. Она видѣла по измѣнившемуся лицу Карина, по тому, какъ онъ отводилъ глаза отъ ея пытливаго взгляда, что онъ, какъ и она, понимаетъ ужасъ совершившагося и придаетъ этому настоящее значеніе, но, какъ утопающій хватается за соломинку, страшась сознаться, что спасенія нѣтъ и надо идти ко дну.

— Дима, мой другъ, мой единственный другъ, неужели же нѣтъ спасенія, и мы должны проститься съ тобой... навсегда?!. — воскликнула Ольга, слѣдуя теченію своихъ мыслей. Закрывъ лицо руками, она зарыдала, вся согнувшись, упавъ лицомъ въ колѣни.

У Карина похолодѣли руки и кровь отлила отъ сердца: Ольга сказала вслухъ то, что неотступной угрозой стояло передъ нимъ.

— Развѣ это возможно, Ольга? — сдавленнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Возможно, какъ возможно умереть... О, какъ мнѣ страшно! Что будетъ, Боже мой, что будетъ теперь?!. Какъ я виню себя во всемъ случившемся... Или я должна была бѣжать, вырвать съ корнемъ любовь къ тебѣ, или же я должна была быть твоей женой...

Каринъ подавилъ вздохъ и промолчалъ. Сколько разъ онъ говорилъ ей, что ни при какихъ условіяхъ женщина не должна ставить себя въ положеніе, идущее въ разрѣзъ съ нормой общепринятыхъ обществомъ условій. Рано или поздно такое положеніе должно повлечь за собой цѣлый

рядъ ненормальныхъ послѣдствій, такъ какъ нельзя пресѣчь законъ логической во всемъ послѣдовательности.

— Дима, но ѣздъ, отказываясь отъ брака, я дѣлала жертву во имя Таниты. . .

— И шла на компромиссъ со своей совѣстью. . . — тихо добавилъ Каринъ.

— Да. Но развѣ это не высшая жертва, — подавить въ себѣ крикъ протеста, крикъ совѣсти, чтобы любимому существу было хорошо?

— Нѣтъ, Олюша. . . Голосъ внутри насъ, указывающій намъ прямые пути, это свѣтильникъ который мы не должны тушить ни для кого и ни для чего. Но, оставимъ это: не вини себя. Ты поступала такъ, а не иначе, вѣря въ творимое тобой добро. Это было заблужденіе, но ты его не видѣла. Теперь, быть можетъ, еще есть время спасти положеніе. Сдѣлай же, Олюшка, все, что только возможно.

— Да, Дима, я попробую. . .

И ей, и ему хотѣлось упасть другъ другу на грудь и плакать долгими, горькими слезами, но обоимъ сдерживалъ страхъ обнажить всю глубину своего отчаянія и тѣмъ обнаружить, какъ мало таилось въ душѣ надежды на возможность отвратить несчастье.

Ольга, съ такой настойчивостью покинувшая Карина весной и настоявшая на необходимости временной съ нимъ разлуки, чувствовала теперь, что его отъѣздъ будетъ послѣдней каплей, переполняющей чашу ея отчаянія. Ей казалось, что съ его отъѣздомъ оборвется и исчезнетъ конецъ нити, такъ много лѣтъ связывавшій ихъ жизни. Съ невѣроятной силой въ ней проснулся инстинктъ женщины, стремящейся удержать свое единственное и послѣднее счастье. Она поняла, что жертва, приносимая ею для дочери, казалась ей легка потому, что она знала и вѣрила въ непоколебимую силу любви Карина, въ то, что какъ бы то ни было, онъ не уйдетъ отъ нея. Супругъ, лю-

бовникъ или даже только другъ, — онъ безсмѣнно будетъ при ней, отдавая ей каждое бѣненіе своего сердца, каждую, свободную отъ служебнаго дѣла, мысль. Въ налетѣвшемъ шквалѣ, однимъ взмахомъ скомкавшемъ все ихъ прошлое, Ольга, холодѣя отъ ужаса, предвидѣла возможность страшнаго для нея конца, — разлуки съ Кариннымъ навсегда, и хотя только что передъ приходомъ его увѣряла себя, что для Таниты она готова идти на все, забыть себя, убить въ себѣ любовь и всѣ желенія, однако, при первомъ же шагѣ въ сторону этой жуткой пропасти, она почувствовала, что силы ея слабѣютъ.

— Дима... прошу тебя не уѣзжать завтра... дай мнѣ силъ для борьбы...

Каринъ вздрогнулъ. Онъ не ожидалъ этой просьбы отъ Ольги, всегда непоколебимой въ томъ, что касалось интереса Таниты. Неожиданная слабость Ольги испугала его: онъ понялъ глубину ея горя.

— Олюпка, мы не смѣемъ, мы не должны медлить ни одного дня, чтобы предотвратить непоправимое.

— Что же можетъ быть хуже того, что есть?

— О, можетъ, можетъ!... Сердце человѣка, хранящаго тайну, можно сравнить съ цѣльнымъ сосудомъ, наполненнымъ влагой: пока онъ цѣлъ — влага не проливается, но пусть образуется въ немъ малѣйшая трещина, пропустившая одну каплю, и влага вытечетъ вся. Такъ и тайна, глубоко запрятанная ото всѣхъ въ сердцѣ, можетъ храниться годы, но стоитъ человѣку повѣдать ее кому нибудь, какъ у него появляется потребность говорить о ней. Сердце больше не въ силахъ сдерживать свою тайну; ей тѣсно, она должна вылиться вся до капли. Мы должны дѣлать такъ, чтобы у этой милой дѣвочки не явилась потребность подѣлиться своей тайной съ тобой, а что еще опаснѣе — со мной. Мы должны разсѣять эту иллюзію любви. Я вѣрю, что Танита создала себѣ мечту и назвала

ее любовью ко мнѣ. Разсѣй же ее скорѣе, Олюшка, чтобы не погубить нашу громадную, сильную любовь...

Въ коридорѣ слышались шаги. Было поздно, и обитатели отеля, разговаривая и прощаясь, расходились по своимъ комнатамъ.

— Дима, иди къ себѣ... Танита навѣрно сейчасъ придетъ сюда. Когда все затихнетъ, мы увидимся...

Каринъ поцѣловалъ протянутыя ему руки, посмотрѣлъ въ заплаканные глаза и вышелъ. Ольга осталась сидѣть въ креслѣ. Она чувствовала тяжесть во всемъ тѣлѣ и въ мозгу. Мысли, раньше пронесившіяся мучительнымъ вихремъ, теперь отяжелѣли и ползли медленной, неясной вереницей. Хотѣлось сидѣть такъ долго, долго, съ закрытой дврью и спущенными шторами, приостановить жизнь и событія...

Ольга очнулась, когда скрипнула дверь, и на порогѣ обрисовался силуэтъ Таниты.

— Мапочка... Мусичка... гдѣ ты? Отчего такъ темно у тебя?

— У меня голова разболѣлась, дитя мое. Я здѣсь, въ креслѣ. Подожди, я зажгу маленькую лампочку подъ темнымъ абажуромъ. Вотъ такъ. Теперь закрой дверь. Который часъ? Я вздремнула въ креслѣ,

— Уже двѣнадцать. Мы засидѣлись подлѣ озера.

— А miss Jesob гдѣ?

— Она полчаса тому назадъ ушла къ себѣ, поручивъ провести меня мистеру Грей. Я немного посижу съ тобой, мусичка, — можно — Танита сѣла подлѣ матери.

— Конечно, дитя мое. О чемъ же вы говорили съ мистеромъ Грей?

— Такъ, обо всемъ по немногу. Онъ очень хорошо рассказываетъ.

— Да, это очень интересный и милый человѣкъ... — Ольга старалась говорить беззаботнымъ тономъ. Лампоч-

ка подъ темно-краснымъ абажуромъ наполняла комнату алымъ полусвѣтомъ. Танита при своемъ слабомъ зрѣніи не могла видѣть заплаканнаго лица матери, тогда какъ Ольга, глядя на дочь, невольно любовалась и вмѣстѣ съ тѣмъ страдала, видя оживленное прелестное личико.

— Мама, знаешь, что было сегодня? — Танита смущенно улыбалась. — Я выслушала une déclaration d'amour.

— Отъ кого же?

— Отгадай!

— Право, не могу... Мистеръ Грей?

— Нѣтъ... Антоніо Микетти.

— И что же?

— Какъ что? Мусичка, вѣдь ты же сама знаешь, что Антоніо Микетти чудный художникъ, но вѣдь я же не влюблена въ него.

— Конечно, конечно, дитя мое... Что же, онъ очень огорченъ?

— Ужасно! Но что же мнѣ дѣлать, мусичка, если онъ мнѣ нравится только такъ, для разговора, но не больше.

— Къ тому же онъ слишкомъ молодъ, чтобы жениться.

— Ну вотъ, я очень рада, что ты со мной согласна, мусичка. Конечно, если бы онъ нравился мнѣ, я, раньше чѣмъ дать отвѣтъ, посоветовалась бы съ тобой.

— Конечно, Таниточка. Вѣдь я знаю, что ты во всемъ довѣряешь своей мамѣ, что мы съ тобой настоящіе друзья и что ты бы не стала поступать вопреки моимъ совѣтамъ. Вѣдь такъ, дитя мое?

— Да, мусичка. Вѣдь, я такъ люблю тебя... — Танита прильнула щекой къ щекѣ матери и обняла ее за шею. Обѣ умолкли и обѣ думали о томъ, что единственный дорогой для обѣихъ человекъ невольно нарушалъ гармонію ихъ нѣжной дружбы. Ольга проводила рукой по волосамъ дочери и тихонько прижимала ее къ груди,

сидясь отогнать отъ себя постороннія мысли, кромѣ мыслей о счастья своего дитяти. У обѣихъ въ мысляхъ было имя Карина, но обѣ боялись произнести его, и Ольга не сказала дочери, что на слѣдующій день онъ рѣшилъ уѣхать.

XXIV.

Настало утро, яркое, полное блеска и радости южной природы. Каринъ и Ольга встрѣтили утреннюю зарю съ тоской предстоящей разлуки, и сразу для нихъ померкли яркія краски пробуждающагося дня.

— Дима, Дима, почему мнѣ кажется, что мы прощаемся навсегда, что все кончено, что я не увижу тебя больше? . . — въ тоскѣ ломала руки Ольга, прощаясь съ нимъ подъ утро, когда вокругъ всѣ еще спали.

— Полно, моя дорогая. У тебя нервы напряжены. Будемъ вѣрить, что случившееся не такъ страшно. . . — успокаивалъ ее Каринъ, стараясь придать голосу спокойный и увѣренный тонъ, но глаза, потухшіе и печальные, выдали правду. Ольга понимала, что онъ страдаетъ и боится будущаго не менѣе ея. Было рѣшено, что Ольга уѣдетъ съ Танитой дней на десять въ Швейцарію на другой же день послѣ его отъѣзда, чтобы облегчить тяжесть разлуки и скрыться отъ любопытныхъ глазъ обитателей отеля. Ольга рассчитывала, что укладка вещей поможетъ ей отвлечь мысли и позволить въ день отъѣзда Карина оставаться у себя въ комнатѣ и не показывать людямъ разстроеннаго лица, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

Къ утреннему кофе, которое обыкновенно пили вмѣстѣ на террасѣ, Танита вышла послѣдняя. Она была свѣжа и тихая улыбка мелькала на лицѣ.

— Какое утро чудесное! — проговорила она, здороваясь съ матерью и Каринымъ. — Я сегодня встала рано, одна пошла на пристань и знаешь, мусичка, что дѣлала? Отгадай? Въ лодкѣ каталась... Такъ чудно было! Такая красота! И всю эту красоту я вижу, вижу. Развѣ это не счастье? !.

— Да, дитя мое... я благодарю за тебя Бога...

— А вы, Владиміръ Сергѣевичъ, рано встали сегодня? Мнѣ показалось, будто это вы въ паркъ пошли часовъ въ восемь, когда я спускалась съ террасы.

— Да, я поднялся сегодня рано. Меня разбудила телеграмма: я долженъ сгѣшню ѣхать въ Петербургъ... сегодня же...

— О!... Что вы говорите?

Ольга взглянула на дочь и съ болью опустила глаза. Танита поблѣднѣла и, казалось, вотъ-вотъ изъ глазъ брызнуть слезы.

— Мама, мамочка... попроси Владиміра Сергѣевича отложить хоть немного... — она схватила руку матери и крѣпко ее сжала. — Такъ было хорошо, такъ весело... нѣтъ, это невозможно.

— Дитя мое, какъ же я могу просить...

— Развѣ меня надо просить дѣлать то, что мнѣ самому хотѣлось бы, мой маленькій другъ! — Каринъ протянулъ руку Танитѣ и пожалъ ее. — Это невозможно. Долгъ и служба — на первомъ планѣ. Я не могу медлить ни одного дня.

— Но тогда, быть можетъ, вы вернетесь? Пожалуйста, Владиміръ Сергѣевичъ! Мама, попроси и ты... — Танита опять схватила руку матери.

— Таниточка, вы забываете мои годы. Вамъ кажется, что я такъ молодъ, полонъ жизни и жажды ея какъ и вы. Нѣтъ, дружокъ, я очень старѣю. Смотрите, сколько сѣдыхъ волосъ — полная голова. Я уже не способенъ шутя,

кататься за сотни верстъ взадъ и впередъ; меня это утомляетъ. Старымъ людямъ хочется покоя, а не движенія и суеты. Я радъ, что побылъ съ вами и съ мамой, отдохнулъ, набрался силъ, а теперь пора опять взяться за дѣло. Машину подправили, подмазали и она должна идти прежнимъ ходомъ.

— Вы повторяете про старость... — Это совсѣмъ не вѣрно... — Танита, силясь побороть слезы, опутивъ глаза, крошила кусочекъ булки. Ея голосъ дрожалъ.

— Ахъ, вы мое милое дитя! — Каринъ разсмѣялся, но смѣхъ его не былъ искрененъ. Онъ говорилъ то, что ему подсказывалъ разумъ, говорилъ, какъ заученный урокъ то, что долженъ былъ говорить, но въ душѣ испытывалъ тоску и тяжесть: передъ нимъ, молча, страдали двѣ женщины, честныя, и чистыя, страдали; любя его, любя другъ друга. Онъ чувствовалъ, какъ тѣсно спаянное кольцо все уже и уже стягивало ихъ три жизни. Смятеніе овладѣвало его душой.

— Неужели вы не видите, — продолжалъ онъ, бросая тревожные взгляды на Ольгу, у которой на лицѣ застыло страданіе, — что это не слова, а дѣйствительность. Мнѣ сорокъ шесть лѣтъ стукнуло на дняхъ; я чувствую ихъ тяжесть гораздо сильнѣе, чѣмъ иной въ эти годы, потому что человѣкъ, отдающійся честно и всецѣло дѣятельности, которую я избралъ, не можетъ сохранить надолго радость жизни. Мы устаемъ и старѣемъ душой, творя судъ надъ своимъ ближнимъ. Горечь ихъ слезъ и страданіе ихъ преступленій капля за каплей отравляетъ чашу нашихъ жизненныхъ радостей. Потому въ сорокъ пять-шесть лѣтъ мы — усталые старики не на словахъ, а въ дѣйствительности. Приѣду въ Петербургъ, застану на своемъ письменномъ столѣ кипы бумагъ и, какъ кротъ, зароюсь въ нихъ.

Танита молчала. Едва замѣтно дрожала ея нижняя губа, какъ у ребенка, готоваго заплакать. Она наскоро выпила кофе и встала, собираясь уйти.

— Таниточка, я рѣшила завтра уѣхать съ тобой на нѣсколько дней въ Швейцарію. И мнѣ грустно, что Владиміръ Сергѣевичъ такъ внезапно покидаетъ насъ. Коротенькое путешествіе немного отвлечетъ насъ. Miss Jesob можетъ остаться здѣсь. Сегодня я сложу необходимыя вещи и завтра утромъ поѣдемъ. Хочешь?

— Хорошо, мусичка, — едва слышно отвѣтила Танита. Ольга притянула ее къ себѣ за руку и прижала губы къ ея глазамъ.

— Ты видѣлъ?.. Ты понялъ?.. — прошептала она, когда Танита вышла. — Она страдаетъ. Увы, это не только увлеченіе. . .

Каринъ, понутивъ голову, молчалъ.

Танита, сдержавъ подступившія слезы, поднялась по лѣстницѣ, прошла длинный корридоръ, вошла въ свою комнату и заперла на замокъ дверь. Она бросилась на кровать и, зарывъ лицо въ подушки, зарыдала. Она страдала не только отъ предстоящей долгой разлуки съ тѣмъ, кого тайно и горячо любила, но и отъ того, что онъ только что сказалъ ей: отъ его словъ на нее повѣяло чѣмъ то холоднымъ и безнадежнымъ.

— Боже мой, неужели онъ не видитъ?.. Неужели онъ, такой чуткій, не понимаетъ, что я люблю его, люблю такимъ, какой онъ есть. . . съ его усталостью, съ его сѣдинами. . . именно за все это я и люблю его. . . — твердила про себя Танита, орошая подушку обильными слезами. Miss Jesob два раза стучала къ ней въ дверь, но, не получивъ отвѣта, пожала плечами и ушла съ книжкой въ паркъ. Послѣ долгихъ слезъ наступило сознаніе тупой тоски. Танита продолжала лежать все въ томъ же положеніи и, предаваясь своимъ горестнымъ мыслямъ, не за-

мѣчала, какъ шло время. Что-то тяжелое упало на полъ. Она подняла голову. Посреди комнаты лежало письмо и роза, привязанныя къ камешку, брошенному черезъ окно. Танита медленно поднялась съ кровати, отвязала письмо и, вынувъ его изъ конверта, развернула большой листъ бумаги, на которомъ было написано четкими, крупными буквами нѣсколько строкъ по итальянски:

«Только что узналъ, что онъ уѣзжаетъ... Боже мой, какъ я страдаю за васъ, моя Офелія. Не вижу, но чувствую ваши слезы... О, если бы я могъ утѣшить васъ!.. Но я такъ же несчастливъ и полонъ тоски, какъ и вы сами. Неужели правда, что и вы уѣдете на цѣлую недѣлю?! Regina mia, Ofelia mia, я молю васъ, закройте газомъ ваши заплаканные глаза и спуститесь въ паркъ; оттуда я проведу васъ къ пристани, мы сядемъ въ лодку и далеко уплывемъ. Тамъ никто не помѣшаетъ вамъ плакать, а я, быть можетъ, найду въ глубинахъ моего сердца слова успокоенія и дружбы для васъ — моя недостижимая мечта.

Вѣрный другъ Антоніо».

Танита прочла письмо, опустила руки и осталась стоять съ закрытыми глазами. Въ ея одинокомъ горѣ неожиданная ласка и сочувствіе къ этому горю какъ будто бы на мгновеніе смятчили остроту боли. Она почувствовала потребность убѣжать куда нибудь подальше, чтобы никто кромѣ Антоніо не подсмотрѣлъ. Антоніо, одинъ Антоніо могъ понять ее, пожалѣть; протянуть руку сочувствія, ласковымъ словомъ утѣшить, хоть на время, душевную боль. Съ вчерашняго дня онъ сталъ ей близокъ преданной любовью и страданіемъ, которое она невольно ему причиняла... Разорвавъ на мелкіе клочки письмо и уронивъ на полъ розу, Танита освѣжила водой заплаканное лицо и достала бѣлый газовый шарфъ. Она не замѣтила, что бѣдный, только что сорванный въ саду цвѣтокъ, забытый

ею, валялся у ея ногъ и, подъ ударомъ каблука, уже умиралъ, благоухающій и нѣжный... Такъ вянуть и умираютъ непонятые пышные сны нашей жизни, такъ вянуть и умираютъ, не успѣвъ доцвѣсти, непонятныя чувства, такъ гаснутъ, созданные нашей мечтой, идеалы, такъ топчется красота, такъ умираемъ мы сами, внезапно придавленные пятой старости или недугомъ...

Поспѣшно спустившись въ паркъ, Танита на первой же скамейкѣ увидѣла ожидавшаго ее Антонію. Онъ сидѣлъ, склонивъ голову на руки, облобоченный о колѣни. Углубленный въ нерадостныя думы, онъ не слышалъ шаговъ приближавшейся Таниты и поднялъ голову, когда она была уже подъѣзъ него. Онъ вскочилъ и протянуть ей обѣ руки:

— Какое счастье, что вы пришли!.. Уйдемъ отсюда! Хотите на озеро?

Танита наклонила голову въ знакъ согласія. Слезы опять рвались наружу, и она кусала губы, сдерживая ихъ. Антонію повелъ ее отдаленными дорожками парка; никого не встрѣтивъ, они вышли изъ калитки на шоссе и, перебѣжавъ его, вышли на пристань. На поверхности голубыхъ водъ, отражаясь въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, тихо покачивались лодки. Антонію прыгнулъ въ одну изъ нихъ, протянулъ руку Танитѣ, усадилъ ее, сильнымъ движеніемъ руки оттолкнулся отъ пристани, ударилъ веслами, и лодка, скользя, быстро поплыла въ яркомъ и горячемъ пространствѣ, пронизанномъ золотомъ солнечныхъ лучей. Они плыли молча. Танита, безвольно опустивъ руки на колѣни, не подымая съ лица шарфа, сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на воду. Антонію, сдвинувъ брови на загорѣломъ лицѣ, стиснувъ зубы, напрягая стальные мускулы рукъ, съ ожесточеніемъ ударялъ по весламъ, какъ бы сдерживая заглушить душевную боль напряженіемъ физической силы. Посреди озера онъ

бросилъ весла, отеръ со лба капли пота, бурно вдохнулъ и въ упоръ посмотрѣлъ на Таниту:

— Ессо! Siamo soli! (ну, вотъ мы одни).

Онъ взялъ руку Таниты и, нагнувъ голову, заглядывать ей въ глаза. Рука ея дрожала, въ глазахъ стояли слезы, готовая вотъ-вотъ вылиться.

— Отчего онъ уѣзжаетъ? Что случилось? — спросилъ Антонію, сжимая руку.

— Его вызываютъ по дѣлу... онъ долженъ ѣхать.

— Какія могутъ быть дѣла? Какой тамъ долгъ, когда вы страдаете?!. — вспыхнулъ Антонію и въ глазахъ его загорѣлся гнѣвъ.

— Но вѣдь онъ не знаетъ...

— Какъ онъ можетъ не знать, не видѣть, не чувствовать!... *é un cretino, idiota...*

Танита съ укоризной песмотрѣла на него.

— Простите меня. Я перестаю владѣть собой. Пусть бы страдалъ одинъ я, но вы, вы!.. я не въ силахъ видѣть эти страдающіе, заплаканные глаза... Какое же у него сердце, если онъ не чувствуетъ вашей любви? Гдѣ же его умъ?..

— Ахъ, синьоръ Антонію, онъ такъ далекъ отъ мысли, что его могутъ любить. Онъ считаетъ себя старикомъ, а жизнь свою оконченной.

Такъ ему надо объяснить, дать понять. Такъ продолжаться не можетъ... А ваша мама развѣ не замѣчаетъ?

— О, нѣтъ, конечно, нѣтъ...

— *Signorina cara*, скажите ей, объяснитесь съ ней. Она васъ такъ обожаетъ. Вѣдь вы же дружны съ ней?

— Да, очень дружны, но объ этомъ я никогда не могла говорить съ мамой.

— Теперь это необходимо. Она пойметъ васъ и... поможетъ вамъ.

— Какъ она можетъ помочь?..

— Боже мой, я не хочу, чтобы вы страдали! — съ горячностью воскликнулъ Антоніо, ероша курчавые волосы. — Пусть страдаютъ всѣ, но не вы. И я безсиленъ помочь вамъ. — Антоніо опустилъ голову. Опять оба умолкли.

— Regina mia, Офелія... Забудьте его, разлюбите его... вѣдь я такъ люблю васъ! Вы. — мое божество, моя красота, моя мечта, мое вдохновеніе!.. полюбите меня немного, одной искрой, и я, клянусь, сумѣю эту искру раздуть въ пожаръ. О, какое было бы счастье...

— Синьоръ Антоніо, сердцу не прикажешь... будьте мнѣ другомъ, только другомъ...

Когда они возвращались обратно, и ихъ лодка причаливала къ пристани, Джонъ Грей, бродившій по парку, издали увидѣлъ ихъ. Онъ свернулъ съ дорожки, на которой могъ встрѣтиться съ ними, ушелъ въ самую глубину парка и, закуривъ сигару, долго шагаль взадъ и впередъ, наклонивъ голову и ничего передъ собой не видя. Наконецъ, онъ поднялъ голову, бросилъ окурокъ и, со строгимъ, но спокойнымъ лицомъ отправился къ лаунъ-теннису. Онъ рѣшилъ не говорить Танитѣ того, о чемъ собирався переговорить съ ней при первой же встрѣчѣ глазъ на глазъ.

XXV.

Машинально, какъ бы по инерціи, Ольга аккуратно складывала въ чемоданъ блузки и два-три платья для нѣсколькихъ дней, которые она собиралась провести въ Швейцаріи. Хотя день былъ совершенно такой же яркій, какъ и предыдущій, и солнце въ этотъ часъ, какъ и раньше, заливало комнаты и играло радугой на граненомъ, хрустальномъ фужерѣ, въ которомъ, заботливой рукой Карина ежедневно смѣнялись чайныя розы, хотя комната

была такъ же мила и уютна, съ распахнутыми на террасу дверьми, откуда открывался видъ на вѣчно мѣняющее свои окраски озеро съ тремя граціозными островками, хоть небо было голубое, безоблачное и глубокое, и вся природа дышала полной, цвѣтущей жизнью юга, — однако для Ольги все измѣнилось: какъ будто между нею и внѣшнимъ міромъ опустили дымку траурнаго флера. Въ душѣ творилось что-то сложное: рядомъ съ ужасомъ передъ неоспоримымъ фактомъ подслушаннаго признанія Танины впервые проснулся страхъ потерять Карина — единственнаго друга, съ которымъ спилась ея жизнь и ея мысли. Ольга поняла, что, потерявъ Карина, въ ея жизни образуется страшная пустота, которую не заполнить ея любовь къ дочери.

Страхъ передъ этой пустотой заставлялъ мысли Ольги цѣпляться за совѣтъ Карина направить сердце дочери въ другую сторону. И то, что наканунѣ вечеромъ казалось ей невозможнымъ, невыполнимымъ, теперь представлялось якоремъ спасенія, за который она хваталась всѣми слабѣющими силами души.

Женщины умѣютъ нести тяжелую скорбь души, имѣя со стороны, для посторонняго взгляда, совершенно спокойный, сосредоточенный на мелкихъ домашнихъ дѣлахъ, видъ. Глядя на Ольгу, перебиравшую стопку тонкихъ бѣлыхъ чулокъ и аккуратно раскладывавшую ихъ въ чемоданъ, никому не пришло бы въ голову, что движенія ея почти безсознательны. Какъ всегда просто зачесанные, волной лежащіе волосы, были подобраны тщательно и кокетливо; бѣлое батистовое платье красиво и ловко облегло фигуру, желтая роза неизмѣнно приколотая за ухомъ къ пышнымъ волосамъ, оттѣняла смуглость кожи. Все было какъ всегда, только глаза, всегда открытые и яркіе, устало прятались за темными рѣсницами и были полны горечи и тоски.

Ольга стояла спиной къ двери, склонивъ голову надъ чемоданомъ. Неслышно открылась дверь. На порогѣ стоялъ Каринъ.

— Неужели я ее потеряю?.. — съ ужасомъ спросилъ онъ себя. Ему была видна нѣжная и мягкая линія затылка и такъ хорошо знакомые два завитка на шеѣ. Вся она была такъ близка, такъ нераздѣльно слита съ его мыслями, что отъ мелькнувшаго вопроса у него захолонуло сердце. Внутренно онъ весь содрогнулся и съ усиленіемъ передохнулъ.

— Ольга... Олюшка!.. — тихо позвалъ онъ и заперъ за собой дверь. Она обернулась. Каринъ былъ въ пальто, со шляпой въ рукѣ. Въ лицѣ Ольги мелькнулъ испугъ. Она быстро приблизилась къ нему и, положивъ обѣ руки на плечи, смотрѣла молящими глазами.

— Дима... неужели ты?.. — Она не договорила и, обвивъ его шею руками, безсильно опустила голову къ нему на грудь. Каринъ молчалъ, собирая всю силу воли.

— Дима... нѣтъ силъ... не могу... — какъ отъ физической боли тихо мотая головой, прошептала Ольга.

— Будемъ сильны... Я ѣду сейчасъ автомобилемъ до Милана. Одиночество и быстрота движенія быть можетъ смягчатъ, помогутъ... Подожди, Олечка... Сядемъ... я хочу вотъ что сказать тебѣ...

Они сѣли, но Каринъ молчалъ. Онъ крѣпко сжималъ похолодѣвшую руку Ольги и съ тоской смотрѣлъ, какъ двѣ слезы выкатились изъ ея опущенныхъ глазъ и медленно текли по щекамъ.

— Зачѣмъ приходитъ въ отчаяніе?.. Развѣ мы меньше любимъ другъ друга? Въ сердцѣ все то же осталось... Вѣдь я знаю, что моя любовь къ тебѣ неизмѣнна, что ты не можешь разлюбить меня за то, что эта милая дѣвочка увлеклась мной.

— Разлюбить я не могу, — перебила его Ольга, — но, если это не увлеченіе, а любовь, — уйти я должна...

— Олюшка!..

— Да, да, Дима... я должна буду уйти отъ тебя. О, развѣ ты самъ не понимаешь, что я сойду съ ума, когда въ твоихъ объятіяхъ передо мной будутъ стоять эти печальные, голубые глаза... въ нихъ я буду читать укоръ. Это будетъ чудовищно, ужасно! Я не смогу смотрѣть въ глаза моей дѣвочки, я должна буду чувствовать себя какъ воръ. Ты самъ все это понимаешь, потому и спѣшишь уѣхать... Или она должна разлюбить тебя, или...

— Господи, что за кошмаръ!.. — прошептала Каринъ выпуская руку Ольги и хватаясь за голову.

— Увы, это жизнь... — безнадежно прошептала Ольга.

— А все таки, я увѣренъ, что эта дѣвочка подъ давленіемъ сосредоточеннаго одиночества, въ силу болѣзни, дружбу и привязанность ко мнѣ сочла за любовь. Джонъ Грей молодъ, красивъ, безспорно интереснѣе меня и влюбленъ въ нее; я уѣду, ты будешь часто говорить съ ней обо мнѣ, какъ о старомъ, усталомъ другѣ, и выдвигать на первый планъ баронета Грей. Молодость и жажда къ жизни возьмутъ свое.

— Ахъ, Дима, если бы это было такъ!..

— Будетъ, милая, будетъ... я знаю, я вѣрю, что будетъ. Пора и намъ съ тобой получить, наконецъ, хоть осколокъ отъ полнаго счастья, чтобы подойти къ порогу старости, неразрывно держась за руки... Да, Олюшка?

— Да, да, Дима. Только со вчерашняго дня я поняла, какъ ты мнѣ дорогъ, какъ ужасно было бы для меня потерять тебя... нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу говорить объ этомъ... Боже мой, зачѣмъ все это случилось?.. Зачѣмъ ты уѣзжаешь?..

Ольга схватила шею Карина и въ тоскѣ вся прижалась къ нему. Онъ ласкалъ ея волосы и поочередно прижималъ губы къ заплаканнымъ глазамъ. Послышались шаги въ коридорѣ. Оба узнали легкую, осторожную походку Таниты. Каринъ быстро всталъ и крѣпко прижалъ къ себѣ Ольгу:

— Надо ѣхать... Олечка, моя любовь ни на секунду не покинетъ тебя, — прошепталъ онъ и сейчасъ же отстранился. Ольга, смахнувъ слезы и ставъ спиной къ свѣту, дѣлала видъ, что разбираетъ что-то на столѣ. Въ ту же минуту вошла Танита.

— Мама, это не можетъ быть!.. Мнѣ сказали... — увидѣвъ Карина, она оборвала рѣчь и пошла къ нему. — Какъ, вы уже хотите ѣхать? — ея голосъ, какъ натянутая струна, оборвался, и испуганные глаза смотрѣли пристально, умоляюще. Каринъ опустилъ глаза подъ этимъ взглядомъ, въ которомъ онъ прочелъ стчаяніе любви.

— Я долженъ... мнѣ пора ѣхать... дѣла не ждутъ...

— Я васъ прошу, — останьтесь еще... — Танита сложила руки и наивнымъ, прелестнымъ жестомъ прижала ихъ къ груди.

— Мой маленькій другъ, развѣ я, старый, пропитанный дѣлами чиновникъ, могу вамъ прибавить веселья? А меня, откровенно говоря, и самого уже тянетъ къ бумагамъ, къ службѣ, къ тишинѣ моего кабинета. Лечитесь, будьте пай, веселитесь, флиртуйте со всѣми молодыми людьми всего міра, сверните имъ всѣмъ головы и приѣзжайте домой совсѣмъ здоровая.

Шутливо проговоривъ всю эту тираду, Каринъ взглянулъ на Таниту. У нея дрожали подбородокъ и углы губъ. Онъ понималъ, что необходимо скорѣе покончить прощанье и уѣхать, не давъ ей расплакаться.

— До свиданія, — обратился онъ къ Ольгѣ. — Напишите, какъ понравится Танитѣ Швейцарія.

— Bon voyage. Повидайте дядю Алексѣя. Мѣсяца черезъ два и мы вернемся. — Ольга съ дѣланнымъ спокойствіемъ протянула Карину руку и поцѣловала его въ лобъ. — Я завидую, что вы ѣдете въ auto сейчасъ.

— Поѣдемте, — шутливо пригласилъ Каринъ.

— Ничего, мы тоже завтра помчимся. Таниточка распорядись, чтобы miss Jesob прислала мнѣ то, что ты берешь въ Швейцарію.

— Хорошо.

— Однако, мнѣ очень пора, а то я не перехвачу въ Миланѣ экспресса, — заторопился Каринъ. Онъ еще разъ поцѣловалъ руку Ольгѣ и Танитѣ и быстро вышелъ изъ комнаты. Ольга вышла вслѣдъ за нимъ. Танита, словно окаменѣвъ, осталась стоять на томъ же мѣстѣ. Закинувъ голову и закрывъ глаза, она дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы не разрыдаться. Послышался гудокъ автомобиля и трескъ мотора. Танита тихонько застонала. Открылась дверь и вошла Ольга. Танита молча, не измѣняя позы, не открывая глазъ, протянула къ матери обѣ руки, какъ протягиваетъ ихъ ослабѣвшій, готовый упасть чело- вѣкъ. Ольга схватила эти безпомощно протянутыя къ ней руки, притянула дочь къ себѣ и въ одно мгновеніе забыла всю свою скорбь; какъ будто тоска ея дитяти смыла на время изъ сердца то, чѣмъ оно было полно и чѣмъ страдало еще минуту тому назадъ. Въ одно мгновеніе она почувствовала, поняла, что сейчасъ должно произойти что-то неизбѣжное, чего ни она и никто отворотить не можетъ; что это неизбѣжное уже стоитъ за ея спиной, и будетъ ужасно и безпощадно. Ольга внутренно вся съежилась, готовая принять повисшій надъ ней ударъ.

— Мама... мама... я не могу больше... — звенящимъ, полнымъ тоски голосомъ воскликнула Танита и рыдая, бросилась на грудь матери.

Нѣсколько минутъ тому назадъ тотъ же возгласъ ыр-

вался изъ груди матери, и она поняла степень страданія, одного и того же, тайно связывавшаго ихъ, горя. Ольга вздрогнула и ужаснулась отъ сознанія, что между нею и дочерью стоялъ образъ мужчины. Въ это секунду въ ея воображеніи стоялъ не Каринъ, — ея другъ, нѣжный, заботливый, преданный другъ, а только мужчина, къ которому одинаково тянулись два женскія сердца: ея и ея дочери. Горячая волна гордаго возмущенія залила мозгъ. Исчезла женщина и надъ рыдающей дочерью склонилась мать, только мать, нѣжная, полная любви и силы.

— Дитя мое, что съ тобой?

— Мама, я не могу больше такъ жить... я сойду съ ума... вѣдь я... я люблю его... зачѣмъ онъ уѣхалъ? ... верни, верни его:

— .. Свершилось... Конецъ... — какъ молотомъ ударило въ мозгъ и сердце Ольги. Было чувство, точно ее перебросило черезъ зіяющую пропасть, въ которую она была увѣрена, что неминуемо упадетъ; но она оказалась по другую сторону этой пропасти и, ставъ на ноги, сознавала себя способной идти дальше, черпая силы въ источникъ материнской любви.

— Ты любишь нашего милаго друга Владиміра Сергѣевича? — переспросила Ольга спокойнымъ голосомъ, которому сама удивилась.

— Я такъ люблю его, что жить не могу и не хочу безъ него... — продолжала рыдать, прерывающимся голосомъ проговорила Танита.

— Не плачь такъ, успокойся... поговоримъ, обсудимъ... — Ольга подвела дочь къ дивану и усадила ее рядомъ съ собой. Танита, рыдая, уткнулась лицомъ въ колѣни матери.

— Дѣтка моя, я думаю, что ты ошибаешься въ своемъ чувствѣ: ты привязана къ нему, какъ къ дорогому другу, уважаешь его, восхищаешься его талантомъ, ора-

тора, принимая все это за любовь. Безспорно онъ достоинъ ея, но, дитя мое, для твоей любви онъ старъ, утомленъ жизнью и уже не способенъ на бурныя переживанія.

— Ахъ, мама, развѣ я требую отъ него что нибудь? Ничего, ничего мнѣ не надо. Пусть онъ только позволить мнѣ любить себя и самъ, хоть немного, меня полюбить.

Танита подняла съ колѣнъ Ольги заплаканное лицо, откинула со лба спутанныя пряди волосъ, и по дѣтски кривя губы, стала сморкаться и вытирать слезы.

— Я его люблю такимъ, какой онъ есть: съ его сѣдыми висками, съ его усталостью, съ его жаждой покоя... Именно за все это я и люблю его. Не все ли мнѣ равно, сколько ему лѣтъ? О, я бы сумѣла дать ему покой, я бы не была ему помѣхой ни въ дѣлахъ, ни въ его строгой, серьезной жизни. Ты пойми, мамочка, что я люблю его давно, много лѣтъ; только о немъ и думаю... а онъ ничего не знаетъ, не замѣчаетъ, я безразлична ему... Ахъ, это ужасно!.. Больше я такъ не могу!.. — Танита закрыла ладонями лицо и, упавъ головою въ мягкія шелковые подушки, опять зарыдала.

У Ольги выступили на глазахъ слезы. Горе дочери далеко отодвинуло, затуманило личныя переживанія, хотѣлось осушить эти первыя горькія слезы женскаго горя, чтобъ вернуть юности безмятежную улыбку радости жизни.

— Какъ же быть, Таниточка, если ты увѣрена, что дѣйствительно любишь его? Я знаю, что Владиміръ Сергѣевичъ любить тебя нѣжной, заботливой любовью друга, но, въ его годы, конечно, ему и въ голову не можетъ прийти относиться къ тебѣ иначе...

— Въ этомъ заключается все мое горе... Онъ не видитъ, не понимаетъ... а я страдаю, ночи не сплю, мучаюсь день и ночь... Мама, мама, помоги мнѣ!..

— Помочь?.. Какъ же помочь тебѣ, дѣтка?

— О, ты всегда была моею чудной волшебницей. Всегда, съ самаго дѣтства, когда я приходила къ тебѣ въ слезахъ и горѣ ты, вотъ какъ теперь, гладила мою голову и умѣла дѣлать такъ, что горе мое проходило и я опять смѣялась и была счастлива. Дорогая моя, любимая моя волшебница, мамочка моя хорошая, сдѣлай же и теперь такъ, чтобы я была счастлива. Сдѣлай, умоляю тебя... Что же ты молчишь? Скажи мнѣ, что все будетъ хорошо, что ты утѣшишь меня.

— Не плачь, дитя мое бѣдное; я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, я сдѣлаю даже больше... не плачь... — Ольга продолжала гладить склоненную на подушки голову дочери. Она сидѣла выпрямившись, напряженно глядя въ распахнутыя двери террасы: переливалось и блистало голубое озеро, легкій вѣтерокъ врывался въ комнату, благоухали на столѣ розы, а жизнь тускнѣла, меркла, таяли краски, кругомъ становилось темно и жутко отъ сознанія, что жизнь съ личными радостями должна увянуть, потому что дорогое юное существо, любимая дочь, въ слезахъ протягиваетъ молящія руки къ тому счастью, разделить которое невозможно, — его надо отдать и самой исчезнуть, скрыться... Еще нѣсколько минутъ тому назадъ она вѣрила, хотѣла вѣрить въ возможность сохранить это счастье для себя, теперь же, выслушавъ признаніе дочери и мольбу помочь ей, она знала, что вырветъ собственное сердце, погрузится въ полную тьму, но сдѣлаетъ все, чтобы дать счастье Танитѣ.

— Ну что же ты хочешь, моя крошка? Какъ мнѣ утѣшить тебя?

— Уѣдемъ домой, мусичка... я не могу оставаться здѣсь... пожалуйста, уѣдемъ... Не надо Швейцаріи, ничего не надо... Быть тамъ, гдѣ онъ — вотъ все, чего я желаю. Если я останусь здѣсь, съ этой тоской, я опять стану

худо видѣть. Ну, скажи, скажи же, что мы уѣдемъ, — молвила Танита, прижимаясь головой къ груди матери.

— Хорошо, дѣтка: мы уѣдемъ. Будетъ такъ, какъ ты хочешь. Подождемъ нѣсколько дней и уѣдемъ.

— И ты сдѣлаешь такъ, что онъ будетъ бывать у насъ часто-часто, — каждый день?

— Да, онъ будетъ бывать у насъ каждый день, — какъ эхо повторяла Ольга тихимъ, безстрастнымъ голосомъ. Положивъ руки на голову дочери, она сидѣла, вся опустившись, тихая, покорная и усталая.

Мало-по-малу лицо Таниты прояснилось. Скрутивъ комочкомъ намокшій платокъ, она вытерла глаза и долго сидѣла, обнявшись съ матерью и строя въ мечтахъ карточные домики, всегда готовые разсыпаться отъ небрежно мимолетнаго прикосновенія судьбы, безстрастной къ нашимъ страданіямъ и къ нашимъ грезамъ.

— Ну вотъ, теперь мнѣ стало легче на душѣ. Какое счастье, мусичка, что я наконецъ рѣшилась подѣлиться съ тобой моей тайной! Я такъ долго хранила ее въ себѣ: и это было такъ тяжело, но, сама не знаю почему, я никакъ не могла открыть тебѣ моего сердца. А теперь мнѣ хорошо и спокойно, — говорила Танита, поднявшись съ дивана и оправляя сбившуюся прическу и измятую кисейную блузку.

Ольга улыбулась ей блѣдной и покорной улыбкой, которую Танита не понимала. Она ушла отъ матери съ облегченнымъ сердцемъ.

— Ну вотъ и конецъ!.. Пусто и тихо... Такъ надо, такъ должно быть...

Ольга поднялась съ дивана, сдѣлала два шага къ чемодану и опять остановилась, вспомнивъ, что укладываться нечего, такъ какъ въ Швейцарію онѣ не ѣдутъ. Она опять опустилась на диванъ и вдругъ поняла, что и вообще лично для себя ей больше нечего дѣлать въ жиз-

ни. Захотѣлось, чтобы дни быстрой чередой побѣжали бы за днями, чтобы возможно скорѣе свершилось то неизбежное, которое, она чувствовала, уже приближалось, росло, окутывало ее тѣнью и холодомъ смертельной тоски. Она знала, что это неизбежное подпилить послѣднюю сваю ея жизненной постройки. . . все рухнетъ, сломается, застелется пылью и тьмой. Тоска тяжелаго предчувствія давила душу. Ей вспомнились слова великаго мыслителя: «Coming ivints cast their shadows befor». (надвигающіяся событія бросаютъ впереди себя тѣни). Но надо было идти навстрѣчу этимъ страшнымъ тѣнямъ, и, во имя любви къ дочери, она пошла.

XXVI.

До отхода поѣзда оставалось полъ часа. Каринъ заказалъ лакею обѣдъ и, ни на кого не глядя, никого не замѣчая, сѣлъ за столикъ. Вокругъ сновали, суетились, бѣгали, переговаривались люди. Каринъ былъ ко всему безучастенъ. Ему хотѣлось поскорѣе сѣсть въ вагонъ, лечь и, закрывъ глаза, думать, чтобы возможно спокойнѣе разобратъся во всемъ случившемся и въ самомъ себѣ. Уплативъ по счету и не ожидая сдачи, онъ прошелъ въ купе. Нѣсколько минутъ, остававшихся до отхода поѣзда, онъ стоялъ у открытаго окна, глядя на платформу, гдѣ бѣгали отъѣзжавшіе пассажиры, спѣшно догоняя «tachino», нагруженныхъ ручнымъ багажемъ, и ничего не видѣлъ, погруженный въ свои мысли, неопредѣленные и тоскливые. Какъ только тронулся поѣздъ, онъ легъ, задернувъ синей тафтой бьющій яркимъ свѣтомъ электрической шаръ. Чтобы гарантировать себѣ одиночество, онъ заплатилъ кондуктору и заложивъ руки подъ голову и протянувъ на диванъ грузную, громадную фигуру, закрыть глаза, отдаваясь покачиванію вагона и теченію мыслей.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ спалъ крѣпкимъ сномъ переутомленнаго человѣка. Онъ спалъ не просыпаясь и безъ сновъ. Утромъ, когда его разбудилъ кондукторъ, онъ не сразу понялъ гдѣ онъ, куда ѣдетъ и отчего.

До окончанія срока отпуска оставалось еще двѣ недѣли. Каринъ рѣшилъ провести нѣсколько дней въ Дрезденѣ, который онъ любилъ по воспоминаніямъ юности, когда учился въ Берлинѣ и подолгу гащивалъ въ Дрезденѣ у жившей тамъ старухи-тетки. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ мирный, чистенькій и красивый городокъ, гдѣ ему была знакома каждая улица, каждое кафэ, навѣтъ успокоеніе на смятенную душу. Изъ писемъ Елены Кирилловны къ Ольгѣ онъ зналъ, что Стоцкая находится въ деревнѣ, а потому мысль встрѣтиться съ ней въ Дрезденѣ не пугала его.

Онъ остановился въ скромномъ отелѣ недалеко отъ галлерей, имѣя въ виду проводить утра въ тихихъ залахъ передъ полотнами безсмертныхъ мастеровъ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни взрывовъ отчаянія, ни дикихъ приступовъ возмущенія противъ судьбы: тяжелое, тупое состояніе безысходной покорности овладѣло имъ. Ему хотѣлось хоть на время не оглядываться назадъ, не забѣгать въ будущее. Надо было идти своей прямой, Богъ вѣсть, куда ведущей дорогой... и онъ шелъ.

Въ первый же день пріѣзда, бродя по знакомымъ улицамъ, полныхъ далекихъ и милыхъ воспоминаній, онъ присѣлъ къ столику подлѣ кафэ, оперся двумя ладонями о ручку трости и задумался о всѣхъ, прошедшихъ съ юности, годахъ. Жизнь его показалась ему долгой-долгой, однообразной и сѣрой. Служебная карьера и упорчившаяся за нимъ слава оратора не включались имъ въ кругъ личной жизни, не волновали и не радовали его. Онъ, создавшій себѣ извѣстность, уваженіе и даже любовь, былъ чуждъ радостей, которыми самоуслаждаются честолюби-

вые и тщеславные люди. У него была слишкомъ гордая душа и мудрый умъ, чтобы закладывать фундаментъ счастья на «общекъ толпы. Личнаго же счастья у него не было. Всю жизнь онъ протягивалъ къ нему руки, идя слѣдомъ за его обманчивой тѣнью, и всю жизнь оно отбѣгало и, наконецъ, теперь грозило совсѣмъ уйти... Каринъ закрылъ глаза и тяжело вздохнулъ. Опять онъ чувствовалъ себя усталымъ странникомъ проѣзжей дороги, тянущейся далеко безъ пристанища, безъ надежды отдыха.

— Да, я усталъ... и было бы хорошо окончить этотъ трудный и скучный путь, — подумалъ Каринъ.

Ни о какой борьбѣ онъ больше не думалъ и если чего желалъ въ эти минуты, то только абсолютнаго покоя. Неожиданно его потянуло въ свой кабинетъ, къ кипамъ бумагъ, зарываясь въ которыхъ, онъ отходилъ отъ личной жизни. Опять будетъ звонить телефонъ, выбрасывая изъ своей трубки все новую и вѣчно повторяющуюся накипь мутной жизненной волны.

Долго просидѣлъ такъ Каринъ, застывъ въ задумчиво сосредоточенной позѣ и не замѣчая, что посѣтители кафэ оглядывались на него, а иные перешептывались. Наконецъ, заплативъ за кружку пива, до которой онъ не дотронулся, онъ всталъ и медленной походкой побрелъ впередъ, не замѣчая пути.

— Владиміръ Сергѣевичъ!... Владиміръ Сергѣевичъ!.. — услышалъ онъ за собой женскій голосъ. Каринъ въ недоумѣніи обернулся: изъ экипажа, запряженнаго парой прекрасныхъ лошадей, близко подѣхавшаго къ самой пани, ему дѣлала знаки дама въ траурѣ. Каринъ не узнавалъ ея и нѣсколько секундъ стоялъ въ недоумѣніи. Наконецъ, онъ узналъ Стоцкую. Досадуя на эту неожиданную встрѣчу, онъ подошелъ къ экипажу и, несмотря на

сопротивленіе, долженъ былъ уступить, сѣсть въ экипажъ и ѣхать къ ней.

— Вы надолго?

— Завтра я уѣзжаю въ Петербургъ, — отвѣтилъ Каринъ, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ приглашеній и сейчасъ же мысленно рѣшилъ дѣйствительно уѣхать.

— Вы не спрашиваете, отчего я въ траурѣ?

— Простите, я... — Каринъ не нашелся, что сказать: онъ не замѣтилъ ея траура.

— У меня большое горе... я потеряла дочь. Дома я расскажу вамъ эту ужасную исторію. Я столько, столько пережила за то время, что мы съ вами не видались!.. Я ужасно рада васъ видѣть, — говорила Стоцкая. Въ ея голосѣ звучали искреннія, простыя нотки, которыхъ раньше Каринъ не зналъ у нея.

Они подъѣхали къ красивому особняку, съ небольшимъ, усаженному цвѣтами садикомъ, обнесеннымъ вѣтвистой чугунной рѣшеткой. Каринъ былъ слегка удивленъ той изысканной роскоши, съ которой были обставлены комнаты. Чувствовалось по вещамъ, по количеству прислуги, что жизнь велась на широкую ногу и расходы не боялись. Посѣщая семью Стоцкихъ много лѣтъ тому назадъ еще при жизни мужа Анастасіи Парловны, Каринъ зналъ, что они были людьми хотя и состоятельными, но не настолько, чтобы позволять себѣ роскошь. Очевидно, кромѣ личныхъ средствъ, Стоцкая пользовалась еще иными... Ему вспомнился баронъ Фихт-нголь, и онъ рѣшилъ, что, несмотря на холодную и педантичную вѣжливость, баронъ умѣлъ быть щедрымъ.

Усадивъ Карина на террасѣ, обставленной пальмами и цвѣтами, Стоцкая принялась изливать ему свое горе. Безъ шляпки она показалась ему слегка постарѣвшей. Въ разговорѣ съ нимъ она забыла былые приемы благосклонной королевы. Печальную исторію Нелли она раз-

сказала такъ, какъ ей было велѣно рассказывать, что она утопилась съ горя отъ какой-то нераздѣленной любви.

— Она хотѣла въ монастырь идти, *cette pauvre gamine*. Конечно, я запротестовала; я была увѣрена, что это глупая, минутная фантазія, *j'ai dit non*, а черезъ два часа она утопилась. Я не въ силахъ была оставаться въ этомъ домѣ, видѣть этотъ паркъ и эту ужасную рѣку: я уѣхала, поручивъ барону Фихтентоллю заняться имѣніемъ, пока я не справлюсь хоть немного отъ этого страшнаго удара. — Стоцкая, боясь испортить искусственный макияжъ, осторожно угломъ кружевного платка вытирала показавшіяся слезы.

— Гдѣ же это случилось? — спросилъ Каринь, искренно сочувствуя ея горю и вспоминая худенькую, безпѣвную и кроткую личность Нелли.

— Въ имѣніи Минской губерніи.

— Я и не зналъ, что у васъ тамъ есть имѣніе.

— Оно куплено недавно, — весной.

Чтобы отвлечь мысли Стоцкой отъ трагической кончины дочери, Каринь началъ разспрашивать ее объ имѣніи, о его доходности, о хозяйствѣ, о лѣсахъ. Стоцкая путалась въ отвѣтахъ, не имѣя никакого понятія о томъ, что ее спрашивалъ Каринь, и поспѣшила перевести разговоръ.

Изъ отрывковъ безпрестаннаго телефона, изъ требующихъ немедленнаго отвѣта записочекъ и докладовъ прислуги, Каринь заключилъ, что Стоцкая ведетъ очень свѣтскую и разсѣянную жизнь, не гармонировавшую, какъ казалось, съ ея настоящимъ настроеніемъ.

— Надоѣли мнѣ эти телефоны, визиты, приемы и выѣзды. Хотѣлось бы иногда забыть о нихъ, — со вздохомъ проговорила Стоцкая, опуская трубку телефона.

— Такъ и сдѣлайте, если чувствуете въ этомъ потребность.

— Нельзя... le vin est tiré, il faut le boire, — печально и загадочно отвѣтила Стоцкая.

— Простите, Анастасія Павловна, но этого я не понимаю. Нельзя бросить дѣла, нельзя отказаться отъ взятыхъ на себя обязательствъ, отъ долга, но закрыть свою дверь отъ ненужныхъ вамъ праздныхъ людей — это всегда можно.

— Ахъ нѣтъ, не всегда... — опять вздохнула Стоцкая.

Каринь склонилъ голову и развелъ руками:

— Не понимаю...

Стоцкая промолчала и разговоръ оборвался.

Каринь былъ очень доволенъ, когда, наконецъ, ему удалось распрощаться и выйти изъ пышныхъ комнатъ на прямая, чистенькія, безлюдныя въ этотъ поздній часъ, улицы, на которыхъ гулко отдавались его одинокіе шаги. Онъ былъ доволенъ, что рѣшилъ на слѣдующій день уѣхать: послѣ встрѣчи со Стоцкой, Дрезденъ потерялъ для него прелесть уединенія, и еще сильнѣе его потянуло домой, въ привычную обстановку труда и долга.

Въ вагонѣ онъ упорно читалъ газеты и упорно избѣгалъ разговоровъ съ сосѣдями. Онъ удивлялся, какъ могло ускользнуть отъ его привычной наблюдательности развивающееся чувство Таниты? Теперь, мысленно отодвигаясь день за днемъ въ прошлое и припоминая многіе факты, онъ видѣлъ ихъ въ иномъ освѣщеніи. Ему вспомнился тихій весенній день наканунѣ отъѣзда Ольги и Таниты за границу, когда онъ сидѣлъ въ саду подлѣ качелей, и Танита такъ трогательно упрасивала его пріѣхать къ нимъ. Вспомнилось ея гнѣие въ день его пріѣзда, и онъ понималъ почему такъ страстно звучалъ ея голосъ. Понималъ, почему зимой не разъ его отрывалъ отъ занятій звонокъ телефона, и онъ слышалъ робкій укоръ молодой дѣвушки, зачѣмъ онъ такъ давно не былъ у нихъ. И мно-

го, много мелких фактов стало выплывать изъ прошлаго, подтверждавшихъ, что дѣтская привязанность давно перешла въ сердцѣ Таниты въ иное, болѣе сложное чувство. Каринъ строго провѣрялъ себя, желая отдать себѣ ясный отчетъ, не измѣнилось ли что нибудь въ его чувствахъ по отношенію ея съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ ея признанія. Онъ даже улыбнулся отвѣчая себѣ на этотъ вопросъ: что могъ онъ чувствовать къ этой прелестной дѣвушкѣ кромѣ заботливости и любви стараго, преданнаго друга? Танита была для него все тѣмъ же ребенкомъ, какимъ онъ зналъ ее десять лѣтъ тому назадъ, ни при какихъ усиліяхъ воли онъ не могъ бы относиться къ ней иначе: женщины онъ въ ней не видѣлъ. Для него во всемъ мірѣ существовала только одна женщина — Ольга. Подлѣ нея онъ видѣлъ свѣтъ и солнце, безъ нея — все было темно и уныло. Какъ только передъ нимъ вставала картина возможнаго съ ней разрыва, онъ спѣшилъ поскорѣе отмахнуть отъ себя эту мысль, причинявшую ему острую боль и нарушавшую состояніе внутренней подавленной апатіи, которая все плотнѣе и плотнѣе окутывала его и давала иллюзію покоя, въ которомъ онъ больше всего теперь нуждался.

Онъ очень хлопоталъ, чтобы отъ границы имѣть отдѣльное купэ, но публики было много, и это ему не удалось. Войдя въ купэ, онъ увидѣлъ удобно расположившуюся на диванѣ даму, съ большимъ букетомъ розъ на столикѣ и открытымъ несессеромъ, съ массой хрустальныхъ флакончиковъ и баночекъ. Приладивъ зеркало, она снимала шляпку и прихорашивалась. Въ отраженіи зеркала передъ Каринымъ мелькнуло интересное лицо съ пепельными волосами. Онъ молча сѣлъ на свое мѣсто и, развернувъ только что купленный номеръ «Berliner Tageblatt», углубился въ него. Дама достала книжку и тоже принялась за чтеніе.

— Ахъ! . . . — неожиданно вскрикнула она и, подбравъ платье, быстро отскочила. Отъ тряски вагона, стаканъ съ букетомъ розъ перевернулся, и вода, разлившись по столику, текла тонкой струйкой на полъ. Каринъ собралъ съ полу цвѣты, въ то время какъ дама носовымъ платкомъ обтирала платье.

Что же теперь дѣлать? — весело обратилась она къ Карину.

— Позвонить проводника и велѣть ему прибрать, — отвѣтилъ Каринъ, нажимая пуговку звонка.

Пока пришелъ проводникъ и убиралъ пролитую воду, дама, продолжая вытирать платье, несессерь и журналы, на которые попала вода, весело переговаривалась съ Каринымъ, не обращая вниманія на его сдержанные, несловоохотливые отвѣты.

Проводникъ, наполнивъ стаканъ водой и упрочивъ букетъ на столикѣ, вышелъ. Каринъ и дама опять принялись за чтеніе.

— Когда я думаю, что съ каждой минутой удаляюсь отъ красоты и солнца, чтобы очутиться въ сѣромъ и мрачномъ Петербургѣ, меня тоска беретъ, — рѣшительно откладывая книгу проговорила дама и вскинула на Карина живой, ласковый взглядъ. — Это ужасно ѣхать въ Петербургъ, когда еще не настала осень! Вы не согласны со мной?

— Нѣтъ, я возвращаюсь съ большимъ удовольствіемъ. — Каринъ отложилъ газету и внимательно посмотрѣлъ на свою собесѣдницу: она была молода, интересна, хорошо одѣта и въ высшей степени привлекательна, благодаря мягкому тембру голоса и выраженію глазъ, въ которыхъ было много открытаго веселья и ласки. Когда она смѣялась, открывая два ряда маленькихъ, очень бѣлыхъ, тѣсно посаженныхъ зубовъ, она слегка щурилась, блестя изъ подъ темныхъ рѣсницъ искорками веселья; казалось,

ваглядомъ она приглашала собесѣдника быть такимъ же безпечно-веселымъ, какъ она сама.

— Очевидно васъ ждетъ въ этой мрачной столицѣ что нибудь особенно заманчивое, если вы такъ охотно приближаетесь къ ней.

— Меня ждетъ полное одиночество, кипа дѣловыхъ бумагъ, надъ которыми я буду сидѣть всѣ вечера и часть ночи, а утро и день буду проводить на службѣ.

— Это невѣроятно и... очень печально.

— Что же тутъ печальнаго?

— Печально, когда люди отъ свѣта стремятся къ тѣни, — я говорю *au figuré* конечно.

— Сначала надо установить, что вы считаете свѣтомъ и что тѣнью.

— О, я думаю, для всѣхъ это ясно: свѣтъ — радость, т. е. любовь къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, любовь къ солнцу, которое порождаетъ въ насъ источники веселья, любовь къ морю, къ горамъ, къ каждой травкѣ, къ красотѣ, къ людямъ, словомъ, любовь къ жизни. Если этого въ человѣкѣ нѣтъ — онъ стоитъ въ тѣни и, конечно, не можетъ быть счастливымъ.

— А исполненіе долга, служеніе на благо человѣчества, уничтоженіе своихъ желаній для счастья другихъ, — это свѣтъ или тѣнь, по вашему? — мягко спросилъ Каринъ, забиваясь въ уголъ дивана и улыбаясь одними глазами.

— Это не имѣетъ отношенія къ тому потоку свѣта, который самъ человѣкъ проливаетъ вокругъ себя; люди и свѣта и тѣни могутъ одинаково отдавать себя на пользу людямъ, но для людей свѣта тяжеловѣсныя слова «долгъ, жертва, служеніе» не существуютъ какъ понятія, потому что радостное даваніе не есть ни долгъ, ни жертва, ни служеніе, — а только потребность, вливающаяся въ теченіе ихъ жизни. Слова эти выдуманы людьми тѣни, потому

что въ ихъ атмосферѣ все давить и все угнетаетъ. Въ то время какъ люди свѣта путя сыплютъ яркими цвѣтами и сами расцвѣтаютъ подъ лучами исходящаго отъ нихъ солнца, люди тѣни угрюмо поднимаютъ тяжести и, бросая ихъ ближнимъ, часто разбиваются о нихъ сами и ранятъ другихъ. Люди солнца живутъ импульсомъ, ихъ рѣшенія во всѣхъ случаяхъ жизни быстры; они интуиціей отгадываютъ путь, ведущій къ ихъ успѣху. Жизнь не страшитъ ихъ, они живутъ настоящимъ, безразличные къ заботамъ о будущемъ. Люди тѣни — боязливы въ своихъ рѣшеніяхъ и потому медлительны. Имъ чужда беззаботная и безпечная радость наслажденія даннымъ моментомъ. Они не смѣютъ рисковать и потому почти всегда проигрываютъ на ставкахъ жизненной азартной игры.

Каринъ съ интересомъ сталъ вслушиваться въ рѣчь своей собесѣдницы. Она говорила съ убѣжденіемъ и живостью.

— Чѣмъ же вы объясняете это подраздѣленіе людей на свѣтлыхъ и темныхъ?

— Это въ зависимости отъ ихъ характеровъ. Я увѣрена, что люди самоанализа, отдающіе себѣ отчетъ и познавшіе въ себѣ элементы тьмы, упорнымъ усиліемъ воли и общеніемъ съ людьми солнца, могутъ мало-по-малу переработать вокругъ себя тьму на свѣтъ. Только пожалуйста не подумайте, что люди тѣни должны обладать дурными качествами, ничуть! Я встрѣчала чудныхъ, добрыхъ людей, и ихъ жизнь чахла, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ свѣта и тепла.

— А можетъ человѣкъ свѣта попасть въ область тьмы?

— Нѣтъ, я увѣрена, что этого быть не можетъ, — послѣ короткаго размысленія отвѣтила дама. — Я васъ не знаю, ни даже вашего имени. . .

— Владиміръ Сергѣевичъ, — вставилъ Каринъ съ легкимъ поклономъ.

— Такъ вотъ, Владиміръ Сергѣевичъ, хотя я ровно ничего о васъ не знаю, ни даже клочка вашей жизни, тѣмъ не менѣе я — Ирина Сергѣевна, человѣкъ солнца, яркихъ красокъ, страстно любящая жизнь и, какъ пьяница, не отрываясь пьющая изъ этого волшебнаго кубка, — я увѣрена, что вы человѣкъ не солнца, хотъ, можетъ быть, вамъ и дано все, чтобы наслаждаться жизнью и любить ее.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не дано для этого, и я, согласно вашей теоріи, человѣкъ, погруженный во мракъ.

— И вы такъ спокойно подтверждаете это?! — возмутилась Ирина Сергѣевна.

— Я родился въ атмосферѣ тѣней, и солнце ослѣпляло бы меня, — шутливо проговорилъ Каринъ.

— Ну, скажите мнѣ, вы любите жизнь?

— Откровенно говоря, я не задумывался надъ этимъ. Теперь же, подумавъ, отвѣчу, что она мнѣ безразлична.

— Если бы вамъ сказали, что завтра вы должны умереть, вамъ было бы все равно?

— Наоборотъ, я испытывалъ бы чувство облегченія.

— Значить, живя безъ солнца, вы зашли въ такой мракъ, что стали тяготиться имъ, — задумчиво проговорила Ирина Сергѣевна и, вздохнувъ, сокрушенно покачала аккуратно и граціозно причесанной головой съ проборомъ, раздѣлявшемъ волосы на двѣ стороны. — Это ужасно!

— Что же тутъ ужаснаго? — улыбнулся Каринъ.

— Назначеніе человѣка — это быть счастливымъ и создавать счастье вокругъ себя, а большая часть, и въ томъ числѣ, вѣроятно, и вы, дѣлаетъ изъ жизни какую то мучительную загадку, полную печали и слезъ. Жизнь — это радость и, если вѣрить ей и любить ее, она общи-

метъ васъ и, какъ ласковая мать, осыпетъ вашъ путь цвѣтами, тѣми самыми цвѣтами, которые вы срывали, бросали себѣ подъ ноги и топтали. . .

— Я лично не знаю, гдѣ растутъ эти цвѣты, — задумчиво проговорилъ Каринъ.

— Потому что, съ первыхъ же вашихъ сознательныхъ шаговъ, вы вступили въ область тѣни и не искали солнца.

— Я не искалъ его, потому что его не было и нѣтъ.

— Есть, есть! Клянусь вамъ, что есть! — упрямо воскликнула Ирина Сергѣевна, и глаза ея заблестѣли. — Оно здѣсь, во мнѣ и надо мною и все полно его лучами вокругъ меня.

— Какъ вы счастливы, Ирина Сергѣевна! . .

— О, да, очень счастлива! Пожалуйста не подумайте, что солнце во мнѣ потому, что внѣшнія условія моей жизни благопріятны. Повѣрьте мнѣ: дѣтство, юность и молодость я прожила въ очень скромныхъ условіяхъ: благодаря долгой болѣзни, а затѣмъ смерти отца я даже узнала, что такое бѣдность, съ ея, унижительными для самолюбія, неприглядными сторонами и все-таки, несмотря на двѣ крошечныхъ комнаты со скромной обстановкой, несмотря на скромненькое платьѣ, сшитое собственными руками и прошлогоднюю шляпку, во мнѣ горѣло солнце яркое и радостное; я шла впередъ, высоко неся голову, вѣря въ радость жизни и въ то, что на ея пиру уготовлено и для меня почетное мѣсто.

— И что же, вы не ошиблись?

— И не могла ошибиться. Такъ должно было быть, потому что здѣсь, — она указала на грудь, — ярко горѣлъ огонь, сжигалъ меня и порождалъ неутолимую жажду пить и пить изъ бездоннаго кубка жизни.

— А не думаете ли вы, Ирина Сергѣевна, что этотъ огонь, горѣвшій въ васъ, есть экстазъ предчувствія гря-

лучшей свѣтлой будущности? Вѣроятно, вы художница или артистка, завоевавшая себѣ извѣстность.

— Отчего вы такъ думаете? — У Ирины Сергѣевны изъ прищуренныхъ, улыбающихся глазъ посыпались искорки.

— Я наблюдалъ, что у людей творчества такого рода подъемъ жизненной энергіи живетъ чуть ли не съ дѣтства; сперва какъ предчувствіе грядущаго, а потомъ какъ проявленіе творческой силы.

Ирина Сергѣевна промолчала. Продолжая улыбаться, она какъ кошка, сдерживающая прыжокъ, мягкимъ, едва уловимымъ жестомъ, потянулась.

— Конечно, есть люди, которые со дня рожденія поставлены въ условія, не допускающія возможности яркаго свѣта, — заговорила она, помолчавъ, продолжая теченіе своихъ мыслей. — Возьмемъ, на примѣръ, женщинъ, одаренныхъ очень сильнымъ темпераментомъ и въ то же время съ отталкивающей наружностью. Это сплошная мука.

— Какъ будто бы нельзя побѣдить темпераментъ? — пожалъ плечами Каринъ.

— Конечно, невозможно, — горячо отвѣтила Ирина Сергѣевна.

— Полноте. Это вопросъ силы воли и разсудка.

— Это говорятъ тѣ, которые не знаютъ, что такое темпераментъ и его власть.

— Женщина слишкомъ мало занята дѣломъ, оттого и не знаетъ удержу темперамента.

— А мужчина слишкомъ свободенъ въ вопросахъ проявленія темперамента и потому не можетъ судить, какую громадную роль онъ играетъ въ жизни женщины, — доказывала Ирина Сергѣевна, горячностью своихъ доводовъ подтверждая, что въ ея жизни этотъ вопросъ стоялъ на первомъ планѣ.

— Если вы такъ отстаиваете роль темперамента, значить, вы признаете, что чувства стоятъ на первомъ планѣ для условія нашего счастья?

— Конечно.

— А вотъ изъ за любви случается такъ, что человѣкъ, которому дано все, чтобы жить въ атмосферѣ свѣта, уходитъ въ тѣнь, пока его не поглотитъ тьма.

— Это не такъ, — покачала головой Ирина Сергѣевна. — Я моложе васъ, а жизнь, кажется мнѣ, понимаю лучше. Дѣло въ томъ, что люди солнца одарены, конечно, темпераментомъ. . .

— Опять темпераментъ, — улыбнулся Каринъ, — нельзя ли вмѣсто него говорить — потребность любви?

— Нѣтъ, нельзя, потому что любовь можетъ не включать въ себя чувства страсти, а страсть — это единственный могучій рычагъ нашей жизни, и люди темперамента живутъ страстью, а не любовью, отлично понимая, что любовь это потомокъ страсти. Когда исчерпывается страсть на смѣну ея является любовь. Люди темперамента не могутъ жить истлѣвшимъ чувствомъ, т. е. исключительно любовью; если страсть угасаетъ, то лишь для того, чтобы вспыхнуть опять и опять. Такимъ образомъ они живутъ всегда въ атмосферѣ жгучихъ переживаній, не зная долгихъ страданій нераздѣленной любви и разочарованій. Разочарованія ихъ мимолетны, а страданія, если и бываютъ сильны, то тоже не долговѣчны. Страсть — это вѣчно обновленное, вѣчно мощное чувство.

— А любовь?

— Любви нѣтъ.

— Помилуйте, что вы говорите? — укоризненно покачала головой Каринъ.

— Ну, конечно. Любовью называютъ или продолжительную страсть, или страсть отгорѣвшую и перешедшую въ чувство дружбы.

— Что значить «продолжительную»? Вы только что сказали, что страсть это вѣчно обновленное чувство.

— Страсть можетъ длиться на протяженіи даже многихъ лѣтъ между одними и тѣми же людьми, если силой обстоятельствъ, они принуждены были жить врозь или встрѣчаться не часто.

Наступило молчаніе. Каждый думалъ о своемъ. Каринъ — мысленно соглашался съ тѣмъ, что онъ человѣкъ тѣни и предвидѣлъ, что скоро его окружить тьма, уже не пугающая, а желанная, такъ какъ въ ней онъ надѣялся почерпнуть начало нирваны. Собесѣдница его, заложивъ ногу на ногу, охвативъ сплетенными пальцами коленъ и закинувъ голову на спинку дивана, полузакрывъ глаза, мечтала о томъ, что она оставила за границей.

XXVII.

— Ахъ, какое счастье, какое счастье, что ты пріѣхала! Я такъ боялась, что что нибудь помѣшаетъ тебѣ, и ты отложишь, — говорила Ольга, обнимая своего друга — Елену Кирилловну и, со слезами на глазахъ, усаживая ее рядомъ съ собой въ маленькомъ кабинетикѣ, гдѣ только что сняли съ мебели чехлы. Комната еще не успѣла принять обычный уютный зимній видъ. Въ углу стоялъ раскрытый дорожный сакъ, на письменномъ столѣ лежали сваленныя въ кучу письма, недочитанная въ дорогѣ книга, какіе-то счета, завязанныя лентами коробочки. Люстра, еще завернутая въ чехолъ, освѣщала матовымъ, сгущеннымъ бѣлой тканью, свѣтомъ небольшую комнату. Елена Кирилловна, въ скромной фетровой шляпкѣ и неизмѣнно черномъ платьѣ, подъ легкими складками котораго не оттадывалось тѣло, а казалось, будто оно держится на чемъ то воздушномъ, мягкимъ и гибкимъ движе-

ніемъ опустилась на диванъ и, положивъ обѣ руки на плечи Ольги, наклонилась къ ней совсѣмъ близко, тревожно глядя ей въ глаза.

— Что случилось, Олечка? Твоя телеграмма перепугала меня. Я выѣхала въ тотъ же день и пріѣхала два часа тому назадъ.

— Да, да, какъ хорошо, что ты пріѣхала... Теперь я не одна... мнѣ будетъ легче. — Ольга закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Что съ тобой, Оля? Ты очень измѣнилась, похудѣла... ради Бога говори, въ чемъ дѣло?

Ольга встряхнула головой, какъ бы сию минуту справившись съ обступившими ее мыслями. Въ темно-фіолетовомъ платьѣ, отгнѣненномъ у воротъ и кистей рукъ бѣлымъ кружевомъ, гладко причесанная на проборъ, похудѣвшая, съ блѣднымъ усталымъ лицомъ и потускнѣвшими глазами, Ольга мало походила на радостную, опьяненную счастьемъ любви женщину, какой она была на берегахъ lago Maggiore.

— Случилось, Элля, нѣчто большое и непоправимое. Ты видишь, на что я стала похожа. Сердце матери не обманывается. То, что я смутно подозрѣвала — было истиной... — Ольга сплела пальцы рукъ и сдавила ихъ съ такой силой, что они хрустнули.

— Что? Что ты говоришь?!. — Елена Кирилловна открыла большіе испуганные глаза. — Неужели Танита?.. — Она остановилась и, наморщивъ брови, напряженно ждала отвѣта.

— Да... Танита любить его...

— О... Это ужасно!.. Кто сказалъ тебѣ?

— Танита... Несчастное дитя! Сколько страданія ей... и мнѣ. — Ольга закрыла руками лицо и тихо застонала.

— Оля, послушай... Конечно, она не подозрѣваетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. — Ольга вздрогнула и отняла отъ лица

руки. — Если бы это случилось, ты бы не увидѣла меня. Ты понимаешь, Элля, какой ужасъ, какое страданіе!..

— Ужасно! Это — ужасно, — прошептала Елена Кирилловна, скорбно качая головой. — Чтожь теперь дѣлать? — произнесла она послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія.

— Развѣ я знаю? — съ горечью пожала плечами Ольга. — У меня не мысли, а бредъ, кошмаръ какой-то. Я такъ боялась, что ты можешь не пріѣхать!..

— Что ты, Оля! Развѣ я живу для себя?! Я счастлива, если могу быть нужна тебѣ въ минуты горя.

— У меня созрѣло одно рѣшеніе... Ты поддержишь, укрѣпишь меня въ немъ. Мнѣ надо еще много силъ, а я уже устала, Элля... Во мнѣ точно все оборвалось, скомкалось... Такъ бы хотѣлось положить усталую голову на его грудь и плакать, плакать безъ конца...

— Ты видѣла его?

— Теперь?

— Да, послѣ пріѣзда?

— Нѣтъ. Онъ не знаетъ, что мы пріѣхали. Онъ не подозреваетъ, что мы здѣсь.

— И про Таниту онъ не подозреваетъ?

— Онъ все узналъ... Я должна рассказать тебѣ все, все до мельчайшихъ подробностей, чтобы ты ясно поняла весь ужасъ положенія; тогда будемъ вмѣстѣ рѣшать. Только подожди, я посмотрю, легла ли Танита.

Ольга вышла. Елена Кирилловна, пораженная только что услышаннымъ, сидѣла точно застывшая. Ольга вернулась и опустилась на то же мѣсто.

— Она ложится спать. Я не сказала, что ты здѣсь. Теперь слушай, я расскажу тебѣ съ самаго нашего отъѣзда отсюда.

Ольга, волнуясь и подавляя слезы, рассказала пріятельницѣ все, что произошло за границей.

— Не было никакой возможности уговорить ее ни остаться на lago Maggiore, ни ѣхать путешествовать дальше, — закончила Ольга свое длинное повѣствованіе. — Я принуждена была уступить ей и вернуться домой. Теперь она рвется его видѣть... Боже, Боже, надъ какой пропастью поставила насъ жизнь! Я не вижу будущаго, я завтрашняго дня не вижу... Кругомъ такъ темно, такъ грозно... Вотъ когда я клянусь себя, что не вышла за него замужъ! Что вышло изъ моей жертвы? Сплошной ужасъ, изъ котораго нѣтъ иного выхода, кромѣ страданія всѣмъ намъ...

— Что же дѣлать?! Ты придумала что нибудь? — Елена Кирилловна сидѣла прямо, вся вытянувшись, съ застывшимъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Да, я придумала. Я уговорю, упрошу, умолю его жениться на Танитѣ...

— Оля, въ умѣ ли ты?

— Да, да... эта жертва мнѣ будетъ стоить жизни... я не переживу этого ужаса, но такъ надо для ея счастья, и я это сдѣлаю.

— Оля... — не то со страхомъ, не то съ укоризной, прошептала Елена.

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать. Все это уже я сто разъ передумала, облила горячими слезами. И эти страданія и слезы искупятъ мой грѣхъ. Любовникъ матери — мужъ дочери... Это ужасно, гадко, чудовищно... И въ то же время, Элля, искупленное страданіемъ громадной жертвы это станетъ чистымъ. Въ идеѣ жертвы материнской любви потонетъ прошлое, неизвѣстное Танитѣ, растворится въ моихъ слезахъ, въ моихъ молитвахъ, въ моей смерти, которую я встрѣчу какъ освобожденіе отъ мукъ.

— А онъ?

— Онъ полюбитъ Таниту, какъ продолженіе меня. Въ ней онъ найдетъ отраженіе моихъ далекихъ дней юности. Она такъ любитъ его, что заставитъ забыть любовь ко мнѣ. Ахъ, время, время! Это пыль, незамѣтно затуманивающая яркія краски. Слой за слоемъ, день за днемъ, краски тускнѣютъ, блекнетъ прошедшее и часто совсѣмъ исчезаетъ, умираетъ въ сердцѣ того, передъ кѣмъ расцвѣтаютъ новые яркіе цвѣты. Танита дастъ ему весну, а свою одинокую, холодную осень я далеко унесу съ собой и отцвѣту, завяну безъ жалобъ.

Елена Кирилловна медленно покачала головой.

— Нѣтъ, Оля, ты не сможешь.

— Отчего?

— Ты всѣми корнями привязана къ землѣ. Ты не перенесешь такой жертвы.

— Умру, это возможно, но я такъ должна поступить, — иного выхода нѣтъ.

Ольга закинула голову на спинку дивана и, стиснувъ зубы, глухо, какъ отъ физической боли, застонала.

— А если онъ не согласится? Если у него силъ не станетъ?

— Для меня онъ сдѣлаетъ невозможное. Пусть онъ заплатитъ этой жертвой за мою преданную, глубокую, вѣрную любовь... Я не была его женой передъ людьми, но передъ Богомъ. Я хотѣла сдѣлать какъ лучше и не виновата, что подошла къ пропасти, не видя ея. Пусть моя дѣвочка будетъ счастлива. Хоть и не большую долю счастья, но все же мы имѣли отъ жизни... Надо покориться, уйти, умереть.

— Умереть легче, чѣмъ покориться. Вотъ передъ тобой примѣръ смилившейся жизни: ты знаешь мою жизнь. Одинокая, сѣрая, безцвѣтная... Маленькая, затоптанная дорожка на чахлому, обвѣянному непогодами и пыльными вѣтрами полѣ. Ярко и красиво звучатъ слова о жер-

тѣхъ, но скоро утасаютъ жертвенные огни и на опустѣломъ жертвенникѣ ничего не остается кромѣ кучи пепла. Хотя я давно смирилась, отошла отъ общей жизни и до слуха моего не доходятъ живые голоса людей, пирующихъ на ея праздникѣ, однако бывають дни, когда тѣсныя стѣны клѣтки давятъ меня. Мнѣ кажется, что я лежу въ гробу, и хочется сорвать тяжелую крышку, хочется свѣта, солнца, хочется, Оля, любви... мужской горячей ласки, хочется теплыхъ слезъ и забвенія въ сильныхъ объятіяхъ... Поборотъ это бываетъ такъ трудно, что зовешь смерть... Взявъ свои силы, Оля; не дѣлай рокового рѣшительнаго шага, — возврата не будетъ. Ты, не отрываясь, живешь полной жизнью женщины, и уйти за кулисы, въ тѣнь и одиночество — труднѣе чѣмъ умереть.

— Укажи мнѣ другой выходъ... я его не вижу.

— Время. Время — это лучший докторъ.

— Танита зачахнетъ. Мы только что пріѣхали, а она уже тоскуетъ и смотреть на меня умоляющими глазами, въ которыхъ блестятъ слезы. У нея просыпается мой темпераментъ. Я боюсь, чтобы она не сдѣлала какого-нибудь дикаго шага, а кромѣ того я не могу жить, чувствуя, какъ она страдаетъ. Такъ или иначе, а это надо покончить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для всѣхъ насъ. Ахъ, Элля, если бы только знала, какъ теперь, именно теперь, когда будущее грозитъ мнѣ вѣчной разлукой, все мое существо полно имъ! Я вижу, понимаю теперь, что любила его гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ сама думала. Уйдетъ онъ изъ моей жизни, и все будетъ кончено. Потухнуть всякія желанія, кромѣ желанія смерти... Вотъ видишь: ты молчишь, ты не знаешь, что сказать мнѣ...

— Да, Оля, я не знаю, что сказать именно тебѣ. Вся твоя жизнь складывалась такъ, что ты жила исключительно жизнью земли, т. е. вѣрнѣе ты повергала святы-

ню твоего сердца только къ подножію земныхъ идеаловъ. Страдая и любя, ты дѣлала жертвы во имя дочери. Любовь къ другу ты смиряла во имя любви сердца къ своему дитяти. Теперь ты готова совершить высочайшую жертву, на какую способна женщина: отдать любимого человѣка для счастья другой женщины — своей дочери. Все это большія тяжести, поднявъ которыя, душа, обезсиленная и измученная, уже не можетъ найти радостей земной жизни. Если бы ты приучала душу свою отлетать отъ привязанностей земныхъ и искать успокоенія въ высокихъ, чистыхъ сферахъ вѣчности, вѣроятно теперь ты не стояла бы такая безоружная надъ пропастью отчаянія. Я могу говорить тебѣ много словъ, смыслъ которыхъ не будетъ звучать тебѣ той гармоніей вѣчнаго покоя, какъ они звучатъ для меня. Я скажу тебѣ: смирись, Оля, подыми глаза, полные слезъ къ звѣздамъ; онѣ отразятся въ слезахъ твоихъ; въ ихъ отраженномъ тихомъ сіяніи ты почувствуешь великій покой, вѣчный законъ роста въ высь. Только матерія подвергнута притяженію къ землѣ, но духъ нашъ летитъ къ небесамъ. Минуетъ земное мгновеніе, увянетъ матерія тѣла, поглотивъ плотскія страсти, и обнаженному духу уныла и скорбна покажется разрушенная клѣтка его временнаго пребыванія на землѣ...

— Элля, Элля... перестань!.. — глухо застонала Ольга. — Я чувствую, что ты права, но я не могу понять тебя, потому что моя душа тѣсно слита съ плотью. Страданія земли, какъ ты говоришь, близки ей настолько же, насколько они близки моей плоти. Не забывай, что моя мать была испанка — дитя солнца, страсти и радости земли. Я унаслѣдовала отъ нея исключительную потребность жизни сердца. Я знаю, что, отдавъ... его, я погибну, что мнѣ нечѣмъ будетъ жить.

— Тогда борись, не отдавай. Пусть Каринъ скажетъ Танитѣ, что онъ любитъ тебя и женится на тебѣ.

— Она не переживетъ... это равносильно тому, какъ

еслибы я наступила каблукомъ на бьющуюся раненую птичку. Нѣтъ, Элли, другого выхода нѣтъ.

Опять наступило долгое, тягостное молчаніе, въ которомъ беззвучно билось тупое отчаяніе Ольги и безсильное тщетное желаніе Елены найти выходъ этому отчаянію, заключенному въ тиски.

— Какъ объяснить эту явную несправедливость судьбы? — упавшимъ голосомъ прервала Ольга молчаніе. — За то, что я жила ради Таниты не счастьемъ, а клочками, урывками счастья, за это судьба вырываетъ изъ рукъ моихъ послѣдній клочекъ и толкаетъ меня въ безпросвѣтлый мракъ. Развѣ это логично?

— Справедливости быть не можетъ и нѣтъ, а логика есть, — отвѣтила Елена, овладѣвъ рукой Ольги и тихонько поглаживая ея горячіе вздрагивающіе пальцы. Ты не подумай, что я поучаю или въ чемъ либо виню тебя, дорогая. Нисколько! Ты дѣлала такъ, какъ подсказывало тебѣ сердце, ты страдала, и вины на тебѣ нѣтъ. Я только разбираю факты, становясь на совершенно отвлеченную точку зрѣнія. Я увѣрена, что каждый нашъ поступокъ, какъ ходъ на шахматной игрѣ, влечетъ за собой цѣлую комбинацію послѣдствій. . . „L'homme aujourd'hui sème la cause, demain Dieu fait mûrir l'effet“ . . . То, что создается и включается въ условія, стоящія внѣ нормы общепринятой соціальной жизни, въ силу логической послѣдовательности непременно разовьется внѣ уклона общей жизни и въ конечномъ результатѣ сорвется съ пути, завершившись катастрофой. Если бы ты была женой Карина, т. е. влила бы свою жизнь въ общее русло, въ сердцѣ Таниты ничего, кромѣ дружбы, не могло бы развиваться къ своему отчиму. Такъ какъ отношенія ваши были тайныя, т. е. внѣ нормы, то и создався цѣлый рядъ послѣдствій, участь которыхъ ни ты, ни кто иной не могъ бы, потому что жизнь, какъ рисунокъ калейдоскопа, неисчислима въ своей пестротѣ комбинацій. Съ увѣренностью можно ска-

затъ, что идущій противъ общей нормы, непременно окажется надъ пропастью, которую не всегда удастся перепрыгнуть, не сломивъ себѣ головы. Логика жизни создала исподволь законы, нарушить которые — значить идти на громадный рискъ.

— Да, это такъ... законъ жизни безпощадеиъ, — уныло прошептала Ольга.

— Хочешъ, я поговорю съ Владиміромъ Сергѣевичемъ? — нерѣшительно спросила Елена. — У меня, кстати есть дѣло къ нему: надо передать письмо, довѣренное мнѣ одной несчастной дѣвушкой.

— Кто это?

— Нелли Стоцкая. Бѣдняжка утопилась... Ты знала ее?

— Нѣтъ. Я отъ Димы слышала о нихъ.

— Хочешъ, Оля, чтобы я поговорила съ нимъ?

— Что же ты будешь ему говорить? Что я страдаю... Что надо найти выходъ... Что такъ жить нельзя... Онъ это и самъ знаетъ. Ты только прибавишь лишнюю каплю горечи въ уже отравленный бокалъ. Говорить съ нимъ должна я. Должна зажать въ тиски свое сердце, раздавить, разбить его и сказать ему, что свою любовь я передаю въ юныя, нѣжныя руки Таниты. — Ольга, беззвучно зарыдавъ, упала на колѣни своего друга.

XXVIII.

Съ самаго своего возвращенія изъ-за границы Каринъ былъ въ томъ состояніи покоя, которое больше похоже на апатію, чѣмъ на душевное равновѣсіе. Накопившіяся за время его отсутствія дѣла требовали большого напряженія силъ, и Каринъ былъ доволенъ, что съ утра до поздней ночи у него не было ни минуты для отдыха и для размышленій о всемъ случившемся. Съ покорностью, удивлявшей его самого, онъ предоставилъ логикѣ событій со-

вершить все то, что должно было теперь послѣдовать. Съ упрямой настойчивостью онъ отгонялъ отъ себя мысли объ Ольгѣ, боясь, чтобы онѣ не захватили его и не нарушили того искусственного покоя, который въ данный моментъ былъ ему необходимъ.

Несмотря на обѣщаніе писать каждые два дня, какъ это было установлено въ разлукѣ, писемъ отъ Ольги не было, и Каринъ старался не замѣчать ихъ отсутствія и не искать причинъ молчанія. Онъ предвидѣлъ, что все объяснится и приведетъ такъ или иначе къ какому то конечному результату, не зависящему ни отъ него, ни отъ Ольги. Законъ жизни наложить свою властную руку и придется подчиниться. Онъ чувствовалъ, что въ состояніи такого искусственного покоя онъ можетъ прожить довольно долго, если никакой толчекъ изъ внѣшняго міра не коснется его. Онъ избѣгалъ бывать гдѣ бы то ни было и былъ доволенъ, что ранняя осень еще не собрала изъ окрестностей и заграничныхъ путешествій жителей столицы.

Каринъ, поглядывая на часы, доканчивалъ просматривать принесенныя наканунѣ дѣла, какъ раздался въ передней звонокъ и послышался чей-то, хорошо знакомый, женскій голосъ:

— Попросите барина на одну минуту. Скажите, что я не раздѣваюсь, такъ какъ очень спѣшу.

Онъ прошелъ въ переднюю и съ удивленіемъ увидаль тамъ Елену Кирилловну.

— Какими судьбами?.. Какому счастливому обстоятельству обязанъ я, что вижу васъ, Елена Кирилловна? — говорилъ Каринъ, искренно довольный видѣть пріятельницу Ольги, которую онъ глубоко уважалъ и любилъ. — Прошу васъ, снимите пальто и загляните въ мой кабинетъ.

— Не могу, увѣряю васъ, что никакъ не могу. Я

здѣсь по дѣламъ и на самый короткій срокъ. Я не должна опоздать, меня ждутъ черезъ полчаса.

Елена Кирилловна хотѣла насколько возможно сократить визитъ, чтобы не дать возможности Карину говорить объ Ольгѣ. Ей было непріятно лгать, а сказать ему, что Ольга пріѣхала, она не считала возможнымъ.

— Вѣроятно вы знаете отъ Ольги, что я переселилась въ деревню и живу тамъ отшельницей. Мое бывшее имѣніе, въ которомъ я нахожусь, принадлежитъ теперь вашей знакомой Стоцкой.

— Какъ же-съ, я это слышалъ и, признаться, нѣсколько недоумѣваю, для чего оно ей понадобилось. Я видѣлъ ее недавно въ Дрезденѣ.

— Значить, вамъ извѣстно, что ея дочь — Нелли — погибла тамъ.

— Слышалъ и это. Она утонула, т. е. утопилась, какъ думаетъ мать.

— Не знаю, право, не знаю... Ея смерть очень для меня загадочна, — дѣлая неопредѣленный жестъ, задумчиво проговорила Елена Кирилловна. — За нѣсколько часовъ до того, какъ разнеслась вѣсть объ ея исчезновеніи, она была у меня. Рѣшивъ навсегда затвориться въ монастырѣ и исчезнуть для міра, она просила передать вамъ письмо. Она исчезла, но иначе чѣмъ предполагала. Я исполняю ея послѣднюю волю и, изъ рукъ въ руки, передаю вамъ это письмо.

Каринъ сдѣлалъ жестъ удивленія.

— Этого я не ожидалъ.

— Ну вотъ, мой долгъ выполненъ и теперь я спокойна. Какъ поживаете? Попрежнему работаете запоемъ?

— Да какъ же иначе! Силы еще есть, значить и работа есть.

— А видъ у васъ утомленный, Владиміръ Сергѣевичъ.

— Усталъ. Не могу не сознаться, что усталъ какъ-то насквозь и безнадежно.

Елена Кирилловна невольно отвела взглядъ. Ей стало жаль этого большого, громоздкаго человѣка, съ унылымъ выраженіемъ тоски въ добрыхъ глазахъ, съ сильно посѣдѣвшими, почти бѣлыми висками, съ замѣтной, несуществовавшей раньше, сутулостью, какъ бы подтверждавшей его слова объ усталости.

— Да, я вѣрю вамъ, что вы устали... — задумчиво проговорила Елена Кирилловна.

— Пора мнѣ на отдыхъ... на конечный отдыхъ... — улыбнулся Каринъ. Улыбка была горькая и говорила больше, чѣмъ слова.

— Это не въ нашей волѣ. — Елена Кирилловна серьезно посмотрѣла ему въ глаза. — Мнѣ надо ѣхать. Всего вамъ хорошаго, Владиміръ Сергѣевичъ. Я вѣрю, что у васъ еще много силъ и вы встряхнете вашу усталость. До свиданія. — Она крѣпко пожала руку Карина и въ ту минуту, какъ выходила, столкнулась въ дверяхъ съ Калугинымъ. Николай Алексѣевичъ, по прежнему очень бодрый и свѣжій для своего преклоннаго возраста, посторонился, давая дорогу Еленѣ Кирилловнѣ. Входя въ прихожую, онъ издали протянулъ Карину обѣ руки:

— *Mon cher, te voila enfin!* Къ тебѣ не дозвониться: вѣчно телефонъ занятъ. Здравствуй. Надѣюсь, я не опоздалъ. Какъ видишь, я пунктуаленъ, какъ хронометръ: ровно часъ. Пройдемъ въ кабинетъ или прямо въ столовую?

— Можно и въ столовую. Завтракъ подаютъ.

— Это я люблю: жизнь по часамъ. А *mon âge* иначе и нельзя, какъ спать и приступать къ трапезѣ въ опредѣленные часы, — говорилъ Калугинъ, входя въ столовую, потирая руки и зорко оглядывая приготовленный для завтрака столъ. — А-а, вотъ это прекрасно! Ветчина съ томатами... вижу, что ты не забылъ *mes plats de prédilection*. — Николай Алексѣевичъ бережно вложилъ въ порыжѣвшій футляръ *pinze-nez*, надѣтое для болѣе точ-

наго осмотра, сѣлъ, еще разъ, съ видомъ удовлетворенія, потеръ руки, аккуратно разложилъ салфетку, придвинулъ приборъ, любовно потрогалъ бутылку съ краснымъ виномъ, провѣряя, достаточно ли оно нагрѣто, налилъ себѣ рябиновки, блаженно улынулся и приступилъ къ трапезѣ. Каринъ, знавшій слабость Калугина, умѣлъ угодить ему въ выборѣ блюдъ и съ удовольствіемъ наблюдалъ, съ какимъ завиднымъ апшетитомъ старикъ уничтожалъ все, что ему придвигалось.

— А я уже переселился съ Ольгиной дачи. Становится сыро на островахъ, хотя днемъ, до заката солнца еще очень хорошо. Совѣтую проѣхаться какъ-нибудь на досугѣ.

— У меня нѣтъ досуга.

— Ну, это ужъ слишкомъ. Конечно, дѣлать у тебя много и порхать тебѣ некогда, но все же ты долженъ немного думать о себѣ. Посмотри, на что ты сталъ похожъ. Я тебѣ серьезно говорю, очень серьезно: *la santé avant tout*. Не будетъ здоровья, не будетъ и силъ работать. — Калугинъ вторично наложилъ себѣ полную тарелку грибовъ въ сметанѣ и обильно наперчилъ. — Да, *mon cher, la santé avant tout*. Посмотри на меня: семьдесятъ три года, а я выгляжу какъ бутонъ. Въ мои годы ты будешь руина.

— Я не доживу до вашихъ лѣтъ, да и желанія на это не имѣю ни малѣйшаго.

— Почему? и въ моемъ возрастѣ есть утѣхи и даже не малыя.

— Ужъ какія для меня могутъ быть утѣхи! — махнулъ рукой Каринъ. — Я сейчасъ каковъ есть — старѣе васъ, Николай Алексѣевичъ.

— *Precisément*, именно, ты старѣе меня, потому что игнорируешь свое здоровье. Какая польза отъ твоей поѣздки за границу? Едва успѣлъ отдохнуть и опять запрегъ себя какъ ломовую лошадь.

— Если бы я работалъ меньше, было бы еще хуже.

— Это почему?

Каринъ промолчалъ. Калугинъ не донесъ до рта нали-
тую рюмку съ виномъ и внимательно на него посмотрѣлъ.
Ему только въ это минуту бросилось въ глаза выраженіе
усталости и унынія, которыя сразу состарили и измяли
черты лица Карина. Калугинъ хотѣлъ что-то сказать, но
передумалъ и поднесъ рюмку ко рту. Нѣсколько минутъ
оба молчали, отгадывая, что думаютъ объ одномъ и
томъ же.

Послѣ завтрака, которому Калугинъ отдалъ должную
честь, прошли въ кабинетъ, гдѣ у горящаго камина былъ
подавъ кофе. Закуривъ сигару и удобно расположась въ
большомъ кожаномъ креслѣ, старикъ отпивалъ неболь-
шими глотками горячій кофе и слѣдилъ за фигурой Ка-
рина, шагавшаго по кабинету наискось отъ угла къ углу.

— Я настаивалъ на сегодняшнемъ завтракѣ у тебя не
только pour faire bonne chaire, но и по инымъ причинамъ.
Я хотѣлъ кое о чемъ поговорить съ тобой, Владиміръ.

— О чемъ? — Каринъ, весь насторожившись, на ми-
нуту остановился.

— О томъ, о чемъ я никогда съ тобой не говорилъ и
даже не заикался, хотя, не сомнѣваюсь, ты зналъ, что
жизнь твоя извѣстна мнѣ доподлинно. По молчаливому
entente cordiale мы никогда не подымали съ тобой вопроса
на эту тему. — Калугинъ отпилъ глотокъ кофе и, пере-
гнувшись, стряхнулъ въ каминъ золу съ сигары. — Ты
понимаешь, о чемъ я говорю?

— Да, понимаю...

— Такъ вотъ, насталъ моментъ, когда я принужденъ
нарушить молчаніе.

— Я васъ слушаю. — Каринъ почувствовалъ внезап-
ную тревогу. Онъ подошелъ къ столу и машинально, съ
дрожью въ пальцахъ, началъ перекладывать съ мѣста на
мѣсто приготовленную съ утра корреспонденцію. Посре-

динѣ стола, на папкѣ лежало письмо, переданное ему Еленой Кирилловной, которое онъ съ приходомъ Калугина не успѣлъ распечатать.

— Ну что же: я васъ слушаю, Николай Алексѣевичъ, — повторилъ онъ, беря письмо Нелли и пряча его въ папку, гдѣ хранились непросмотрѣнные бумаги и письма.

— Да ты садись сюда, поближе: я не люблю говорить на разстояніи.

— Извольте, я сяду. — Каринъ сѣлъ противъ камина, сгорбившись, неловко положивъ ладони на колѣни и установившись на блѣдное, среди дневного свѣта, пламя камина.

— Я долженъ съ тобой говорить объ Ольгѣ. Если я рѣшился на это, значитъ вопросъ очень серьезень; ты, конечно, это предвидишь. Извѣстно ли тебѣ, что Ольга и Танита здѣсь?

Каринъ невольно вздрогнулъ:

— Я этого не зналъ.

— Три дня, какъ онѣ здѣсь. Вчера я тамъ былъ, много говорилъ съ Ольгой и рѣшилъ поговорить сегодня съ тобой, конечно, безъ ея вѣдома. Мы должны говорить о тѣхъ, кто намъ ближе всѣхъ и тебѣ, и мнѣ. Я люблю Ольгу любовью отца, котораго замѣнялъ ей; ты любишь ее другой, но не менѣе глубокой любовью. Твой отецъ передалъ мнѣ привязанность къ тебѣ, и ты можешь смѣло открыть предо мной свою душу, будучи увѣренъ въ моей полной лояльности. Ты пораженъ, что Ольга не дала тебѣ знать о своемъ приѣздѣ?

— Признаюсь, я удрученъ.

— Но если бы ты зналъ, чего ей стоитъ это молчаніе! Несчастная женщина!.. Ты знаешь, почему онѣ такъ внезапно вернулись?

Каринъ отрицательно покачалъ головой.

— Этого потребовала Танита...

— Танита?!

— Да, она призналась матери въ своемъ къ тебѣ чувствѣ, которое съ неудержимой силой растеть и заливаешь это бѣдное юное сердечко. Какая драма! Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ всего, что узналъ вчера. Какое страшное испытаніе для сердца матери и женщины!..

— Ужасно! — беззвучно прошептала Каринъ, не отрывая взгляда отъ камина.

— Да, это ужасно! И ты понимаешь, что оставить это такъ невозможно. Жизнь остановиться не можетъ, она требуетъ движенія. Надо что-нибудь предпринять, рѣшить, чтобы предупредить могущую произойти катастрофу.

— Катастрофу съ кѣмъ?

— Съ Танитой, разумѣется. Изъ дѣвочки она сразу выросла въ маленькую женщину. Пока она скрывала отъ матери свое чувство — она сумѣла справиться съ нимъ, теперь же можно опасаться всего. Удивляюсь, что она до сихъ поръ не написала тебѣ или по телефону не дала знать о своемъ возвращеніи.

— Однако, что же будетъ дальше? — Каринъ всѣмъ корпусомъ повернулся въ сторону Калугина. — Что говорить Ольга? Николай Алексѣвичъ, я прошу васъ не щадить меня. Будьте откровенны. Я готовъ ко всему.

— Я долженъ быть откровеннымъ съ тобой, иначе не стоило затѣвать этого тяжелаго разговора. Ольга пришла къ рѣшенію смертельному для ея сердца, но единственно спасительному въ данномъ случаѣ. Она сама скажетъ тебѣ объ этомъ.

— Я прошу договаривать... неизвѣстность хуже всего...

— Она хочетъ, чтобы ты женился на Танитѣ...

— Что такое?.. Жениться на Танитѣ?.. А Ольга?!

— О себѣ она молчитъ.

Каринъ поднялся съ кресла и, сгорбившись, съ усиленіемъ потиралъ лобъ ладонью.

— Воля ваша, Николай Алексѣвичъ, я просто оше-

ломлень. Что угодно, но этого я никакъ не ожидалъ... Чудовищная фантазія... Бредъ...

— Созданный жизнью. Въ первую минуту и я ошалѣлъ, когда услыхалъ отъ Ольги это рѣшеніе; мало-помалу, вникая въ происходящее, взвѣсивая обстоятельства, я не могу не согласиться, что иного исхода нѣтъ. У Танины слишкомъ нѣжная душевная организація, чтобы можно было рассчитывать на выздоровленіе. Весь центръ своей жизни она сосредоточила на тебѣ и, увы! Это длится давно. Ольга отгадываетъ въ ней свою же страстность и, не безъ основанія, боится катастрофы.

— А вы думаете, что сама Ольга переживетъ эту страшную сдѣлку со своимъ сердцемъ? — Голосъ Карина звучалъ глухо.

Калугинъ въ сомнѣніи развелъ руками:

— Не знаю... не знаю...

— Я знаю, Ольга не переживетъ. У нея слишкомъ чистая натура, чтобы примирить воспоминанія прожитой жизни съ фактомъ брака дочери съ тѣмъ, кто составляетъ центръ воспоминаній. Какъ бы ни была высока ея жертва, она не затушитъ ни порывовъ сердца, ни его воспоминаній. Ольга еще не старуха. Наконецъ, надо еще и меня спросить, въ силахъ ли я совершить подобный подвигъ издѣвательства надъ своимъ сердцемъ!

— Я не увѣренъ и сказалъ это Ольгѣ.

— И что же?

— Она не сомнѣвается, что ради ея спокойствія и счастья ты пойдешь на что угодно.

— Въ этомъ она не ошибается, но при условіи, чтобы у меня было сознаніе ея счастья... — Каринъ тяжело опустился въ кресло и закрылъ глаза. Калугинъ продолжалъ докуривать сигару, съ озабоченнымъ и удрученнымъ видомъ поглядывая на Карина. Нѣкоторое время длилось молчаніе. Въ разгорѣвшемся каминѣ огонь жи-

вымъ пламенемъ перебѣгалъ по алымъ обуглившимся голешкамъ и грѣлъ старья, протянутыя ноги Калугина.

— Ольга не понимаетъ, какъ я сталъ старъ душою, и вообще старъ. Развѣ я могу дать счастье ея ребенку, когда у меня самого его нѣтъ?.. Что я ей дамъ? Усталое, изношенное отъ работы тѣло и не менѣе усталое задерганное жизнью сердце... Мнѣ нуженъ покой, раздѣленный съ любимой подругой, ласковой и тихой какъ сестра милосердія, готовая, какъ и я, покорно отцѣвѣсти вдали отъ сцены жизни. Вотъ все, что я могу еще желать; а еще больше — я желаю вѣчнаго отдыха. Моя душа совсѣмъ поспѣѣла.

— Ну, что за мрачныя мысли, Владиміръ! Это ужъ слишкомъ...

— Развѣ вы сами не видите, Николай Алексѣевичъ, что я старѣю не по днямъ, а по часамъ. Вы счастливы, что дожили до восьмого десятка и не знаете, что можно устать смертельной усталостью.

— Потому что, мой другъ, я не разъ повторялъ тебѣ, что нельзя работать, какъ ломовая лошадь и не слѣдуетъ всю силу и энергію сердца концентрировать на чувствѣ...

— Нѣтъ, это не то... Какъ-то случайно я встрѣтилъ въ вагонѣ одну женщину, которая сказала мнѣ, что я человѣкъ тѣни. Я не сразу понялъ тогда ея мысль, но, раздумывая, мало-по-малу она стала мнѣ ясна. Да, вокругъ меня всегда были тѣни, вся жизнь моя протекла вдали отъ лучей свѣта, и уйти мнѣ суждено въ тѣнь.

— Это ужъ что то мистическое...

— Если хотите — да, мистическое, но очень вѣрно. Вся жизнь безъ солнца, какъ въ сумеркахъ... Каринъ замолчалъ, глубоко задумавшись, и опять наступило молчаніе.

Да, люди свѣта могутъ быть смѣлыми и даже дерзкими въ своихъ поступкахъ, рискъ имъ не опасенъ, жизнь идетъ имъ навстрѣчу, и тамъ, гдѣ мы, люди тѣни, спо-

тыкаемся и усталые падаемъ, тамъ эти люди свѣта и радости, при звукахъ фанфаръ, шествуютъ побѣдителями, безпечными баловнями судьбы. Для нихъ — жизненный пиръ, для насъ — безпросвѣтные будни. Они умираютъ, опившіеся изъ пьянаго кубка жизни, мы же умираемъ, не глотнувъ изъ него ни одной капли.

— Однако, позволь, mon cher, то, что ты говоришь, ужъ очень трагично. Ну, возьмемъ хоть тебя: развѣ ты не испытываешь извѣстнаго чувства удовлетворенія гордости, самолюбія и честолюбія отъ сознанія, что достигъ на ступеняхъ общественной лѣстницы и почета, и уваженія, и даже извѣстности? Толпа аплодируетъ и завидуетъ тебѣ. Ты честно и разумно выполняешь свой долгъ.

— Развѣ жизнь въ фактахъ? Жизнь въ переживаніяхъ. Вся жизнь моя — это жизнь крота, безъ личныхъ радостей, безъ солнца. Въ сорокъ пять лѣтъ я старикъ, усталый и унылый старикъ. Гдѣ и когда были мои радости?.. Вы, Николай Алексѣвичъ, ничего серьезнаго и путнаго не сдѣлавшій въ жизни, промотавшій два состоянія на кутежи и женщинъ, — вы человѣкъ свѣта и потому васъ любили не только тѣ женщины, которыхъ любили вы, но и тѣ, которыя были вамъ безразличны; всѣ ваши прихоти выполнялись судьбой безъ затрудненія и, доживъ до восьмого десятка, вы готовы начать жизнь сызнова.

— Да, это ты, пожалуй, правъ, — улыбнулся Калугинъ, бросая въ каминъ окурокъ сигары. — Однако, мнѣ пора, и я долженъ тебя покинуть. Думаю, что я поступилъ не опрометчиво, предупредивъ тебя о томъ, что ни сегодня-завтра ты услышишь отъ Ольги. Подумай. поспеши своими мудрыми мозгами, авось ты и найдешь иной, болѣе счастливый для Ольги исходъ.

— Николай Алексѣвичъ, суетливо семеня ногами. стыскивалъ, свою шляпу.

— Le voilà. Donc au revoir et à bientôt. Не падай духомъ: все обойдется, Богъ дастъ. Что дѣлать: c'est la vie. Романистовъ упрекають за излишнюю фантазію, а жизнь выкидываетъ съ людьми такіе кундштуки, что романистъ хоть всю жизнь думай, а не выдумаетъ. Да, вотъ еще что: ужъ ты, пожалуйста, что бы тамъ ни было, успокой немного Ольгу; elle est dans un état de tel désespoir, что я за нее очень боюсь. Ну, прощай. Я опаздываю на чай къ милой Мэричкѣ. . . Ты ее, кажется, не любишь. . . дочь княгини Шабаевой. А? Что?

— Право, я не знаю, о комъ вы говорите, — съ усилениемъ подавляя вздохъ и желая скрыть нетерпѣливое желаніе остаться одному, разсѣянно отвѣтилъ Каринъ.

— Ну вотъ, какъ же ты забылъ?.. La petite japonaise au bal costumé des Щербаковъ.

— А, да. . . помню. . .

— Она всегда спрашиваетъ меня, какъ поживаетъ суrowsый ораторъ. . . Такъ до свиданія! . .

Калугинъ, наконецъ, ушелъ. Каринъ прошелъ въ кабинетъ, опустился въ то же кресло передъ потухающимъ каминомъ, закрылъ ладонью глаза и весь, мозгомъ и душой, погрузился въ безысходную тоску. Мысли, мрачныя и тяжелыя, давили на мозгъ, и сердце, холодѣя, точно умирало.

Распутать узелъ роковой шарады онъ не только не пытался, но даже не искалъ средствъ отодвинуть ее съ жизненнаго пути. Онъ понялъ сразу и безъ борьбы, что судьба поставила его передъ несокрушимой стѣной, которую онъ не можетъ ни пробить, ни перескочить черезъ нее. Его воображенію рисовались тѣни, которыя всю жизнь окружали его, заслоняя свѣтъ; теперь онѣ сгустились и, обступивъ непроницаемой стѣной, погрузили его во тьму.

Всегда аккуратный и пунктуальный, Каринъ забылъ, что ему надо было просмотрѣть до прихода секретаря нѣ-

сколько дѣлать. Онъ сидѣлъ, весь опустившись и сгорбившись передъ потухающимъ каминомъ до тѣхъ поръ, пока ни раздался въ передней звонокъ и не послышался голосъ секретаря.

Вечеромъ онъ долженъ былъ ѣхать по повѣсткѣ на засѣданіе къ градоначальству. Напряженіе воли, помогавшее ему сосредоточить мысли на дѣлахъ, вдругъ ослабѣло, и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ, что не можетъ справиться съ собой, не можетъ заставить себя дѣлать то, что по росписанію всего дня, ему надлежало выполнить. Онъ не поѣхалъ на засѣданіе. Первый разъ обязанности службы отошли на задній планъ. Каринъ чувствовалъ невозможность что нибудь дѣлать или говорить, не относящееся къ тѣмъ мучительнымъ переживаніямъ, которыя все глубже и глубже овладѣвали имъ. Бесильный побороть, остановить надвигающуюся на него сплошную стѣну несчастія, онъ съ тупой и безсильной покорностью желалъ, чтобы неотвратимое опредѣлилось скорѣе и задавило бы его окончательно. По логикѣ событій онъ понималъ, что жизнь его идетъ ко дну и если еще находилъ въ себѣ силы для страданія, то только думая объ Ольгѣ. Нѣсколько разъ онъ бралъ трубку телефона и готовъ былъ позвонить ей, сказать, что знаетъ о ея возвращеніи; но рука не слушалась, не надавливала кнопки звонка и, съ тяжелой нерѣшимостью, боясь что нибудь осложнить, онъ вѣшалъ трубку на мѣсто и то ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, то безсознательно опускался въ кресло и сидѣлъ подолгу безъ движенія. Слабость не только моральная, но и физическая овладѣла имъ настолько, что онъ долженъ былъ, наконецъ, лечь на диванъ. Въ полной тишинѣ одинокаго кабинета онъ чувствовалъ, какъ никогда, свое одиночество и, съ горечью сожалѣнія, перелистывалъ страницы своей жизни однообразной, несложной, ничего не давшей ему кромѣ разочарованія и тоски. Мозгомъ онъ понималъ и оцѣни-

валъ жертву, которую Ольга готова была принести для дочери, но сердцемъ онъ укорялъ ее за то, что, отъ начала до конца, она приносила его въ жертву и ни разу любовь женщины не поборола въ ней материнскихъ чувствъ. Теперь она готова была убить не только свою любовь, но безпощадно требовала и съ его стороны жертвы, не справляясь, достанетъ ли у него, уже истощившаго на нее громадный запасъ душевныхъ силъ, жизненной энергіи на подобный, противорѣчащій всѣмъ его понятіямъ, подвигъ. Терзаясь и не находя исхода, Каринъ лежалъ въ темномъ кабинетѣ, испытывая сквозь полудремоту давящую тоску. Острый рѣзкій звукъ телефоннаго звонка врѣзался въ тишину и темноту кабинета. Каринъ вскочилъ и съ бьющимся сердцемъ снялъ трубку.

— Я слушаю.

— Это я... Ты удивленъ, Дима? Мы здѣсь уже нѣсколько дней... Я хочу видѣть... хочу говорить съ тобой... Что?.. Отчего ты молчишь? Ты слышишь?..

— Да, я слышу... извини, я очень взволнованъ...

— Когда можно къ тебѣ?

— Когда хочешь. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... сейчасъ...

— Невозможно. Я не отхожу отъ Таниты. Я сказала ей, что тебя нѣтъ въ городѣ, что ты на нѣсколько дней по дѣламъ службы выѣхалъ... теперь я боюсь, чтобы она не позвонила тебѣ... завтра я завезу ее къ дантисту и, пока она будетъ у него, я приѣду къ тебѣ часа въ два... Можно? Ты не будешь занятъ?

— Я буду дома, когда хочешь.

— Дима, что съ тобой? У тебя такой странный голосъ...

— Я не совсѣмъ здоровъ... У тебя, Оля, тоже странный голосъ...

— Да, конечно... прости, что я не извѣстила о приѣздѣ... было невозможно...

— Я вѣрю тебѣ, Оля...

— До завтра... Дима... я слышу шаги Таниты... :

Голосъ замолкъ. Каринъ повѣсилъ трубку, зажегъ на столѣ электрическую лампу и, не отдавая себѣ отчета, раскрылъ папку и взялъ нѣсколько дѣлъ, но сейчасъ же отложилъ ихъ въ сторону. Подъ руку ему попалось нераспечатанное письмо Нелли. Онъ взялъ разрѣзной ножикъ и, аккуратно взрѣзавъ конвертъ, досталъ письмо и хотѣлъ прочесть его, но, пробѣжавъ глазами двѣ строчки, ничего не понялъ. Такъ же машинально онъ сложилъ письмо, вложилъ обратно въ конвертъ и положилъ подъ прессъ-папье. Чувствуя сильное сжатіе сердца, которое за послѣднее время давало себя знать все чаще и чаще, Каринъ прошелъ въ спальню, принялъ лекаство и рѣшилъ лечь въ постель. Онъ никогда такъ рано не ложился, и Герасимъ былъ крайне удивленъ и обезпокоенъ, когда онъ велѣлъ приготовить себѣ постель и помочь раздѣться.

— Не извольте захворать... до бѣды недалеко... съ лица что-то совсѣмъ измѣнились... не прикажете ли дохтура позвать? — заволновался Герасимъ, помогая Карину раздѣться.

— Ничего, Герасимъ, обойдется. Я усталъ, а можетъ быть слегка и простудился.

— То-то и есть, что устали и простудились. Не мѣшало бы и поберечь себя. Николай Алексѣевичъ за завтракомъ нонче вѣрно выражаться изволили: нешто челоуѣкъ ломовая лошадь?.. Не въ мѣру изволите перетруждать себя. Всю ночь за бумагами, а съ утра дѣла да служба; опять же днемъ засѣданія да комиссіи... ни тебѣ покою, ни отдыха.

— Ничего, Герасимъ. Загаси свѣтъ, я засну, и все пройдетъ.

Но Каринъ не заснулъ. Подъ утро, изнуренный бессонницей и тяжелыми размышленіями, онъ задремалъ, сохраняя въ мозгу сознаніе, что наступающій день принесетъ ему что то грозное.

Моросилъ дождикъ. Небо было пасмурно и сѣро. Съ пустой головой и ослабѣвшимъ тѣломъ Каринъ, по привычкѣ, всталъ рано, но, спустивъ ноги съ кровати, сразу ощутилъ такую слабость и разбитость всего организма, что съ усиліемъ одѣлся и вышелъ въ кабинетъ. Привычнымъ жестомъ протянувъ за газетой руку, онъ пробѣжалъ телеграммы, хотѣлъ читать передовую статью, но вмѣсто этого сложилъ газету, положилъ обратно на уголъ стола, всталъ, подошелъ къ окну, увидалъ мокрые тротуары, сѣрое небо, рѣдкихъ прохожихъ и, чувствуя легкій ознобъ, позвонилъ Герасима и велѣлъ затопить каминъ. Яркій огонь, съ трескомъ перебѣгавшій по сухимъ дровамъ, сразу придалъ комнатѣ уютный видъ. Каринъ, обычно дорожившій каждой минутой времени, котораго у него было всегда мало, никогда не позволявшій себѣ отдыха, кромѣ часовъ сна, сѣлъ передъ горящимъ каминомъ, протянулъ къ самому огню ноги, опустилъ голову и, безъ тревоги о неприсмотрѣнныхъ дѣлахъ, безъ малѣйшей мысли о томъ, что онъ теряетъ драгоцѣнное время, погрузился въ непривычное, новое ощущеніе удовольствія, испытываемое тѣломъ отъ покойнаго, неподвижнаго положенія и тепла, идущаго отъ камина.

— ... Мечемся, волнуемся, бьемся, а какъ просто, чтобы было хорошо!.. забыть, отодвинуться отъ жизни и сразу покой... — думалъ Каринъ, дѣйствительно уходя куда-то въ сторону отъ вѣчно тормозившей и дергавшей его жизни.

Вошелъ Герасимъ, подложилъ дровъ и оглянулся на своего барина. Никогда не выдавъ его въ такомъ состояніи бездѣйствія, старый слуга понялъ, что творится что то не ладное.

— Не прикажете ли ноги потеплѣе укрыть? Отъ огня то нажарятся, какъ бы хуже не было...

— Ногамъ хорошо, Герасимъ, а ты принеси пледъ и закрой мнѣ плечи: знобить немного.

— Извольте, извольте, — Герасимъ заботливо завернулъ ему плечи въ мягкій, теплый пледъ, отчего сгорбившаяся большая фигура Карина казалась на фонѣ огня огромной темной массой.

— Можетъ быть у меня начинается какая нибудь серьезная болѣзнь, — думалъ Каринъ, испытывая все большее и большее наслажденіе отъ неподвижности и тепла. — Можетъ быть у меня жаръ... Какъ бы хорошо заболѣть надолго, быть безъ сознанія, чтобы все это пролетѣло надъ головой... помимо меня вылилось бы во что слѣдуетъ... а я бы такъ сидѣлъ или лежалъ, ни о чемъ не думая, ничего не зная...

Согрѣтое тѣло разслабѣло еще больше. Каринъ закрылъ глаза. Вдругъ онъ началъ куда то вязнуть. Чѣмъ больше онъ силился вытянуть ноги, тѣмъ глубже онъ вязли во что то липкое и отвратительное. Онъ открылъ глаза и увидалъ, что вязнетъ въ глубокой черной грязи на темной и узкой дорогѣ. Ослабѣвшія ноги не могли устоять, онъ споткнулся и упалъ. Въ то время, какъ, барахтаясь руками и ногами, весь выпачканный и потный отъ тщетныхъ усилій, онъ хотѣлъ встать на четверенки, на него наѣхалъ тяжелый возъ, сбиль съ ногъ, и онъ опять упалъ, на этотъ разъ совершенно обезсиленный. Возъ стоялъ на мѣстѣ и давилъ его къ землѣ, погружая все тѣло въ жидкую грязь. Что-то ужасно давило на голову. Онъ сдѣлалъ громадное усиліе, чтобы приподнять ее и передъ самыми глазами увидалъ страшный сѣро-желтый черепъ, дѣлавшій ему отвратительныя гримасы. Челюсть съ оскаленными зубами то медленно, то быстро шевелилась, голова кивала, и онъ отгадывалъ беззвучный полный рокового значенія смѣхъ, вылетавшій изъ громаднаго рта, готоваго вотъ-вотъ развалиться...

Весь потный, полный безотчетнаго смятенія, Каринъ

отнулся. Передъ глазами все еще стоялъ черепъ, дѣлавшій гримасы. Онъ провелъ рукой по лбу. Любовь была влажный и горячій. Хотя въ каминѣ попрежнему ярко пылалъ огонь, но видъ всей комнаты показался ему суровый и неуютный, какъ будто не въ бреду, а въ этой самой комнатѣ его дразнили гримасами голый черепъ. Этотъ странный, короткій бредъ показался ему зловѣщимъ. Съ тяжелымъ сердцемъ онъ поднялся съ кресла и рѣшилъ во что бы то ни стало заняться дѣлами. Позвонивъ по телефону въ камеру, онъ попросилъ секретаря прислать съ курьеромъ переписку и дѣла. О томъ, что черезъ нѣсколько часовъ должна придти Ольга, онъ изъ всѣхъ силъ старался не думать, потому что эта мысль наполняла его не только тревогой, но какимъ то новымъ и безотчетнымъ страхомъ. Несмотря на то, что онъ не видалъ Ольги сравнительно давно, онъ готовъ былъ отсрочить свиданіе съ ней на неопредѣленно долгій срокъ, лишь бы отодвинуть то темное, что надвигалось и что, какъ въ бреду подъ телѣгой, давило голову.

Онъ сѣлъ къ столу. Мысли уплывали куда то въ сторону, и онъ съ трудомъ пересматривалъ дѣла, принуждая мозгъ вникать въ прочитанное. Передъ нимъ лежало дѣло объ убійствѣ мужа женою. Участковый товарищъ прокурора написалъ обвинительный актъ объ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи. Убійца — еще молодая женщина, — значилась подъ стражей. Камерный товарищъ въ своей замѣткѣ полагалъ, что осторожность требуетъ обвинять убійцу въ преступленіи, совершенномъ не въ состояніи запальчивости или раздраженія, а въ превышеніи ею предѣловъ необходимой обороны.

Каринъ безсознательно откинулся на спинку кресла и долгое время сидѣлъ съ уставленными въ уголъ глазами, забывъ о разложенныхъ передъ нимъ на столѣ листахъ дѣла. Въ головѣ стоялъ отвратительный бредъ дѣлающаго гримасы черепа. Темное, тоскливое чувство заползало

въ душу; хотѣлось забыть бредъ, не придавать ему значенія, но онъ стоялъ передъ глазами настойчивый и волнующій. Каринъ вздохнулъ, вспомнилъ о дѣлахъ и, подперевъ голову ладонью, опять склонился надъ столомъ. Передъ нимъ вставали подробности чужой жизни, и, мало-по-малу, онъ сталъ вникать въ нихъ.

Мѣщанская среда, жена — портниха съ среднимъ заработкомъ, мужъ — пьяница, грубый и жестокий. Въ вечеръ убійства онъ явился домой пьяный и безъ всякаго повода принялся колотить жену. Она убѣжала въ заднюю комнату и заперлась въ ней на ключъ. Разсвирѣпѣвшій пьяница бросился вслѣдъ за ней, вырубилъ топоромъ дверь и кинулся къ ней. Она схватила случайно лежавшій на подоконникѣ его же револьверъ, выстрѣлила въ него и убила наповаль.

Дрожащей отъ волненія рукой, Каринъ сейчасъ же набросалъ черновикъ заключенія о прекращеніи уголовного преслѣдованія.

Привыкшій къ дисциплинѣ мозгъ, уже подчинился ему, и Каринъ просматривалъ одно дѣло за другимъ, забывая о себѣ и не замѣчая теченія времени.

Раздался звонокъ.

Каринъ вздрогнулъ, взглянулъ на часы и всталъ. Въ переднюю шелъ Герасимъ.

— Я самъ открою. Иди, Герасимъ, ты мнѣ не нуженъ до обѣда.

— Слушаю-съ! — Герасимъ ушелъ.

Тогда Каринъ подошелъ къ входной двери и открылъ ее. Передъ нимъ стояла Ольга.

— Дима!.. — Она порывисто перешагнула порогъ, какъ будто желая броситься къ нему и тотчасъ же остановилась.

— Здравствуй, Оля!.. — Онъ шагнулъ къ ней, хотѣлъ обнять и тоже остановился. Онъ зналъ, съ чѣмъ она пришла къ нему, и эта мысль спугнула его порывъ ласки.

— Вотъ я и пріѣхала... ты не ожидалъ?!. Что съ тобой?.. ты такъ осунулся... ты нездоровъ?

— Да, немного... простудился должно быть.

— Ну, здравствуй же, Дима. — Ольга, сбросивъ пальто, протянула ему обѣ руки. Каринъ поцѣловалъ ихъ одну за другой и ввелъ ее въ кабинетъ.

— А ты все за своими бумагами, милый... Я не на долго къ тебѣ: завезла Таниту къ дантисту съ тѣмъ, что за ней miss Jesob заѣдетъ... — Ольга, усѣвшись въ уголъ дивана, какъ бы отъ озноба поводила плечами, натягивая на нихъ мѣховую перелинку. Она заранѣе обдумала весь разговоръ, но первые шаги ихъ встрѣчи оказались совсѣмъ иными, чѣмъ она себѣ ихъ представляла и потому она не знала теперь съ чего начать. Осунувшееся, постарѣвшее лицо Карина, потупленный взглядъ и странная, почти холодная сдержанность пугали ее. Она искала словъ для столько разъ обдуманнаго объясненія, не находила ихъ и говорила малозначущія, ненужныя вещи.

— Дима, милый, — наконецъ перебила она сама себя, — я пріѣхала, чтобы поговорить съ тобой... ты долженъ узнать про Таниту...

— Да, Оличка, я знаю, — не подымая съ полу глазъ, отвѣтилъ Каринъ. Онъ сидѣлъ подлѣ нея въ креслѣ, подавшись впередъ, оперевъ локти о колѣни и скрестивъ пальцы.

— Ты знаешь?.. Откуда?

— Вчера завтракалъ у меня Николай Алексѣевичъ и разсказалъ мнѣ то, что произошло послѣ моего отъѣзда.

— Я не знала, что дядя былъ у тебя... чтожъ онъ еще говорилъ тебѣ? — помолчавъ, глухо спросила Ольга.

— Больше ничего, — тихо проговорилъ Каринъ, все больше и больше владѣя собой. Въ первую минуту, когда онъ увидалъ Ольгу, въ сердцѣ у него будто сорвалось что-то и покатилося внизъ; онъ потерялъ сразу то состояніе безразличнаго покоя, что съ утра вселилось въ

немъ. Однако, мало-по-малу, онъ начиналъ справляться съ собой. Волненіе и страхъ услышать изъ устъ Ольги то, что вчера передалъ ему Калугинъ, исчезали: сердце деревянѣло и ему казалось, что онъ давнымъ давно все это уже предвидѣлъ и зналъ и, только изъ трусости, обманывалъ себя, ожидая отъ жизни чего-то другого.

— Дима, мы должны найти исходъ этому ужасному положенію... такъ длиться не можетъ... Танита любить тебя... да, да, это ужасное слово я должна произнести. Она любить и страдаетъ. Мы должны спасти ее; она ни въ чемъ вѣдь не виновата. — Ольга говорила тихо, почти шопотомъ.

— Какъ же спасти? — Каринъ крѣпко, до боли стиснулъ пальцы.

— Одинъ ты можешь это сдѣлать...

— Какъ? — Каринъ еще сильнѣе сдвинулъ пальцы и закрылъ глаза, ожидая удара.

— Дима, женись на ней, — беззвучно проговорила Ольга.

Каринъ осторожно, втихомолку перевелъ дыханіе; ему было мало воздуха. Онъ передохнулъ еще разъ и разжалъ омертвѣлые отъ боли пальцы.

— Это говоришь ты, женщина, которой я отдалъ всю мою жизнь. — Каринъ смотрѣлъ на Ольгу, какъ будто хотѣлъ увидѣть и рассмотреть ее такую, какой она стала для него послѣ произнесенныхъ словъ: новой и отчужденной.

— Говорить мать, Дима... женщина должна уступить мѣсто матери.

— Я это всегда слышалъ и покорялся, но на этотъ разъ я покориться не могу по той простой причинѣ, что не умѣю лгать ни себѣ, ни другимъ. Я люблю тебя, а не Таниту. Женившись на ней, я долженъ буду лгать ей, себѣ и тебѣ.

— Мнѣ лгать не придется... я уйду, исчезну для тебя...

— Дѣло не въ этомъ, Оля, — перебилъ ее Каринъ, болѣзненно двигая брови. — Жизнь не театральная драма, которую можно разыграть по заказу, чтобы опустивъ занавѣсъ, разойтись къ своимъ обычнымъ дѣламъ. Жизнь требуетъ продолженія. Очевидно этого ты не учиываешь, не видишь всего, что можетъ и должно произойти отъ неестественнаго, фальшиваго поступка. Въ моей головѣ не укладывается, какъ могла родиться у тебя подобная мысль послѣ десяти лѣтъ нашей взаимной любви?! Вѣдь ты же любила меня, Оля. Я считалъ, что ты любила меня большой и серьезной любовью, или, можетъ быть, я переоцѣнивалъ твое чувство?

— Дима, что ты говоришь?.. — Ольга, схвативъ Карина за рукавъ, подалась вся впередъ. — О, если бы ты зналъ, если бы ты только могъ понять, что за разладъ у меня въ душѣ и сердцѣ! Все перепуталось, я не нахожу себя, я не вижу дна пропасти, къ краю которой меня толкнула жизнь. Пойми, ради Бога пойми, Дима, что я подхожу вплотную къ душѣ твоей, ищу въ ней чистѣйшій алмазъ дружбы и открываю передъ тобой всю глубину моего немошняго я. Что мнѣ дѣлать? Научи, что же мнѣ дѣлать? За всѣ десять лѣтъ не только словомъ, но даже мыслью я не измѣнила тебѣ; я любила тебя, мучаясь и страдая, что должна скрывать отъ дочери и людей это чистое и глубокое чувство. И вдругъ, Дима, сердце женщины начало подсказывать мнѣ, что ты любимъ не только мною. Пойми мою муку и мой ужасъ, пойми, что за хаосъ вселился въ мой мозгъ и сердце, когда Танита, рыдая, исповѣдывалась передо мной, когда я поняла, что страдаетъ не дѣвочка, а полюбившая женщина!.. тогда, Дима, мной овладѣлъ настоящій ужасъ, чтобы эта чистая любовь юнаго сердца не была бы запятнана даже тѣнью подозрѣнія, что я — мать, — стою на ея дорогѣ. Уйти,

спрятаться куда нибудь далеко-далеко, исчезнуть. Въ мукахъ разбитой собственными руками любви перегорить, исчезнетъ безслѣдно прошлое и не будетъ грязи раздѣленнаго союза отъ матери къ дочери. Страданіе искупить вину минувшаго... Дима, жизнь зоветъ къ будущему и мы обречены ставить кресты надъ прошлымъ. Умоляю тебя забудь, что насъ связываетъ любовь, забудь все, кромѣ жизненной правды. Скажи мнѣ, какъ другу, какъ сестрѣ: развѣ въ сердцѣ твоемъ ты не находишь въ Танитѣ зерна любви, которое разрослось бы въ будущемъ? Подумай, поищи, скажи мнѣ правду. Вѣдь теперь я стала выше чувства ревности, и въ счастья Таниты я найду оправданіе того, что, быть можетъ, зарождается въ сердцѣ твоемъ...

Ольга умолкла. Ея лицо, блѣдное и осунувшееся, покрылось красными пятнами, въ глазахъ загорѣлся лихорадочный блескъ. Каринъ продолжалъ молча глядѣть себѣ подъ ноги. Ольга, принявшая его молчаніе за провѣрку себя, за колебаніе, порывисто встала, чувствуя, какъ нервный комокъ подступалъ ей къ горлу. Страхъ, что сейчасъ, сію минуту, она услышитъ согласіе на то, для чего пришла сюда, о чемъ такъ горячо просила, сковалъ ее. Не въ силахъ произнести ни слова больше, она дотронулась до плеча Карина. Онъ поднялъ голову и странно-отсутствующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Скажи же... что нибудь, Дима... — прошептала Ольга.

— Того, что ты хочешь, я сказать не могу. Мнѣ безконечно жаль бѣдную Таниту, но въ мужскомъ сердцѣ жалость не можетъ породить любви, а еслибы это случилось, то было бы преступнымъ оскорбленіемъ святости моего къ тебѣ чувства. Я могу любить только тебя.

— Боже мой... Въ какой заколдованный кругъ мы попали!... Что намъ дѣлать?... Дима, сдѣлай жертву во имя мое, сдѣлай жертву... — Ольга говорила эти слова

зная, что они бесполезны; гдѣ то глубоко въ себѣ она сознавала, что сознаніе этой бесполезности облегчаетъ ей возможность настаивать и просить.

— Нѣтъ, Оля, этой жертвы я не принесу, — строго проговорилъ Каринъ, дѣлая удареніе на словѣ это.

— Но что же теперь будетъ?!. — Ольга опустила голову, сдавливая пальцами виски.

Въ передней раздался слабый, будто нерѣшительный звонокъ.

— Ахъ... — Ольга вздрогнула.

— Не беспокойся. Вѣроятно же всего это мой секретарь. Пройди, милая, въ столовую. Я ему самъ открою, передамъ дѣла и скажу, что нездоровъ и заниматься не могу.

Каринъ прошелъ въ переднюю, чтобы открыть дверь. Ольга взяла со стола перчатки и вышла въ столовую, прилежавшую къ кабинету. Она подошла къ окну, безучастно глядя на улицу.

— ... Простите... я на секунду... на одну секунду... мнѣ очень надо сказать вамъ что-то... — долетѣлъ до слуха Ольги чей-то слабый, еле внятный голосъ.

— Какъ... это вы, Танита?!. Я никакъ не ожидалъ... что случилось, мой маленькій другъ? — услышала Ольга слова Карина, произнесенныя, какъ будто съ намѣреніемъ, особенно громко. Ольга метнулась отъ окна, схватилась за голову и вдругъ сразу вся ослабѣла, медленно опустилась на стулъ и, какъ отъ холода, вся съезжившись, дрожа мелкой нервной дрожью, застыла, превратясь вся въ слухъ. Послышались легкіе шаги, и въ кабинетъ вошла Танита. Изъ подъ большой черной шляпы на Карина смотрѣли смущенные голубые глаза. Краска то прилиwała, то отливала къ щекамъ. Танита остановилась посреди кабинета. Въ темномъ костюмѣ, тоненькая и высокая, она, не находя нужныхъ словъ, пересиливая волненіе, застегивала и разстегивала узкую шведскую перчатку. Малень-

кая перламутровая пуговица сорвалась и упала на коверъ. Танита хотѣла поднять ее, передумала, сняла перчатку и вдругъ рѣшительно взглянула Карину въ глаза.

— Владиміръ Сергѣевичъ, отчего вы не приходите къ намъ? Мы пріѣхали четыре дня тому назадъ.

— Я отсутствовалъ, а потому не зналъ о вашемъ пріѣздѣ, — бодро отвѣтилъ Каринъ. — А вотъ вы отвѣтьте-ка мнѣ, съ какихъ это поръ вы вздумали однѣ выходить? Развѣ это допустимо при слабости вашего зрѣнія? Что скажетъ мама?

— Да, мама останется недовольна. Что же дѣлать... Мнѣ надо было видѣть васъ... — Танита запнулась.

— Садитесь, дружокъ, и расскажите, какъ вы доѣхали, какъ ваши глаза? Что ваши поклонники?

— Я вижу не важно, потому что у меня тоска...

— Полноте, Танита! Въ ваши годы тоски быть не можетъ...

— Ужасная тоска... Владиміръ Сергѣевичъ, прошу васъ, скажите мнѣ правду: зачѣмъ вы тогда уѣхали отъ насъ?

— Меня вызвали дѣла, это не секретъ...

— Такъ было все хорошо и все вдругъ испортилось... У меня такое чувство, будто вы не хотите насъ больше знать.

Каринъ разсмѣялся дѣланнымъ, неискреннимъ смѣхомъ.

— Что за мысли вамъ приходятъ, Танита! Отчего это?

— Отъ многого... — Она опустила глаза. Видно было, какъ у нея дрожали углы губъ. — Владиміръ Сергѣевичъ... — тихо произнесла Танита и покраснѣла такъ, что уши у нея залило краской. Каринъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этого трепетнаго призыва.

— Какъ вашъ голосъ? Вамъ надо очень серьезно имъ заняться. Я увѣренъ, что вы можете быть первоклассной оперной пѣвицей. Подумайте, дружокъ, объ этомъ. Вѣдь,

талантъ — это рѣдкій даръ Божій. Представьте себѣ сколько громаднаго удовлетворенія вамъ можетъ дать этотъ талантъ. Жизнь широко разолется передъ вами, и вы будете достойны этого, потому что вы добрая, милая, хорошая дѣвушка.

— Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то... — медленно покачала Танита головой. . . — Нѣтъ, я не мечтаю объ этомъ. Владиміръ Сергѣевичъ, зачѣмъ вы не хотите спросить меня, для чего я пришла къ вамъ? Вѣдь вы же удивлены. Вы подозреваете, что я пріѣхала безъ вѣдома мамы, вы должны понимать, что если я рѣшилась на это, значить, случилось что-то особенное. Отчего же вы замалчиваете? Скажите, отчего? Или можетъ быть... вы уже все сами знаете, т. е. поняли все?

— Дружокъ мой, я ничего не знаю, но, конечно, догадываюсь, что съ вами случилось что-то и готовъ раздѣлить и ваши печали, и ваши радости, какъ бы раздѣлилъ ихъ вашъ отецъ, братъ, вашъ вѣрный другъ. Я смотрю на васъ, какъ на милый, нѣжный цвѣтокъ, надъ которымъ вотъ-вотъ жизнь зажжетъ горячее солнце и я буду счастливымъ свидѣтелемъ вашего счастья.

— Нѣтъ, нѣтъ... я не могу, такъ... Поймите же меня, наконецъ, вы, только вы одинъ. . .

— Танита, что съ вами?.. Что случилось?.. Вы плачете!.. — Каринъ нагнулся, осторожно беря руку Таниты. Онъ понялъ, что объясненіе стало неизбежнымъ, и не боялся больше его. Что бы ни случилось теперь, все стало казаться ему простымъ, нисколько не могущимъ измѣнить того, что надвигалось на него быстро и неуклонно.

— Да, я плачу... я должна сказать вамъ все... иначе я задохнусь... : Владиміръ Сергѣевичъ, вы мое солнце, вы мое яркое, единственное солнце... — Танита, въ порывѣ цѣломудреннаго экстаза, соскользнула съ кресла на колѣни и протянула руки къ Карину. — Вы — тотъ

яркій, горячій потокъ свѣта, котораго тщетно ищутъ мои глаза.

— Ради Бога, Танита, встаньте. Что съ вами, моя милая дѣвочка?.. — Каринъ бросился къ ней, поднялъ ее съ колыма и усадилъ рыдающую опять на кресло. — Онъ осторожно проводилъ рукой по ея вздрагивавшимъ плечамъ.

— Простите... не осудите... я не могу, я задыхаюсь... я такъ люблю, такъ давно люблю васъ, а вы не замѣчаете меня, не подозрѣваете, какой темной ночью кажутся мнѣ дни вдали отъ васъ, какъ я жду васъ, какъ я ловлю каждое ваше слово... Я ни за что не рѣшилась бы сказать вамъ все это, но я измучилась, не видя васъ такъ долго и напрасно ожидая васъ всѣ эти дни. Мнѣ казалось, что мама нарочно говорить, будто вы уѣхали. Ко всему вдобавокъ мнѣ снился сегодня такой страшный сонъ... Будто я въ полѣ, ищу глазами солнце и не вижу его, не ощущаю на лицѣ его теплыхъ лучей. Вдругъ мнѣ становится чего-то страшно, и я бѣгу бѣгу... Остановилась, чтобы перевести дыханіе и вижу, что все поле усыяно алыми яркими маками. Я опять бѣгу по нимъ, спѣшу куда то, вижу васъ, зову, подбѣгаю къ вамъ, а у васъ полныя руки этихъ алыхъ маковъ, и вы такъ блѣдны, такіе у васъ строгіе глаза. Я бросаюсь къ вамъ, но вы отстраняете меня. «Развѣ вы не видите, Танита, что у меня маки?!» — какъ то странно и торжественно говорите вы и начинаете отступать отъ меня. Я бросаюсь къ вамъ, но вы исчезаете, и я остаюсь одна среди этихъ цвѣтовъ, которые почему-то начинаютъ внушать мнѣ ужасъ. Я стала громко кричать и проснулась. Надо мной стояла мама, испуганная моими стонами и крикомъ. Я боюсь этого сна, я не хочу, чтобы вы отстраняли меня... Для васъ я сдѣлаю все, все... Подъ лучами вашей ласки я прозрѣю...

— Танита, дитя мое, выслушайте меня. — Каринъ придвинулъ стулъ и сѣлъ близко подлѣ нея, держа ее за руку. — Выслушать признаніе такой чистой, прекрасной дѣвушки какъ вы, — величайшее для меня счастье и въ то же время — мука, потому, что вы не знаете, дитя мое, кому вы это говорите. Теперь я открою вамъ то, что давно исковеркало мою жизнь и что я никому не довѣрялъ. Я женатъ, давно женатъ, Танита... Моя жена, нехорошая и злая женщина, живетъ всегда за границей и никогда, ни за что не дастъ мнѣ развода; я связанъ на всю жизнь.

— Что?.. Что вы говорите?!. — Танита схватила обѣими руками руку Карина.

— Да, дружокъ мой...

— Такъ вотъ что значать эти алые маки! — Танита медленно поднялась и, приложивъ руки къ груди, тяжело дышала.

— Не надо такъ вѣрить снамъ, Танита; это случайное. Вѣрьте, что ваше признаніе я заключилъ въ сердцѣ своемъ какъ чистѣйшій алмазъ, вѣрьте, что судьба пошлетъ вамъ, помимо меня, большое, яркое счастье, что вы...

— Не говорите, не надо... я уйду сейчасъ, уйду...

— Погодите, дружокъ, успокойтесь немного.

— Ничего... я поѣду домой, я дома успокоюсь лучше... Прощайте... забудьте про меня, Владиміръ Сергѣевичъ...

— Нѣтъ, я не забуду, никогда не забуду...

— Не надо, не провожайте, я одна... — Танита вышла изъ кабинета.

Каринъ, понутивъ голову, стоялъ у письменнаго стола. Когда захлопнулась входная дверь и все затихло, на порогъ кабинета появилась фигура Ольги.

— Святая ложь... — глухо проговорила она.

— Прости меня, Оля... Я ранилъ ее, потому что любилъ тебя.

— Ты ранилъ ее, быть можетъ, на смерть, Дима. Я иду къ ней... прощай, мой милый. Узелъ нашей жизни спутался такъ, что не въ нашей власти его распутать.

— Тогда надо разрубить его, Оля.

— Да, Дима, ты правъ: надо разрубить. Уѣзжай, уѣзжай куда нибудь далеко, на долго, навсегда. Быть можетъ, она забудетъ тебя. Прощаясь съ тобой, я умираю для жизни, но развѣ я въ силахъ жить, когда по моей винѣ разбито сердце Таниты?! Дима, я иду къ ней... мнѣ страшно за нее... Прощай, мой любимый...

Страхъ за дочь и отчаяніе разлуки овладѣли Ольгой. Она бросилась на грудь Карина. Онъ нѣжно обнялъ ее, приложилъ къ своимъ глазамъ и ко лбу ея руки, одну за другой, перекрестилъ, взялъ голову ея между ладоней, долго и пристально глядѣлъ ей въ глаза, долго цѣловалъ ихъ и, тяжело вздохнувъ, опустилъ руки.

— Дима, сдѣлай все, что можешь... уѣзжай, уѣзжай поскорѣе... — У Ольги дрожала нижняя челюсть такъ, что слышно было, какъ ударялись зубы. Она говорила съ отчаянной рѣшимостью погибающаго.

— Я уѣду, далеко уѣду... иди къ ней, Оля... Иди скорѣе. — Каринъ махнулъ рукой и отвернулся. Ольга быстро пошла къ двери.

— Дима!.. — вдругъ вскрикнула она и хотѣла вернуться обратно, но Каринъ, продолжая стоять на томъ же мѣстѣ, не поворачивая головы, слабо махнулъ рукой, чтобъ она шла. Ольга, прижавъ платокъ къ сдерживая рыданіе, бросилась къ входной двери.

Каринъ, тяжело опершись рукой о бортъ стоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ медленнѣе походкой прошелъ къ другому краю стола, двинулъ ящикъ, досталъ револьверъ, закрылъ глаза и, приложивъ дуло къ виску, спустилъ курокъ.

К о н е ц ъ.